

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

ДЕРЕВЬЕВ

ТЕНЬ

Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) — выдающийся русский советский писатель, публицист и общественный деятель.

Наряду с разносторонней писательской деятельностью И. Эренбург посвятил много сил и внимания стихотворному переводу.

Эта книга — первое собрание лучших стихотворных переводов

И. Эренбурга. И. Эренбург подолгу жил во Франции и в Испании, прекрасно знал языки, поэзию, культуру этих стран, был близок со многими выдающимися поэтами Франции, Испании, Латинской Америки.

Более полувека назад была издана антология «Поэты Франции», где рядом с Верленом и Малларме были представлены юные и тогда безвестные парижские поэты, например Аполлинер. Переводы из этой книги впервые перепечатываются почти полностью. Полностью перепечатаны также стихотворения Франсиса Жамма, переведенные и изданные И. Эренбургом примерно в то же время. Наряду с хорошо известными французскими народными песнями в книгу включены никогда не переиздававшиеся образцы средневековой поэзии, рыцарской и любовной: легенда о рыцарях и о рубахе, прославленные сетования старинного испанского поэта Манрике и многое другое.

В книгу включены также переводы из Франсуа Вийона, в наиболее полном их своде, переводы из лириков французского Возрождения, лирическая книга Пабло Неруды «Испания в сердце», стихи Гильена. В приложении к книге даны некоторые статьи и очерки И. Эренбурга, связанные с его переводческой деятельностью, а в примечаниях — варианты отдельных его переводов.

М А С Т Е Р А П О Э Т И Ч Е

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

**П. АНТОКОЛЬСКОГО, Е. ВИНОКУРОВА,
М. ЗЕНКЕВИЧА, Н. ЛЮБИМОВА
и Б. СЛУЦКОГО**

ВЫПУСК 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“

С К О Г О П Е Р Е В О Д А

**ТЕНЬ
ДЕРЕВЬЕВ**

СТИХИ
ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ
В ПЕРЕВОДЕ

**ИЛЬИ
ЭРЕНБУРГА**

МОСКВА 1969

СОСТАВИЛА Л. ЗОНИНА
ПРЕДИСЛОВИЕ Б. СЛУЦКОГО
РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА Б. СЛУЦКИЙ и
Е. БЛИНОВ

7-4-4

Б3 32—68 № 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге «Тень деревьев» впервые собраны стихотворные переводы Ильи Эренбурга. Илья Эренбург был романистом, газетчиком, теоретиком искусства, драматургом. Но кроме того и, быть может, прежде всего он был поэтом и переводчиком поэзии. Шесть без малого десятилетий творческого труда Ильи Эренбурга изобилуют вспышками поэтической активности. Еще юношей, перед первой мировой войной, Илья Эренбург переводит своих друзей — парижских поэтов, столь же молодых, голодных и безвестных, как и он сам. Аполлинера, Жакоба, Сальмона, Жамма русский поэт открывает задолго до того, как их открыли французские критики, французские читатели. Тогда же в поисках корней новой французской поэзии Илья Эренбург открывает для себя солдатскую и крестьянскую песни французского средневековья, открывает величайшего из его поэтов Франсуа Вийона.

Пятьдесят лет спустя, на склоне лет, Илья Эренбург заново перечитывает французский фольклор и того же Вийона и заново переписывает свои переводы.

Советская школа поэтического перевода — важная и блестательная страница советской культуры. Всемирная отзывчивость, которой еще Достоевский восхищался у Пушкина, в соединении с интернационализмом нашей эпохи привели к явлению, не имеющему себе подобных ни в одной из великих поэзии мира.

Многие крупные советские поэты были одновременно крупнейшими переводчиками. Поэтический перевод, который во Франции или в Италии до сих пор зачастую является уделом усердных профессоров или же честных ремесленников, у нас стал делом лучших поэтов страны. Каждый из них пришел в перевод своим путем, каждый выбирал свое, близкое. Однако все вместе они решили задачу несравненной трудности — заставили заговорить по-русски лучших поэтов мира.

У Ильи Эренбурга был свой, особенный путь к поэтическому переводу, не похожий на те, которые проторили Мартынов или Исаковский, Пастернак или Заболоцкий, Тихонов или Маршак.

Попробуем разобраться в особенностях этого пути, определить место, какое занимает Илья Эренбург в советской школе поэтического перевода.

Прежде всего бросается в глаза строгая избирательность поэта, которую лучше всего назвать однолюбием.

Илья Эренбург никогда не разбрасывался: два языка — французский и испанский, две поэзии, две культуры, два народа.

Переводы с иных языков, которые порой, хотя и весьма редко, приходилось исполнять Илье Эренбургу в порядке боевой газетной работы, никогда не перепечатывались. Более того, никогда не вспоминались. Однако эта узость кажущаяся. У нее, у этой «узости», были свои

сильные стороны. Илья Эренбург переводил с языков, которые он знал в совершенстве, переводил книжки поэтов, которых он знал лично или чьи стихи пережил, прочувствовал. Он пропагандировал культуру народов, в жизни и освободительной борьбе которых принимал непосредственное участие.

Сначала о языке и связанном с ним вопросе о переводе с подстрочника. Илья Эренбург не мог отрицать закономерность и неизбежность такого перевода. Венгерская поэзия, переданная Мартыновым или Заболоцким, или грузинская поэзия, воссозданная Тихоновым или Пастернаком, были слишком весомыми доводами в пользу подстрочника. Илья Эренбург эти доводы не оспаривал. Однако для самого себя он считал подстрочник неприменимым, невозможным. Французский язык, усвоенный им еще с детства в семье и в гимназии, а затем укрепленный долгими годами жизни и работы во Франции, французский язык всех ее департаментов, французский язык с его многовековой историей, с его наречиями, диалектами, арго и акцентами стал вторым родным языком поэта.

А испанский язык? Его он доучил на слух в окопах республиканцев.

Эти два языка Илья Эренбург знал, как только можно знать язык. С этих языков он и переводил. Всякий раз, когда заходила речь о подстрочнике, на губах Ильи Эренбурга начинала блуждать усмешка — несправедливая, но определенная.

Илье Эренбургу мало было понять и прочувствовать текст. Он должен был знать о поэте все. Более того, он должен был знать все о культуре и о народе, породивших поэта. Поэтому рядом с немногими сотнями строк переводов из Вийона возникает серия исследований о Вийо-

не. Рядом с дюжиной переведенных народных песен — известная книга о французской культуре, рядом с переводами Неруды и Гильена — исследования о Неруде и Гильене.

Переводы Ильи Эренбурга можно оценить, только учитывая его роман о Франции «Падение Парижа», его повесть об Испании «Что человеку надо?», тысячи его газетных корреспонденций из Франции и Испании, его дружбу с Пикассо и пропаганду им живописи Пикассо, наконец, его прямое участие в освободительной борьбе испанского и французского народов.

Вторая особенность пути Ильи Эренбурга к переводу связана с вопросом о заказе. Отрицать роль заказа для поэтов-переводчиков так же неверно, как отрицать роль подстрочника. В любом литературном хозяйстве, а тем более в плановом советском литературном хозяйстве, заказы необходимы. Достаточно вспомнить, что «Витязь в тигровой шкуре» был заказан Заболоцкому, что поэмы Словацкого и Мицкевича были заказаны Мартынову, чтобы снять всякие разговоры о неправомерности заказов. Однако у Маршака, к примеру, наряду с заказанными переводами была и своя заветная мечта — сделать книгу английского поэта Вильяма Блейка, которого он переводил всю жизнь и стал печатать только в старости.

В переводческой деятельности Ильи Эренбурга заказ не сыграл никакой роли. Выбирал и отбирал всегда он сам по соображениям глубоко личным. И если, скажем, переводы Неруды или Вийона стали немаловажной страницей в истории нашей культуры, так произошло это только потому, что личные вкусы, пристрастия, дружеские привязанности совпали здесь с пристрастиями, вкусами и привязанностями века.

Интересна в этом отношении история перевода книги Пабло Неруды «Испания в сердце». В годы борьбы с фашистскими мятежниками и Неруда и Эренбург жили в Мадриде, на переднем крае военных действий. Неруда — в качестве консула Республики Чили, Эренбург — в качестве корреспондента газеты «Известия». Оба принимали непосредственное участие в войне и много о ней писали. Книга Неруды, созданная под бомбежкой и артиллерийскими обстрелами, была опубликована в Мадриде солдатами республиканской армии на бумаге, изготовленной другими солдатами той же армии. Эта книга — ее первое издание представляет ныне величайшую библиографическую редкость — была тогда же подарена Илье Эренбургу, на глазах которого она создавалась и печаталась. В трагическом 1939 году, году падения Испанской республики и начала второй мировой войны, Илья Эренбург перевел эту книгу и издал ее в Москве. (Кстати сказать, в настоящем издании книга «Испания в сердце» представлена полностью.) Воистину высокий пример братского сотрудничества поэта и переводчика! Приведу и другие примеры, правда не столь убедительные, как этот. За несколько лет до Октябрьской революции Илья Эренбург издал книгу Франсиса Жамма. Чем полюбился ему Франсис Жамм, человек, не оставивший убедительного следа в своей национальной культуре, поэт, скромно характеризуемый современными энциклопедиями как «католический»?

Франсис Жамм был верующим католиком, но он не был ни формалистом, ни декадентом. В ряду поэтов своего времени он выделялся прочной приверженностью к лирике природы и крестьянского быта и чрезвычайной, редкой для того времени ясностью и демократичностью формы. Именно все это и подкупило молодого Илью

Эренбурга, добивавшегося ясности и демократизма в своем собственном творчестве, искавшего эти качества в творчестве своих современников.

Жамм не стал народным поэтом. Книжица Эренбурга (в настоящем издании она представлена полностью) — памятник лучшему, что было в Жамме, большим надеждам, которые он подавал и которые, к сожалению, не оправдал.

Значительной для своего времени явилась книга «Поэты Франции», изданная в 1914 году. В ту пору французских поэтов переводили в России много и хорошо. Из всех зарубежных поэзии именно французская была самой авторитетной и влиятельной. Однако антология «Поэты Франции» нашла свое место на книжных полках нескольких поколений русских поэтов от Маяковского до Николая Майорова, Павла Когана и Михаила Кульчицкого. Двадцатилетний Илья Эренбург сделал то, что не довелось сделать несравненно более опытным в то время Валерию Брюсову и Федору Сологубу. В толпе двадцатилетних, как и он сам, французских поэтов Илья Эренбург отличил и первым перевел на русский язык именно тех, кто стал будущим французской поэзии, — Аполлинара, Сальмона, Вильдрака. Русские символисты поддерживали и пропагандировали в России французских символистов, причем не только великого Верлена и изобретательного Малларме, но и их жеманных эпигонов. Однако новое время потребовало новых песен, и в грозном 1914 году Илья Эренбург назвал и представил русскому читателю Аполлинара, с именем которого связана новая французская революционная поэзия.

Впервые после 1914 года антология «Поэты Франции» перепечатывается почти целиком. Исключение составляет

отрывок из стихотворения Маринетти «Мое сердце из красного сахара». Написанное по-французски, это стихотворение, как и все творчество Маринетти, несомненно, принадлежит итальянской поэзии. Для точности укажем, что стихи Франсиса Жамма, присутствовавшие в антологии, перенесены из нее в раздел Франсиса Жамма на те места, где они и находились в книге последнего.

Как соотносятся переводные и оригинальные стихотворения Ильи Эренбурга?

В долгой, полной событий и свершений жизни Ильи Эренбурга любовь к поэзии — родной, русской, а также к французской, в меньшей степени к испанской — была переживанием огромной силы и длительности. Были цепкие годы, когда Илья Эренбург не писал и не переводил стихов. Однако, судя по всему, не было и дня, когда бы он не читал стихов, не бормотал их на ходу, не жил стихами. Сильнее, чем прозу, сильнее, чем живопись, не говоря уже о других видах искусства, Илья Эренбург чувствовал поэзию.

Мне кажется несомненным, что на его ранние стихи повлияли и Жамм и поэты испанского средневековья, что именно Аполлинер почти в такой же степени, как Маяковский или Цветаева с Мандельштамом, соседствовал в его привязанностях периода революции и гражданской войны. Если говорить о поэтическом творчестве Ильи Эренбурга последних десятилетий, когда поэт стал вполне самостоятельным, нельзя не вспомнить о его попытках передать русским стихом своюственную французской просодии силлабику, нельзя не вспомнить душевного сордства испанской книги Неруды с испанскими стихами русского поэта, а также и того, что Вийон, над которым Илья Эренбург работал всю жизнь, иной раз звучит стран-

ным эхом в его поздних стихах. Однако поэзия позднего Ильи Эренбурга слишком тесно связана с русской и советской традицией, чтобы поиски иноземных влияний были хоть сколько-нибудь плодотворными. Тютчев и Блок — поэты всей жизни Ильи Эренбурга, по влиянию на него сравнимые только с Чеховым. А из своих непосредственных современников Илья Эренбург чаще всего называл Маяковского, Цветаеву, Мандельштама, Пастернака, Ахматову, Есенина и в последние годы Заболоцкого. Всего лишь за день до смерти он назвал Цветаеву и Мандельштама как самых близких, самых личных, самых пережитых им поэтов.

Книга «Тень деревьев» отнюдь не является полным собранием стихотворных переводов Ильи Эренбурга. Некоторые переводы сознательно опущены из-за своей малозначительности или как нехарактерные для пристрастий поэта. Некоторые, в том числе значительная часть переводов из Неруды, напротив, не включены потому, что они перепечатывались десятки раз и хорошо известны любителям поэзии. Однако эта книга — несомненно, первая попытка собрать воедино поэтические переводы Ильи Эренбурга, разбросанные по различным книжным и журнальным изданиям, давно ставшим библиографической редкостью.

Борис Слуцкий

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Жак де Бэзье

(XIII век)

О ТРЕХ РЫЦАРЯХ И О РУБАХЕ

Жила раз дама, и она
Была добра, мила, ясна,
Всех дам приветливей, умней,
И вот что приключилось с ней:
Был муж ее весьма богат,
Всегда гостям заезжим рад,
По всей стране радушным слыл.
В те дни турнир объявлен был.
Три рыцаря, бредя туда,
Минуя замки, города,
В их замок по пути зашли,
Прием достойный обрели.
Отвагой славился один,
Земель немалых господин.
Другой был также храбр и смел
И много золота имел.
Был третий беден и уныл,
Но храбро в страшный бой спешил.
Все трое между дам и дев,
Ту даму нежную узрев,
Что всех милей и всех ясней,
Любовью воспылали к ней.
И молвил первый: «Свет земной,

Минуту ты побудь со мной!
Я не прошу твоей любви,
Но ты слугой меня зови.
На все готов я для тебя,
О несравненная моя!»
Другие тоже полны чар,
Ей поверяли сердца жар.
Вздыхала дама смущена,
А утром видела она,
Тая великую печаль,
Как всадники умчались вдаль.
Она тогда пажа нашла,
Рубаху белую дала
И молвила: «От всех тайком
Ты на турнир спеши верхом,
Пред рыцарем мой дар с ложи, —
И назвала пред кем. — Скажи,
Коль он любовью поражен,
Рубаху пусть наденет он
И выйдет в бой не скрыт ничем,
Оставив панцирь свой и шлем
И сохранив лишь меч и щит,
Мечу противника открыт.
Коль он рубаху ту возьмет
И в ней на черный бой пойдет,
Ко мне назад спеши скорей.
Коль не возьмет, ступай ты с ней
К другому, — назвала кому. —
И то же повтори ему.
Коль не возьмет, тогда ступай
И третьему ее отдай».
Послушный паж рубаху взял,

Коня усталого он гнал
И первому привез ее.
Он рыцарю промолвил все,
Что приказала госпожа.
И рыцарь выслушал пажа,
Сказал, что выполнит приказ,
Рубаху он надел тотчас.
Чтоб доказать любовь свою,
Готов он пасть в лихом бою.
Но после рыцарь вышел прочь.
Когда же наступила ночь,
Он вспомнил о пажа речах,
И овладел им смертный страх.
К пажу прия, тоской сражен,
Ему вернул рубаху он.
Другому рыцарю отнесь
Спешил гонец тот дар и весть.
Но рыцарь мрачен и суров
Не понимал заветных слов
И, дару страшному не рад,
Рубаху возвратил назад.
Спешил гонец, коня он гнал,
Пред третьим рыцарем предстал.
И рыцарь, выслушав гонца,
Возрадовался без конца.
Сказал: «Рубаха столь нежна,
И крепче панциря она.
О паж, нет золата у меня,
Но ты возьми себе коня,
И даме молви — рыцарь взял
Твой нежный дар и ликовал.
Он завтра выйдет в темный бой,

Хранимый лишь твоей мольбой!»
Уж ночь прошла, герольд трубил,
И рыцарь у окна грустил.
Всю ночь рубаху он держал,
Ее стыдливо целовал.
Во имя дамы, думал он,
Победы крик иль смертный стон.
Но вдруг трубы призывный звук
Родил в нем тягостный испуг.
Он вспомнил меткий взмах меча.
Зачем надел он сгоряча
Рубаху? Он теперь открыт,
Бока и грудь не скроет щит.
Из-за игры погибнет он,
Осмеян всеми, побежден,
О, через час погибнет плоть,
И не простит души господь.
Он, замирая и дрожа,
То вспоминал слова пажа
И очи той, что столь светла,
И что на смерть его вела,
То снова видел блеск клинка,
И овладела им тоска.
Рубаху снял и на позор
Он руку к панцирю простирая,
Но увидал в последний миг
Он несравненной дамы лик,
Вскочил на верного коня,
Свой меч подняв и щит клоня.
Ни страх, ни раны — ничего
Не удержало бы его.
Уж рыцарь не свернет назад.

Его противники разят.
Зазубрен меч, повергнут щит,
И кровь из тяжких ран бежит.
Но он не уступает, вновь,
Вздымаая меч, стирая кровь,
Не видя рощ, топча луга,
Сражает за врагом врага.
Но ран все больше, меньше сил,
Герольд трубит — он победил.
Рубаха — вся в крови она,
Изорвана, обагрена.
Он что-то шепчет слаб, но рьян.
И багровеют тридцать ран.
Ему награда и почет,
И всяк его к себе ведет.
Он просит лишь пажа беречь
Рубаху рваную да меч.
С турнира паж домой скакал,
Он даме обо всем сказал.
В томленьи, плача и дрожа,
Ему внимала госпожа
О ранах рыцаря того,
Кто, не жалея ничего,
Ей отдал все, что мог отдать.
И начала она вздыхать:
«Коль он умрет — виновна я.
Его любовь — любовь моя.
Но был он выше и смелей
Столь щедрых на слова друзей».
И паж сказал, потупив взгляд:
«Те отдали твой дар назад».
Как только вечер приходил,

Паж даму к рыцарю водил.
И в темной горнице она,
Тоски и сладости полна,
Могла, как ангел или мать,
Больного тело врачевать.
В двух рыцарей вошла тогда
К больному рыцарю вражда
За то, что он был горд и смел
И смелостью их одолел,
За то, что породила кровь
Небоподобную любовь.
Когда закончился турнир,
Муж дамы заготовил пир.
Гостям столь необычным рад,
Решил он восемь дней подряд
Вином густым гостей поить,
Им яства редкие дарить.
Убрал он зал, сказал жене
И девам знатным, чтоб оне
Служили бы гостям во всем
И потчевали их вином.
Так господин жене сказал.
Но рыцарь раненый узнал,
Что дама будет угощать
Гостей и вина им давать.
Пажа позвал, сказал: «Ступай,
Рубаху даме ты отдавай,
Скажи, что к празднику она
Надеть рубаху ту должна.
Рубаху рваную, в крови—
Во имя муки и любви!»
Паж молча выслушал приказ

И к даме поспешил тотчас.
И дама приняла любя
Позор и муку на себя.
Ответила: «В крови она,
Но, милой кровью скреплена,
Она всех жемчугов милей», —
Ее надела и ушла.
Шумели гости уж давно,
Им девушки несли вино,
И с каждой чашей светлый зал
Все больший говор наполнял.
Тогда спокойна, но бледна
Вошла печальная жена.
В глазах ее была любовь
И на рубахе рваной кровь.
А муж, ее в дверях узрев
И сдерживая страшный гнев,
Перед гостями тих и нем,
Ее не попрекнул ничем.
Теперь вы слышали рассказ.
Жак де Безье — он просит вас,
Дам, рыцарей и всех пажей,
Отцов и также сыновей,
Судить, чей был страшней удел,
Кто за любовь сильней терпел —
Тот рыцарь, что пошел на бой,
Хранимый лишь одной мольбой,
И страх отверг, и пролил кровь,
Чтоб доказать свою любовь,
Иль дама, что, его любя,
Надеть посмела на себя,
Как знак печали и любви,

Рубаху рваную в крови,
Не убоявшись ничего —
Ни гнева мужа своего,
Ни смеха иль дурных речей
Завистливых и злых гостей.

Песни крестовых походов

РЫЦАРИ, ВАС ЗОВУ НА БОРЬБУ

Рыцари, вас зову на борьбу,
На помошь Иерусалиму!
Господь пред вами начал тяжбу —
Оскорбили его саракины.
Они разгромили святые места —
Его родовые поместья,
Кто не примет святого креста,
Тот не знает стыда и чести!
Кто с Людовиком пойдет,
Тому не страшен ад,
Душа его покой найдет
Средь ангельских улад!
За вас на кресте страдал господь,
Пронзенный копьем и гвоздями.
За него отдайте бренную плоть,
Помогите ему в лютой брани.
Людовикбросил парчу и меха,
Поместья свои он покинул.
Будьте как он, побойтесь греха,
Спешите помочь господину.
Кто с Людовиком пойдет,
Тому не страшен ад,

Душа его покой найдет
Средь ангельских улад.
Господь назначил в стране своей
Турнир между раем и адом.
На помоць сзывает своих друзей.
Вассалам откликнуться надо.
Господь теперь взывает к вам,
Он просит вас о защите.
За вас он принял пять смертных ран,
Вы смерть за него примите!
Кто с Людовиком пойдет,
Тому не страшен ад,
Душа его покой найдет
Средь ангельских улад!

Я ВАМ ПОЮ, ВЫ ДОЛГО СПАЛИ

Я вам пою, вы долго спали,
Проснитесь от дурного сна!
Господь взывает к вам в печали —
Его земля осквернена.
Господь решил неверным дать
Иерусалим на поруганье,
Чтоб нашу веру испытать.
Примите ж божье испытанье!
Иерусалим скорбит и ждет,
Кто защитить его придет!
Мы гибли, потеряв дорогу.
Господь — он к свету вывел нас.
А тяжкий крест во имя бога
От адова удела спас.

О принцы, графы, властелины,
Средь игр вы жили, средь утех.
Оставьте все, а в час единный
Идите искупить наш грех!

Иерусалим скорбит и ждет,
Кто защитить его придет!
Забыли вы о дивном масле,
За морем ждет давно жених.
Увы! Светильники погасли.
Спешите вы! Зажгите их!
Кто, слову божьему внимая,
Оставит все, на смерть пойдет,
Тот будет удостоен рая
И плоть отдав, свой дух спасет.
Иерусалим скорбит и ждет,
Кто защитить его придет!

БРАТЬЯ, НОВЫЙ ДЕНЬ ВСТАЕТ

Братья, новый день встает,
Жаворонок уж поет
О святом отдохновеньи.
Кто тяжелый крест возьмет,
Крест долготерпенья,
Кто познает страдный путь,
Где нельзя передохнуть,
Тот замолит прегрешенья,
Заработает спасенье.

Горе тем, что не пойдут,
Господина предадут
В час последней брани.

Он настанет, страшный суд,
После тяжких испытаний.
Агнец кроткий спросит нас,
Где мы были в этот час,
Нам покажет крест страданий,
Окровавленные длани.

Наша плоть — она темна
И на смерть обречена,
Наша участь шатка.
Кто уверен встать от сна?
Смерть для нас загадка.
Может, завтра мы умрем
И покинем бренный дом.
Так уйдем от жизни краткой
К жизни вечной, к муке сладкой!

Я СЛОЖУ ЭТУ ПЕСНЬ, ИЗНЫВАЯ

Я сложу эту песнь, изнывая,
Чтоб забыть о печалах моих.
Из унылого, дикого края
Не приходит мой милый жених.
Далеко ль он теперь — я не знаю.
Я к заступнице нашей взываю.
Богородица, крепость и щит!
О, когда он «*outré*» закричит,
Пощади своего пилигрима,
Ибо злы и хитры сарацины.
Не слагаю я радостных песен,
Он в далеком и страшном краю.

Боже, помнит ли он о невесте
И о том, как его я люблю?
Мы друг другу милы — мы не вместе,
Через море не шлет он мне вести.
Богородица, крепость и щит!
О, когда он «outré» закричит,
Пощади своего пилигрима,
Ибо злы и хитры сарацины.
Теплый ветер мне сладостью веет,
Теплый ветер твердит мне о нем.
Боже, сердце трепещет сильнее
Под тяжелым, под серым плащом.
Я на деву святую надеюсь,
Я молюсь, я скорблю перед него.
Богородица, крепость и щит!
О, когда он «outré» закричит,
Пощади своего пилигрима,
Ибо злы и хитры сарацины!

ЛИКУЙТЕ, РАДУЙТЕСЬ ОТНЫНЕ

Ликуйте, радуйтесь отныне,
Чтоб господу вернуть святыни,
Король Людовик поднял крест.
И кто погибнет на чужбине,
И кто падет средь божьих мест,
И кто уснет в морской пучине —
Тот будет жив, и только тот.
Идите все — король зовет!

Король терпел немало мук,
И тяжек был его недуг.

Недвижен, мертвым он казался,
Все громко плакали вокруг.
Все говорили: «Он скончался!»
И мать его объял испуг.
Она сказала при прощаньи:
«О сын, сколь трудно расставанье!»

Так королева Бланш сказала,
И горевали все немало.
Покрыли черным короля.
И горе страшное настало,
И граф Артуа сказал, моля,
С лица откинув покрывало:
«О брат, столь юным умереть!
Коль можешь говорить — ответь!»

Король вздохнул: «О брат, внемли.
Епископа позвать вели.
Хочу принять я крест суровый.
Давно мой дух уже вдали —
За морем, в стороне Христовой,
Среди песков святой земли,
Теперь и плоть пойдет за море,
Коль исцелюсь от этой хвори».

Все ожидавшие с тревогой
Тогда возрадовались много.
Поцеловала сына мать.
Теперь открыта в рай дорога.
Примите крест, чтоб пострадать!
Отдайте кровь и плоть за бога,

В краю, где он страдал за нас,
И где, страдая, нас он спас!

ДАМА НЕЖНАЯ, СКРЕСТИВШИ РУКИ

— Дама нежная, скрестивши руки,
Я о снисхожденьи вас молю!
Вас любовью крепкой я люблю!
Я сильней всего страшусь разлуки,
Но я принял крест и ухожу.
И на вас в последний раз гляжу.
За Христа хочу принять я муки.

— Нежный друг, не скрою я печали,
Лучше б мне монахинею быть.
Власяницу грубую носить!
Но теперь вы крест тяжелый взяли.
Богородицу прошу, чтоб вас
Оградила в битвы страшный час,
Чтобы вы, страдая, побеждали!

Народные песни XV—XVIII веков

ПО ДОРОГЕ, ПО ЛОРРЭНСКОЙ

(XVI век)

По дороге, по лоррэнской
Шла я в грубых, в деревенских —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Повстречала трех военных
На дороге, на лоррэнской —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Посмеялись три военных
Над простушкой деревенской —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Не такая я простушка,
Не такая я дурнушка —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Не сказала им ни слова,
Что я встретила другого, —

Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Шла дорогой, шла тропинкой,
Шла и повстречала принца —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Он сказал, что всех я краше,
Он мне дал букет ромашек —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Если расцветут ромашки,
Я принцессой стану завтра —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

Если мой букет завянет,
Ничего со мной не станет —
Топ-топ-топ, Марго,
В этаких сабо.

ПЕРНЕТТА

(XV век)

Пернетта слова не скажет,
Она до зари встает,
Тихо сидит над пряжей,
Слезы долгие льет.

Жужжит печальная прялка.
Пернетта молчит и молчит.
Отцу Пернетту жалко,
Пернетте отец говорит:

«Скажи, что с тобою, Пернетта?
Может быть, ты больна,
Может быть, ты, Пернетта,
В кого-нибудь влюблена?»

Отвечает Пернетта тихо:
«Я болезни в себе не найду.
Но бежит за ниткой нитка,
А я все сижу и жду».

«Пернетта, не плачь без причины,
Жениха я тебе найду,
Приведу прекрасного принца,
Барона к тебе приведу».

На дворе уже вечер темный,
Задувает ветер свечу.
«Не хочу я глядеть на барона,
На принца глядеть не хочу.

Я давно полюбила Пьера
И буду верна ему,
Я хочу только друга Пьера,
А его посадили в тюрьму».

«Никогда тебе Пьера не встретить,
Ты скорее забудь про него —

Приказали Пьера повесить,
На рассвете повесят его».

«Пусть тогда нас повесят вместе,
Буду рядом я с ним в петле,
Пусть тогда нас зароют вместе,
Буду рядом я с ним в земле.

Посади на могиле шиповник —
Я об этом прошу тебя,
Пусть прохожий взглянет и вспомнит,
Что я умерла, любя».

У ОТЦА ЗЕЛЕНАЯ ЯБЛОНЯ (XVII век)

У отца зеленая яблоня —
Лети, мое сердце, лети! —
У отца зеленая яблоня,
Золотые на яблоне яблоки,
Только некому потрясти.

Задремали три дочки под яблоней —
Лети, мое сердце, лети! —
Задремали три дочки под яблоней.
Никому я про то не сказала бы,
Никто их не станет будить.

Вскоре младшая вдруг просыпается —
Лети, мое сердце, лети! —

Вскоре младшая вдруг просыпается,
Говорит она: «Ночь уж кончается,
Светает, пора нам идти».

Это только тебе померещилось —
Лети, мое сердце, лети! —
Это только тебе померещилось,
Это только звезда среди вечера,
Звезда нашей тихой любви.

На войне, на войне наши милые —
Лети, мое сердце, лети! —
На войне, на войне наши милые,
И какая беда ни случилась бы,
Не закатится свет любви.

Если милым победа достанется —
Лети, мое сердце, лети! —
Если милым победа достанется,
Никогда, никогда не расстанемся,
Будем наших милых любить.

Проиграют войну или выиграют —
Лети, мое сердце, лети! —
Проиграют войну или выиграют,
Все равно их будем любить.

РЕНО

(XVI век)

Ночь была, и было темно,
Когда вернулся с войны Рено.

Пуля ему пробила живот.
Мать его встретила у ворот:
«Радуйся, сын, своей судьбе —
Жена подарила сына тебе».
«Поздно,—ответило н ,—поздно,
мать.

Сына мне не дано увидать.
Ты мне постель внизу приготовь,
Не огорчу я мою любовь,
Вздох проглоти, слезы утри,
Спросит она — не говори».
Ночь была, и было темно,
Ночью темной умер Рено.

«Скажи мне, матушка, скажи скорей,
Кто это плачет у наших дверей?» —
«Это мальчик упал ничком
И разбил кувшин с молоком». —
«Скажи мне, матушка, скажи скорей,
Кто это стучит у наших дверей?» —
«Это плотник чинит наш дом,
Он стучит своим молотком». —
«Скажи мне, матушка, скажи скорей,
Кто поет это у наших дверей?» —
«Это, дочь моя, крестный ход,
Это певчий поет у ворот». —
«Завтра крестины, скорей мне ответь,
Какое платье мне лучше надеть?» —
«В белом платье идут к венцу,
Серое платье тебе не к лицу,
Выбери черное, вот мой совет,
Черного цвета лучше нет».

Утром к церкви они подошли.
Видит она холмик земли.
«Скажи мне, матушка, правду скажи,
Кто здесь в могиле глубокой лежит?» —
«Дочь, не знаю, с чего начать,
Дочь, не в силах я больше скрывать.
Это Рено — он с войны пришел,
Это Рено — он навек ушел». —

«Матушка, кольца с руки сними,
Кольца продай и сына корми.
Мне не прожить без Рено и дня.
Земля, раскройся, прими меня!»

Земля разверзлась, мольбе вняла,
Земля разверзлась, ее взяла.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОРЯКА

(XVII век)

Моряк изможденный вернулся с войны,
Глаза его были от горя черны,
Он видел немало далеких краев,
А больше он видел кровавых боев.

«Скажи мне, моряк, из какой ты страны?» —
«Хозяйка, я прямо вернулся с войны.
Судьба моряка — все война да война.
Налей мне стаканчик сухого вина».

Он выпил стаканчик и новый налил.
Он пел, выпивая, и с песнями пил.

Хозяйка взирает на гостя с тоской,
И слезы она утирает рукой.

«Скажите, красотка, в чем гостя вина?
Неужто вам жалко для гостя вина?» —

«Меня ты красоткой, моряк, не зови.
Вина мне не жалко, мне жалко любви.
Был муж у меня, он погиб на войне,
Покойного мужа напомнил ты мне». —

«Я слышал, хозяйка, от здешних людей,
Что муж вам оставил двух малых детей.
А время бежит, будто в склянках песок,
Теперь уже третий, я вижу, сынок». —

«Сказали мне люди, что муж мой убит,
Что он за чужими морями лежит.
Вина мне не жалко, что осень — вино,
А счастья мне жалко, ведь счастье одно».

Моряк свой стаканчик поставил на стол,
И молча он вышел, как молча пришел,
Печально пошел он на борт корабля,
И вскоре в тумане исчезла земля.

У ОКНА СИДЕЛА ПРИНЦЕССА-КРАСАВИЦА (XVII век)

У окна сидела принцесса-красавица,
Все по ней вздыхали, никто ей не нравился.

Умели вельможи говорить по-разному,
А принцесса умела только отказывать.

Смеялась принцесса над всеми вельможами,
Досталась принцесса бедному сапожнику.

Он шил для принцессы туфельки атласные,
Примеряя туфельку, сказал он ласково:

«Если хочешь, любимая, счастья досыта,
Снега белее будут белые простины.

Постель будет шире океана широкого,
Постель будет глубже океана глубокого,

С четырьмя углами, и, поздно ли, рано ли,
На каждом углу расцветать будут ландыши.

Мы будем любить, позабывши о времени,
Любить и любить — до светопреставления».

В САДИКЕ МОЕМ ЧЕТЫРЕ ДЕРЕВА *(XVIII век)*

В садике моем четыре дерева,
Больше мне сажать отцом не велено.

Первое из них — чинара стройная.
Хочется поцеловать, да боязно.

Дерево второе — это вишенка.
Но девчонки не целуются с мальчишками.

Третье дерево — ольха зеленая.
Но мальчишки не целуются с девчонками.

Дерево четвертое — акация.
Под четвертым будем целоваться мы.

ВРАКИ

(XVII век)

— Я видела — лягушка
Дала солдату в зубы.
У зуба на макушке
Росли четыре чуба,
И каждый чуб был выше,
Чем эти вот дома,
И даже выше мыши.

— Не врете ль вы, кума?

— Я видела — два волка
Петрушкой торговали,
Кричали втихомолку
И щуку отпевали,
Король влюблен был в щуку,
От щуки без ума,
Он предложил ей руку.

— Не врете ль вы, кума?

— Я видела — улитка
Двух кошек обряжала,
В иглу вдевала нитку,
А нитка танцевала,
Баран был очень весел,
И шум, и кутерьма,
Их чижик всех повесил.

— Не врете ль вы, кума?

ГОСПОДИН ЛЯ ПАЛИСС

(XVII век)

Кто ни разу не встречал
Господина Ля Палисса,
Тот, конечно, не видал
Господина Ля Палисса.
Но скрывать тут нет причин,
Мы об этом скажем прямо:
Ля Палисс был господин
И поэтому не дама.

Знал он с самых ранних лет,
Что впадают реки в море,
Что без солнца тени нет
И что счастья нет без горя.
Жизнь была ему ясна,
Говорил он, строг и точен:
«Чтоб проверить вкус вина,
Нужно отхлебнуть глоточек».

Если не было дождя,
Выходил он на прогулку.
Уходил он, уходя,
Булкой называл он булку.
Жизнь прожив холостяком,
Не сумел бы он жениться,
И поэтому в свой дом
Ввел он чинную девицу.

У него был верный друг,
И сказал он сразу другу,
Что, поскольку он — супруг,
У него теперь супруга.
По красе и по уму,
Будь бы он один на свете,
Равных не было б ему
Ни в мечтах, ни на примете.

Был находчив он везде,
Воле господа послужен,
Плавал только по воде
И не плавал он на суше.
Повидал он много мест,
Ездил дальше, ездил ближе,
Но когда он ездил в Брест,
Не было его в Париже.

Чтил порядок и закон,
Никаким не верил бредням.
День, когда скончался он,
Был и днем его последним.
В пятницу он опочил.

Скажем точно, без просчета —
Он на день бы дольше жил,
Если б дожил до субботы.

ГОРА

(XVIII век)

Между мной и любимым гора крутая.
Мы в гору идем и печально вздыхаем.

Тяжело подыматься, вниз идти легче.
Над горой облака, на руке колечко.

Мне сказал любимый: «Мы намучались оба,
Дай мне, любимая, немного свободы». —

«О какой свободе ты вздыхаешь, милый?
За крутой горой я тебя полюбила.

У меня в саду на чинаре ветвистой
До утра поет соловей голосистый.

На своем языке поет соловьином
Про то, как печально на свете любимым.

Если кто-нибудь сроет гору крутую,
Мы камни притащим, построим другую».

Франсуа Вийон

(1431—1465)

БАЛЛАДА ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышней я всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая,
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
Кому презренье, а кому почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не вижу я, кто бродит под окном,
Но звезды в небе ясно различаю,

Я ночью бодр, а сплю я только днем.
Я по земле с опаскою ступаю,
Не вехам, а туману доверяю.
Глухой меня услышит и поймет.
Я знаю, что полыни горше мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Я ЗНАЮ, ЧТО ВЕЛЬМОЖА И БРОДЯГА

(Из „Большого завещания“)

Я знаю, что вельможа и бродяга,
Святой отец и пьяница поэт,
Безумец и мудрец, познавший благо
И вечной истины спокойный свет,
И щеголь, что, как кукла, разодет,
И дамы — нет красивее, поверьте,
Будь в ценных жемчугах они иль нет,
Никто из них не скроется от смерти.

Будь то Парис иль нежная Елена,
Но каждый, как положено, умрет.
Дыханье ослабеет, вспухнут вены,
И желчь, разлившись, к сердцу потечет,

И выступит невыносимый пот.
Жена уйдет, и брат родимый бросит,
Никто не выручит, никто не отведет
Косы, которая, не глядя, косит.

Скосила — и лежат белее мела,
Нос длинный заострился, как игла,
Распухла шея, и размякло тело.
Красавица, нежна, чиста, светла,
Ты в холе и довольстве век жила,
Скажи, таков ли твой ужасный жребий —
Кормить собой червей, истлеть дотла?
— Да, иль живой уйти, растаять в небе.

БАЛЛАДА И МОЛИТВА

Ты много потрудился, Ной,
Лозу нас научил сажать,
При сыновьях лежал хмельной.
А Лот, отведав кружек пять,
Не мог понять, где дочь, где мать.
В раю вам скучно без угара,
Так надо вам похлопотать
За душу стряпчего Котара.
Он пил, и редко по одной,
Ведь этот стряпчий вам под стать,
Он в холод пил, и пил он в зной,
Он пил, чтоб лечь, он пил, чтоб встать,
То в яму скок, то под кровать.
О, только вы ему под пару,

Словечко надо вам сказать
За душу стряпчего Котара.

Вот он стоит передо мной,
И синяков не сосчитать,
У вас за голубой стеной
Одна вода и тишь да гладь,
Так надо стряпчего позвать,
Он вам поддаст немногого жару,
Уж постарайтесь постоять
За душу стряпчего Котара.

Его на небо надо взять,
И там по памяти по старой
С ним вместе бочку опростать
За душу стряпчего Котара.

ГДЕ КРЕПКИЕ, ТУГИЕ ГРУДИ?

(Из „Жалоб прекрасной оружейницы“)

Где крепкие, тугие груди?
Где плеч атлас? Где губ бальзам?
Соседи и чужие люди
За мной бежали по пятам,
Меня искали по следам.
Где глаз манящих поволока?
Где тело, чтимое, как храм,
Куда приходят издалека?

Гляжу в тоске — на что похожа?
Нос, как игла, беззубый рот,

Растрескалась, повисла кожа,
Свисают груди на живот,
Взгляд слезной мутью отдает,
Вот клок волос растет из уха.
Самой смешно — смерть у ворот,
А ты все с зеркалом, старуха.

На корточках усевшись, дуры,
Старухи все, в вечерний час
Мы раскудахчимся, как куры,
Одни, никто не видит нас,
Все хвастаем, в который раз,
Какая и кого прельстила.
А огонек давно погас —
До ночи масла не хватило.

БАЛЛАДА ПРЕКРАСНОЙ ОРУЖЕЙНИЦЫ ДЕВУШКАМ ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Швея Мари, в твои года
Я тоже обольщала всех.
Куда старухе? Никуда.
А у тебя такой успех.
Тащи ты и хрыча и шкета,
Тащи блондина и брюнета,
Тащи и этого и тех.
Ведь быстро песенка допета,
Ты будешь как пустой орех,
Как эта стертая монета.

Колбасница, ты хоть куда,
Колбасный цех, сапожный цех —

Беги туда, беги сюда,
Чтоб сразу всех и без помех!
Но не зевай, покуда лето,
Никем старуха не согрета,
Ни ласки ей и ни утех,
Она лежит одна, отпета,
Как без вина прокисший мех,
Как эта стертая монета.

Ты, булочница, молода,
Ты говоришь — тебе не спех,
А прозеваешь — и тогда
Уж ни прорух и ни прорех,
И ни подарков, ни букета,
Ни ночи жаркой, ни рассвета,
Ни поцелуев, ни потех,
(И ни привета, ни ответа,
А позовешь — так смех и грех,
Как эта стертая монета.

Девчонки, мне теперь не смех,
Старуха даром разодета,
Она как прошлогодний снег,
Как эта стертая монета.

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ВИЙОН ПРОСИТ У ВСЕХ ПОЩАДЫ

У солдата в медной каске,
У монаха и у вора,
У бродячего танцора,

Что от троицы до пасхи
Всем показывает пляски,
У лихого горлодера,
Что рассказывает сказки,
У любой бесстыжей маски
Шутовского маскарада —
Я у всех прошу пощады.

У девиц, что без опаски,
Без оттяжки, без зазора
Под мостом иль у забора
Потупляют сразу глазки,
Раздают прохожим ласки,
У любого живодера,
Что свежует по указке, —
Я у всех прошу пощады.

Но доносчиков не надо,
Не у них прошу пощады.
Их проучат очень скоро —
Вез другого разговора
Для показки, для острастки,
Топором, чтоб знали гады,
Чтобы люди были рады,
Топором и без огласки.
Я у всех прошу пощады.

Я ДУШУ СМУТНУЮ МОЮ
(Из „Большого завещания“)

Я душу смутную мою,
Мою тоску, мою тревогу

По завещанию даю
Отныне и навеки богу
И призываю на подмогу
Всех ангелов — они придут,
Сквозь облака найдут дорогу
И душу богу отнесут.

Засим земле, что наша мать,
Что нас кормила и терпела,
Прошу навеки передать
Мое измученное тело,
Оно не слишком раздобрело,
В нем черви жира не найдут,
Но так судьба нам всем велела,
И в землю все с земли придут.

ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Ответьте горю моему,
Моей тоске, моей тревоге.
Взгляните: я не на дому,
Не в кабаке, не на дороге
И не в гостях, а здесь — в остроге.
Ответьте, баловни побед,
Танцор, искусник и поэт,
Ловкач лихой, фигляр хваленый,
Нарядных дам блестящий цвет,
Оставите ль вы здесь Вийона?

Не спрашивайте, почему,
К нему не будьте слишком строги,

Сума кому, тюрьма кому,
Кому роскошные чертоги.

Он здесь валяется, убогий,
Постится, будто дал обет,
Не бок бараний на обед,
Одна вода да хлеб соленый,
И сена на подстилку нет.
Оставите ль вы здесь Вийона?

Скорей сюда, в его тюрьму!
Он умоляет о подмоге,
Вы неподвластны никому,
Вы господа себе и боги.
Смотрите — вытянул он ноги,
В лохмотья жалкие одет.
Умрет — вздохнете вы в ответ
И вспомните про время оно,
Но здесь, средь нищеты и бед,
Оставите ль вы здесь Вийона?

Живей, друзья минувших лет!
Пусть свиньи вам дадут совет,
Ведь, слыша поросенка стоны,
Они за ним бегут вслед.
Оставите ль вы здесь Вийона?

БАЛЛАДА ИСТИН НАИЗНАНКУ

Мы вкус находим только в сене
И отыхаем средь забот

Смеемся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво,
Красоткам нравится урод,
И лишь влюбленный мыслит здраво.
Лентяй один не знает лени,
На помощь только враг придет,
И постоянство лишь в измене.
Кто крепко спит, тот стережет,
Дурак нам истину несет,
Груды для нас — одна забава,
Всего на свете горше мед,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

СПОР МЕЖДУ ВИЙОНОМ И ЕГО ДУШОЮ

- Кто это? — Я. — Не понимаю, кто ты?
— Твоя душа. Я не могластерпеть.
Подумай над с о б о ю . — Неохота.
— Взгляни, подобно п с у , — где хлеб, где плеть,
Не можешь ты ни жить, ни умереть.
— А отчего? — Тебя безумье охватило.
— Что хочешь ты? — Найди былые силы.
Опомнись, изменись . — Яизменюсь.
— «Когда? — Когда-нибудь . — Коль так, мой милый,
Я промолчу . — А я, я обойдусь.
— Тебе уж тридцать л е т . — Мне не до счета.
— А что ты сделал? Будь умнее впредь.
Познай! — Познал я все, и оттого-то
Я ничего не знаю. Ты заметь,

Что нелегко отпетому запеть.
— Душа твоя тебя предупредила.
Но кто тебя спасет? Ответь. — Могила.
Когда умру, пожалуй, примирюсь.
— Поторопись. — Ты зря ко мне спешила.
— Я промолчу. — А я, я обойдусь.
— Мне страшно за тебя. — Оставь свои заботы.
— Ты — господин сеbe. — Куда себя мне деть?
— Вся жизнь — твоя. — Ни четверти, ни сотой.
Ты в силах изменить. — Есть воск и медь
— Взлететь ты можешь. — Нет, могу истлеть.
— Ты лучше, чем ты есть. — Оставь кадило.
— Взгляни на небеса. — Зачем? Я отвернусь.
— Ученье есть. — Но ты не научила.
— Я промолчу. — А я, я обойдусь.
— Ты хочешь жить? — Не знаю. Это было.
— Опомнись! — Я не жду, не помню, не боюсь.
— Ты можешь в се. — Мне все давно постыло.
— Я промолчу. — А я, я обойдусь.

РОНДО

Того ты упокой навек,
Кому послал ты столько бед,
Кто супа не имел в обед,
Охапки сена на ночлег,
Как репа, гол, разут, раздет —
Того ты упокой навек!
Уж кто его не бил, не сек?
Судьба дала по шее, нет,
Еще дает — так тридцать лет.

Кто жил похуже всех калек —
Того ты упокой навек!

**ЭПИТАФИЯ, НАПИСАННАЯ ВИЙОНОМ
ДЛЯ НЕГО И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ
В ОЖИДАНИИ ВИСЕЛИЦЫ**

Ты жив, прохожий. Погляди на нас.
Тебя мы ждем не первую неделю.
Гляди — мы выставлены напоказ.
Нас было пятеро. Мы жить хотели.
И нас повесили. Мы почернели.
Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать — безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолись, а бог рассудит.

Дожди нас били, ветер тряс и тряс,
Нас солнце жгло, белили нас метели.
Летали вороны — у нас нет глаз.
Мы не посмотрим. Мы бы посмотрели.
Ты посмотри — от глаз остались щели.
Развеет ветер нас. Исчезнет след.
Ты осторожней нас живи. Пусть будет
Твой путь другим. Но помни наш совет:
Взглянул и помолись, а бог рассудит.

Господь простит — мы знали много бед.
А ты запомни — слишком много судей.
Ты можешь жить — перед тобою свет,
Взглянул и помолись, а бог рассудит.

БАЛЛАДА ПРИМЕТ

Я знаю, кто по-щегольски одет,
Я знаю, весел кто и кто не в духе,
Я знаю тьму кромешную и свет,
Я знаю — у монаха крест на брюхе,
Я знаю, как трезвонят завиухи,
Я знаю, врут они, в трубу трубя,
Я знаю, свахи кто, кто повитухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю летопись далеких лет,
Я знаю, сколько крох в сухой краюхе,
Я знаю, что у принца на обед,
Я знаю — богачи в тепле и в сухе,
Я знаю, что они бывают глухи,
Я знаю — нет им дела до тебя,
Я знаю все затрешины, все плюхи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, кто работает, кто нет,
Я знаю, как румянятся старухи,
Я знаю много всяческих примет,
Я знаю, как смеются потаскухи,
Я знаю — проведут тебя простухи,
Я знаю — пропадешь с такой, любя,
Я знаю — пропадают с голодухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю все, но только не себя.

О ЮНОСТИ МОГУ ГРУСТИТЬ Я

(Из „Большого завещания“)

О юности могу грустить я,
Когда я был еще глупцом,
Кутил я до ее отбытия.
Она оставила мой дом,
Она ушла, но не пешком,
Не на коне, но как — не знаю!
Внезапно скрылась за кустом...
Ищу, грущу и вспоминаю.

ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЯ ФРАН-ГОНТЬЕ *

Монах-толстяк, позевывая сонно
У очага, на мяконькой постели,
Прижал к себе Лaisу из Сидона,
Сурьмленую, изнеженную, в теле.
Я наблюдал сквозь скважины и щели,
Как, тело к телу, оба нагишом
Смеялись, баловались вечерком,
Как ласки их подогревала влага.
Я понял: скорбь развеять лишь вином.
В довольстве жить — вот истинное благо!

Когда бы Фран-Гонтье, а с ним Алена
В потехах проводили дни, не ели
Хлеб с луком, по уставам всем закона,

* См. примечания в конце книги.

Так бьющим в нос, что устою я еле!
Что, если бы похлебку в самом деле
Они не приправляли чесноком?
Не придираясь к ним, спрошу я: дом
И мягкий пух не лучше ли оврага?
Уж так ли спать приятно под кустом?
В довольстве жить — вот истинное благо!

Побрезговала б снедью их ворона:
Дуть воду круглый год они умели.
Все пташки — от сих мест до Вавилона, —
Хоть сладко пели б, ни одной недели
В таком житье я не видал бы цели,
А Фран-Гонтье с Аленой напролом
Резвялся под кустом всю ночь, как днем.
Пусть сладко им, но не по мне их брага.
Хоть хлопотно жить пахарю трудом,
В довольстве жить — вот истинное благо!

П о с л а н и е

Принц, сами посудите вы о том,
Что до меня — вам говорит бродяга.
Я, помню, слышал, будучи юнцом:
В довольстве жить — вот истинное благо!

ВИЙОН СВОЕЙ ПОДРУГЕ

О нежность, полная жестоких мук,
Вся красота, обманная и злая!
Притворный взгляд, и ласка, и испуг.
Тяжка любовь, и каждый день, пытая,
Меняется и гнет, и нет ей края.

Гордыня! И глазам меня не жаль,
Они смеются, жалости не зная.
Не отягчай, но утоли печаль!
Нет, лучше бы уйти от этих рук.
Не здесь искать мне отдыха и рая.
Неисцелимый взял меня недуг
И сушит, и томит, не упуская.
Большой и малый видят нас: вздыхая,
Я умираю, раненный. Не сталь
Меня сразила, но любовь слепая.
Не отягчай, но утоли печаль!

Придет пора, и ты, мой нежный друг,
Себя увидишь — желтая, сухая.
Прекрасный цвет ланит — завял он вдруг,
И волосы белеют, выпадая.
Скорее пей же эти воды мая!
И приходящего тоской не жаль!
Пока ты свежая и молодая,
Не отягчай, но утоли печаль!

Послание

О принц, любовным жалобам внимая,
Ты ясно зришь любови высь и даль,
Тебя прошу — все муки отпуская,
Не отягчай, но утоли печаль!

БАЛЛАДА

(Заключительная)

Закрываются здесь Завещанье,
Замолкает здесь бедный Вийон.

О, придите вы все на прощанье,
Как раздастся торжественный звон.
Приоденьтесь же для похорон.
Ино умер, любови унылой
Он стрелой беспощадной сражен,
Отходя от сей жизни постылой.

Он в отрепьях, изведав изгнанье,
Всеми брошен, везде заклеймен,
Переживши любови страданье,
Горечь ласк и разлуки урон,
Был обманут и был обойден.
Он об этом твердил пред могилой,
Чуя смерти целительный сон,
Отходя от сей жизни постылой.

Послание

Сколь любезен ты, принц, и
влюблен,
Знай — Вийона любовь охватила,
Залпом горечь вина выпил он,
Отходя от сей жизни постылой.

ЭПИТАФИЯ

В сей горнице стрелой ужасной,
Любви стрелой навек сражен,
Покойно спит школляр несчастный
По имени Вийон.

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Скажите, где они, в какой стране
Таис и Флоры сладостные тени?
И где приявшая конец в огне
Святая девственница — дщерь Лоррени?
Где нимфа Эхо, чей напев весенний
Порой тревожил речки тихий берег,
Чья красота была всех совершенней?
Но где же он — где прошлогодний снег?

Где Берта и Алиса — где оне?
О них мои томительные песни.
Где дама, плакавшая в тишине,
Что Буридана утопила в Сене?
О где оне, подобны легкой пене?
Где Элоиза, из-за коей век
Окончил Пьер под схимой отречений?
Но где же он — где прошлогодний снег?

Я королеву Бланш узрю ль во сне?
По песням равная былой сирене,
Что запевала на морской волне,
В каком краю она — каких пленений?
Еще спрошу о сладостной Елене.
О, дева дев, кто их расцвет пресек?
И где оне, владычицы видений?
Но где же он — где прошлогодний снег?

Послание

Принц, все проходит мимо в быстрой смене,
Но пусть припев сей прозвучит навек

Тщетой припоминаний и томлений:
Но где же он — где прошлогодний снег?

БАЛЛАДА ВИЙОНА К ТОЛСТОЙ МАРГО

Люблю красотку я, служу ей страстно,
Но не дурак я, не простец смешной.
Она на всякий вкус, для всех прекрасна,
Обут и сыт из-за нее одной.
Приходит гость — беру кувшин большой,
Несу воды, не говоря ни слова,
Им хлеб даю, плоды, вина густого.
Коль платит хорошо — кричу потом:
«Как распалитесь, киньтесь снова *
В блудилище, где вместе мы живем».

Но иногда взглянуть на нас опасно,
Как без гроша Марго придет домой.
Я видеть не могу ее! Ужасна! *
Беру наряды все ее — постой!
Коль так, я все отдаю за золотой!
Тут начинается, она средь рева
Кричит, что не отдаст свои обновы.
Я ей даю по морде кулаком
И ставлю на щеке пятак багровый
В блудилище, где вместе мы живем.

• • • • • • • • • • •
Потом мир заключен, она рукой
Мне ляжку гладит — «ты милашка мой».

• • • • • • • • • •
И пьяные мы спим мертвецким сном.
Всю ночь мыччит проклятая корова
В блудилище, где вместе мы живем.

Послание

Что ветер, снег? Мне хлеб всегда готовый.
Я жулик, а она нашла такого.
Кто лучше? Хороши они вдвоем!
И, верьте, рыбка стоит рыболова
В блудилище, где вместе мы живем.

ДЛЯ МАТЕРИ МОЛИТВА СКРЕПЛЕНА

(Из „Большого завещания“)

Для матери молитва скреплена,
Чтоб прославлять Заступницу отныне,
Бог знает, сколько вынесла она,
Простая женщина, скорбя о сыне.
Нет мне убежища, иной твердыни!
Но плоть мою и душу может ограждать
Средь множества печалей и уныний,
Старуха бедная — и это мать! *

БАЛЛАДА, КОТОРУЮ ВИЙОН НАПИСАЛ СВОЕЙ МАТЕРИ, ЧТОБ ОНА ПРОСЛАВЛЯЛА БОГОРОДИЦУ

Небесная царица и земная,
Хранительница преисподних врат
И госпожа заоблачного края,
Прими убогую в твой райский сад,
Где дети славословят и кадят.
Я, грешная, жила не так, как надо,
Я, нерадивая, прошу пощады,

Грехов изведала я злую сеть,
Но ныне к деве обращаю взгляды —
Хочу в сей вере жить и умереть.

Ты сыну своему скажи — темна я,
Чтоб он не оттолкнул меня назад.
Так Магдалину принял он, прощая,
И так монаха, что грешил стократ *,
Продавши черту душу, выпив яд
Всей дьявольской науки и услады,
Простил он, добрый пастырь злого стада.
Заступница, моли его и впредь,
Ты лилия невидимого сада.
Хочу в сей вере жить и умереть.

Я женщина убогая, простая.
Читать не знаю я. Меня страшат
На монастырских стенах кущи рая,
Где блещут арфы, и под раем ад,
Где черти нечестивцев кипятят.
Сколь радостно в раю, сколь страшно ада
Среди костров, и холода, и глада!
К тебе должны бежать и восхотеть
Твоих молений и твоей ограды.
Хочу в сей вере жить и умереть *.

Послание

Ты, Матерь Божия, — печаль и страда!
Твой сын оставил ангелов усладу,
За нас он принял крест, и бич, и плеть.
Таков он и в такого верить рада,
Хочу в сей вере жить и умереть.

**ЧЕТВЕРОСТИШИЕ, СЛОЖЕННОЕ ВИЙОНОМ,
КОГДА ОН БЫЛ ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ**

Я Франсуа — чему не рад! —
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Ронсар

(1524—1585)

* * *

Старухой после медленного дня,
Над пряжей, позабывши о работе,
Вы нараспев стихи мои прочтете;
Ронсар в дни юности любил меня.

Служанка, голову от сна клоня
И думая лишь о своей заботе,
На миг очнется. Именем моим вспугнете
Вы двух старух у зимнего огня.

Окликнете — ответить не сумею;
Я буду мертвым, под землей истлею.
И, старая, вы скажете, грустя:

«Зачем его любовь я отвергала?»
Вот роза расцветает, час спустя
Ее не будет — доцвела, опала.

Иоахим Дю Белле

(1522—1560)

из книги «ОЛИВА»

LIX

Голубка над кипящими валами
Надежду обреченным принесла —
Оливы ветвь. Та ветвь была светла,
Как весть о мире с тихими садами.

Трубач трубит. Несет знаменщик знамя.
Кругом деревни сожжены дотла.
Война у друга друга отняла.
Повсюду распри и пылает пламя.

О мире кто теперь не говорит?
Слова красивы, и посулы лживы.
Но я гляжу на эту ветвь оливы:

Моя надежда, мой зеленый щит,
Раскинь задумчивые ветви шире
И обреченным ты скажи о мире!

LXXXIII

Уж ночь на небо выгоняла стадо
Своих блуждающих косматых звезд,
И ночи конь, вздымая черный хвост,
Уж несся вниз, в подземную прохладу.

Уж в Индии встревожены и рады,
Перекликались сонмы сонных звезд.
Все розовело. Трав был слышен рост.
Туманов плотных дрогнула ограда.

Тогда вся в жемчуге, светясь, горя,
Вдруг показалась новая заря.
И день, пристыжен смутным ожиданьем,
Далекой Индии большой Восток
И пыль анжуйских голубых дорог
Залил своим как бы двойным сияньем.

ИЗ КНИГИ «ДРЕВНОСТИ РИМА»

Увидев Рим с холмами неживыми,
Безмолвствует в смятеньи пилигрим:
Нагромождение камней пред ним.
Напрасно Рим найти он тщится в Риме.

Был пышен Рим и был непобедим,
Он миром правил. В серо-синем дыме —
Обломки славы, щебень. Где же Рим?
Уж Рима нет, осталось только имя.

Он побеждал чужие города,
Себя он победил — судьба солдата.
И лишь несется, как неслась когда-то,

Большого Тибра желтая вода.
Что вечным мнилось, рухнуло, распалось.
Струя поспешная одна осталась.

VII

Повсюду славен, повсеместно чтим,
С поверженными, праздными богами,
С убогим мусором в разбитом храме,
Нам открывается великий Рим.

Выл блеск его уму непостижим,
Беседовали башни с небесами,
И вот, расщеплен, он лежит пред нами,
Он нас томит ничтожеством своим.

Где слава цезарей, рабов работа,
Побед кровавых пышные ворота,
Героев рой, бессмертия ключи?

Все унесли века. Страшней нет власти.
Я говорю себе: коль эти страсти
Испепелило время, промолчи.

XXVII

Пришельца потрясает запустенье:
Те арки, что страшили небеса,
И дерзкий мост, и мрамора леса —
Пожарище, камней нагроможденье.

Но этот прах — источник вдохновенья;
Еще звучат былого голоса,
И зодчий, открывая чудеса,
Возносит к небу дивные строенья.

Не мните вы, что все окрест мертвое,
Колонны рухнули, не мастерство.
Обманчивому облику не верьте.

Вот он — веками истребленный Рим,
Он воскресает, он неистребим,
Рожденный страстью, он сильнее
смерти.

ИЗ КНИГИ «СОЖАЛЕНИЯ»

■

Я не берусь проникнуть в суть
природы,
Уму пытливому подать совет,
Исследовать кружение планет,
Архитектуру мира, неба своды.

Не говорю про битвы, про походы.
В моих стихах высоких истин нет,
В них только сердца несколько примет,
Рассказ про радости и про невзгоды.

Не привожу ни доводов, ни дат.
Потомкам не твержу, как жили предки.
Негромок я, цветами небогат.

Мои стихи — случайные заметки.
Но не украшу, не приглажу их —
В них слишком много горестей моих.

V

Льстецы покажут нам искусство лести,
Влюбленные раскроют сердца страсть,
Хвастун свой подвиг приукрасит всласть,
Вздохнет пройдоха о доходном месте.

Ревнивец будет жаждать мести,
Ханжа докажет, что от бога власть,
Подлизя скажет, как к стопам припасть,
Вояка бравый помянет о чести,

Хитрец откроет мудрость дурака,
Дурак его похвалит свысока,
Моряк расскажет, как он плавал в море,

Злословить будут злые языки,
Шутить не перестанут шутники.
Я в горе вырос и прославлю горе.

IX

В лесу ягненок блеет — знать,
Овцу зовет. Меня вскормила
Ты, Франция. Кого мне звать?
Ты колыбель и ты могила.

Меня ты нянчила, учила.
Меняют стих, меняют стать.
Но как найти другую мать?
Кому ты место уступила?

Зову, кричу, а толка нет:
Лишь эхо слышу я в ответ.
Другим тепло, другим отрада,

А мне зима, а мне сума,
И волчий вой сведет с ума.
Я — тот, что отстает от стада.

XII

Служу — я правды от тебя не прячу, —
Хожу к банкирам, слушаю купцов.
Дивишься ты, на что я годы трачу,
Как петь могу, где время для стихов.

Поверь, я не пою, в стихах я плачу,
Но сам заворожен звучаньем слов,
Я до утра слагать стихи готов,
В слезах пою и не могу иначе.

Так за работою поет кузнец,
Иль, веслами ворочая, гребец,
Иль путник, вдруг припомнив дом
родимый,
Так жнец поет, когда невмочь ему,
Иль юноша, подумав о любимой,
Иль каторжник, кляня свою тюрьму.

XXXI

Счастлив, кто, уподобясь Одиссею,
Исколесит полсвета, а потом,

В чужих порядках сведущ, зрел умом,
На землю ступит, что зовет своею.

Когда же наконец увидеть я сумею
Мою Луару, мой убогий дом
И дым над крышей в небе голубом?
Я не хочу величья Колизея.

Не мил мне мрамор. Как ни пышен Рим,
Он не сравнится с домиком моим.
На что бы ни глядел и ни был где бы,

Передо мной не боги на горе,
Не быстрый Тибр, а милая Лире
И Франции единственное небо.

XXXIX

Хочу я верить, а кругом неверье.
Свободу я люблю, но я служу.
Слова чужие нехотя твержу,
Который год ряжусь в чужие перья.

Льстецы трусливо шепчутся за дверью,
Вельможа лжет вельможе, паж — пажу.
Не слышу правды, правды не скажу,
Хожу, твержу уроки лицемерья.

Ищу покоя, а покоя нет.
Я из одной страны спешу в другую
И тотчас о покинутой тоскую.

Люблю стихи, а мне звучит в ответ
Все та же речь, фальшивая, пустая —
Святоши ложь, признанья краснобая.

CVI

Зачем глаза им? Ведь посмотрит кто-то,
Доложит. Уши им зачем? Для сна?
Они не видят горя, им видна
Доспехов и трофеев позолота.

Кто плачет там? Им воевать охота.
Страна измучена, разорена,
Но между ними и страной стена.
Еще поцарствовать — вот их забота.

Страна кричит. У них свои игрушки:
Знамена, барабаны, трубы, пушки.
Приказ готов. Оседлан быстрый конь.

Так на холме король троянский стоя
Глядел, как перед ним горела Троя,
И, обезумев, прославлял огонь.

Эжен Потье

(1816—1887)

ЖАН-НИЩЕТА

Голодных дней не считать,
С жизнью больше не спорить,
Это ты, Жан-нищета,
Свалился пьяный от горя.

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

Валит мокрый холодный снег,
Лохмотья мои покрывает.
Значит, это ты — мой конец,
Парижская мостовая.

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

Я водил иглой для чужих именин,
Рубашка моя вся в клочьях,
Я — Жан-нищета, я просто один,
Один из многих рабочих.

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

У меня был сын Жан,
У меня была дочка Жанна.
Жана убил улан.
Ласкают Жанну уланы.

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

Был день, и сердце мое
Забилось жизни под пару:
Я в руки взял ружье
Парижского коммунара.

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

Поставили нас к стене
Гвардейцы и драгуны.
Я крикнул драгуну: «Нет!
Да здравствует Коммуна!»

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

На каторге землю я рыл,
Могилу себе я вырыл,
А они средь знамен и кадил
По-прежнему правят миром.

Да, да, да.
Это не кончится никогда!

Стефан Малларме

(1842—1898)

ПОЛДЕНЬ ФАВНА

Фавн:

О нимфы, я хочу продлить их...

Заревое

Их тело нежное дрожит в глубоком зное,
Средь чаши снов.

Любил я нимфу или сон?

Не знаю, все как ночь старинная, и я смущен,
Средь веток хрупких. Наяву я вижу ясно
Лишь этот лес. Увы, мне кажется, напрасно,
Один, без нимф, я, засыпая, восхотел
Дать торжество загадке их далеких тел.
Подумай!

Может быть, те женщины лишь тени
Твоих несбыточных и древних вожделений.
О фавн, твой сон, как слез играющий родник,
Из хладных синих глаз стыдящейся возник.
Но погляди, как летний ветерок, вздыхая,
Несходная трепещет пред тобой, иная.

Когда в истоме утро хочет обороть
Жару и освежить томящуюся плоть,
Оно лепечет только брызгами свирели
Моей, что на кусты росой созвучий сели.
Единый ветр из дудки вылететь готов,
Чтоб звук сухим дождем рассеять вдоль лесов,
И к небесам, которых не колеблют тучи,
Доходит важный вздох, искусный и певучий.

О сицилийского болота тихий брег,
Как солнце, гордость сушил твой унылый век.
Под лепестками ярких искр тверди за мною:
«Что здесь, тростник срезая, приручал

его я,

Когда средь золота зеленого лугов,
Средь пышных лоз и влагу сеющих ручьев,
Как будто зверя белизну, узрел я, в лени,
Тех нимф и негу плавную движений.
И при начальном звуке дудки взвился ряд
Пугливых лебедей, не лебедей — наяд».
Я опаленный и недвижный, в полдень гнева,
Не зная, отчего свирели сладкие напевы,
Которые звучат в жестокой тишине,
Рассеиваются их, давно желанных мне,
Один, и надо мной лишь солнца блеск

старинный,

Встаю, подобный, лилия, тебе, невинной,
И грудь моя показывает тайный след
Какого-то укуса, но не ласки, нет,
Не беглый знак витающего поцелуя,
Богини зуб его мне подарил, тоскуя,
Но тайна, вот она — воздушна и легка
Из уст идет играющего тростника.
Он думает, что мы увлечены напрасно
Своей игрой, которую зовем прекрасной,
Украсив, для забавы, таинством любовь,
Глаза закрыв, и в темноте рыдая вновь
Над сновиденьем бедер и над спин загадкой,
Мы эти сны, пришедшие к душе украдкой,
Зачем-то воплотим в один протяжный звук,
Что скучно и бесцельно зазвучит вокруг.

Коварный Сиринкс, бегства знак, таи свой шорох
И жди меня, вновь зацветая на озерах.
Я вызову, срываю пояс с их теней,
Богинь. Так, чтоб не знать укоров прежних дней.
Я, виноград срываю, пьяный негой сока,
Пустую гроздь, насмешник, подымал высоко,
И в кожицы я дул, чтоб, жадный и хмельной,
Глядеть сквозь них на вечер, гасший надо мной.
О нимфы, дуйте в разные воспоминанья!
«Мой жадный глаз, камыш сверля, тая желанья,
Движенье нимф, купавших сладостный ожог,
В воде кричавших бешено, заметить мог.
Но вот восторг исчез внезапно, тела чудо,
Средь дрожки блеска вашего, о изумруды!
Бегу и вижу спящих дев, упоены
Истомой вместе быть, их руки сплетены,
Несу, не размыкая рук их, прочь от света,
В густую тень, где розы, солнцем разогреты,
Благоухают, игры дев храня,
Их делая подобными светилу дня».
Люблю тебя я, девственницы гнев, и белый,
Священный груз враждебного и злого тела,
Которое скользит от раскаленных губ,
От жажды их. Как затаенный страх мне люб,
От диких игр неистовой до сердца слабой,
Которая невинность потерять могла бы,
От плача влажная, иль, может быть, одна,
Иным туманом радости окружена.

«Их первый страх преодолеть, рукой дрожащей
Распутать их волос нетронутые чаши,
Разнять упорные уста для близких нег —

Я это совершил, и свой багровый смех
Я спрятал на груди одной из них, другая
Лежала рядом и, ее рукой лаская,
Я жаждал, чтоб сестры растущий быстро пыл
Ее б невинность ярким блеском озарил,
Но маленькая девственница не краснела.
Они ушли, когда я, слабый, онемелый,
Бросал, всегда неблагодарным, легкий стон,
Которым был еще как будто опьянен».

Пускай! Другие мне дадут изведать счастье,
Обивши косы вокруг рогов моих, и страстью
Созревшей полон я, пурпуровый гранат,
Вокруг пчелы, рея, сок собирают и звенят.
И кровь моя течет для всякого, кто, жаром вея,
Склонится, отягчен желаньями, над нею.
Окрашен золотом и пеплом рощ покров,
Проходят празднества средь гаснущих листов,
То Этна пред тобой. Венера посетила
Тебя (гримел раскат протяжный и унылый),
На лаве оставляя ног невинных след.
О ты, богиня!

Кара страшная!

Но нет,

Душа, свободная от слов, с усталым телом,
Под зноем полдня, на песка покрове белом,
Измученного жаждой, вы, средь белизны,
Забывши богохульство ваше, спать должны.
Уста подставлю я небесному светилу...

Прощайте, нимфы! Я вас вижу тенью милой!

Поль Верлен

(1844—1896)

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

По небу струились закатные чары,
И ветер, слабея, качал ненюфары,
Большие цветы на уснувших прудах
Печально белели в густых тростниках.

Я шел одинокий и думал тоскливо,
Меня провожали плакучие ивы.
Туман безнадежный над темной водой
Свивался, как призрак, усталый, больной.

Сливаясь с туманом, с моими слезами,
Пугливые птицы звенели крылами.
Я шел одинокий с печалью моей,
И ивы клонили верхушки ветвей.

Вечерние тени сбегали безмолвно
На черное небо, на блеклые волны.
Одни ненюфары в густых тростниках
Печально белели на тихих прудах.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

В покинутом парке, печальном, пустом,
Две скорбные тени проходят вдвоем.

Глаза их погасли, уста побледнели,
Их тихие речи звучат еле-еле.

В покинутом парке, печальном, пустом,
Две тени, встречаясь, грустят о былом.

— Скажи мне, ты помнишь ли счастья былое?
— Зачем вы хотите, чтобы помнил его я?..

— Душа моя снится тебе, и тогда,
Скажи мне, ты плачешь во сне? — Никогда.

— О, прошлая радость тебя не тревожит
И первых признаний восторги? — Быть может...

— И синее небо и вера в сердцах?
— Но вера исчезла вочных небесах...

Так тихо проходят две скорбные тени,
И ночь только слышит их речи сомнений.

АМУР НА ЗЕМЛЕ

Сегодня ночью ветер тягостный и хмурый
В аллее самой темной и пустой,
Блуждая, сбросил с пьедестала хитрого
Амура,
Коварного Амура с тоненькой стрелой.

Вчера мы целый день о той стреле мечтали,
А ветер сбросил статую. Едва-едва

В тени дерев на опустевшем пьедестале
Мы разбираем стертыe почти слова.

О мысли грустные, одна другой грустнее...
Себя я вижу одиноким и пустым,
Как этот пьедестал в заброшенной аллее,
Перед которым мы сейчас вдвоем стоим.

О грустно это! Даже ты грустить готова,
Почти растроганная... Но исподтишка
Ты весело глядишь на ярко-золотого,
Играющего над цветами мотылька.

СВЕТ ЛУНЫ ТУМАННОЙ...

Свет луны туманной
Серебрит леса.
И стихают странно,
Где-то замирая,
Птичья голоса.
Нежная, родная!

И под ветром мрачным
Тихо и лениво
Над прудом прозрачным
Скорбною листвою
Наклонилась ива.

Погрусти со мною!

Помечтаем вместе,
С высоты небесной

К нам доходят вести
Мира и прощенья.
Это миг чудесный,
Это миг забвенья!

ТЕНЬ ДЕРЕВЬЕВ...

Тень деревьев, склоненных над ручьем
неживым,
Умирает, как призрак, как дым.
А в кустах, наклонившись над зеркалом вод,
Соловей, засыпая, поет.

Расскажи мне, прохожий, этот вечер, скорбя,
Заставляет скорбеть и тебя;
И как жалобно плачут средь ночной тишины
И твои безнадежные сны?

РУКА ПЕЧАЛЬНАЯ ЛАСКАЕТ ПИАНИНО...

Рука печальная ласкает пианино,
И звуки льются медленной волной
И в пахнущей ее духами маленькой гостиной
Летают тихо надо мной.

Каков напев знакомый, но забытый
Так ласково баюкает меня?
Окно в уснувший сад полуоткрыто.
И звуки, тихо плача и звеня,
Как будто умиряют на закате дня...

СЕРДЦЕ ТИХО ПЛАЧЕТ...

Сердце тихо плачет,
Точно дождик мелкий,
Что же это значит,
Если сердце плачет?

Падая на крыши,
Плачет мелкий дождик,
Плачет тише, тише,
Падая на крыши.

И дождю внимая,
Сердце тихо плачет.
Отчего — не зная,
Лишь дождю внимая.

И ни зла, ни боли!
Все же плачет сердце,
Плачет оттого ли,
Что ни зла ни боли?

БЕДНЫЕ ДОБРЫЕ ПОМЫСЛЫ...

Бедные добрые помыслы, снова я вижу вас, снова
Крепкая вера и грусть о растряченной силе былого,
Разум суровый с печальной и нежно покорной душой.
Строгая бдительность эта и сердцу внущенный покой.
Все вы! Покуда идете вы медленно, робко и вяло,
Шли бы вы бодро, но теплая ночь ваши очи застлала.
Все вы идете за самой неловкой, и светом луны,

Белым и сладостным светом, вы, бедные, все смущены.
Все вы как овцы, что только что вышли из хлева на
волю:

Тихо одна за другой, опустив свои головы, в поле,
Жмутся они и ступают, пугливо взирая кругом,
Тихо проходят, не зная куда, за своим вожаком.
Он остановится — все они тотчас, не зная причины,
Кротко застынут, сложив свои морды друг другу на
спины.

Бедные овцы, ваш пастырь не я, я не вижу пути,
Это Иной и Достойный — Он знает, куда вас вести.
Он вас держал взаперти, но настанет минута, и стадо
Выпустит Он и своею рукой поведет куда надо.
Овцы, идите за Ним, и под блеянье ваших сердец
Буду я псом пастуха моих бедных и добрых овец.

Артур Рембо

(1854—1891)

СОН НА ЗИМУ

Eü

Зимой уедем мы в вагон розовом и скромном
Среди подушек голубых,
Нам будет хорошо, и в каждом уголке укромном
Гнездо для наших ласк шальных.

Ты глаз закроешь, чтоб не видеть в этот час
вечерний
За окнами больших теней,
Чудовищных кривляний их и всей противной черни,
Больших и маленьких чертей.

Ты станешь, может быть, еще смущенней и краснее,
Когда, твою щеку ужалив, побежит по шее
Мой поцелуй, как паучок.

Ты скажешь: «Поищи его», — склонив свою головку,
И мы начнем искать того, кто так умно и ловко
Ужалил лучшую из щек.

LES CHERCHEUSES DE POUX

Когда ребенок, полный красной муки,
Оплакивает сказок белый дым,
Две старшие сестры, закинув руки,
К кровати маленькой идут за ним.

Ведут к окну, раскрытыму широко,
Где листья моет вечер голубой,
И с нежностью, особенно жестокой,
Скользят в кудрях, обрызганных росой.

Он слушает, как сестры дышат ровно,
В дыханье их сокрыт цветочный мед.
И иногда одна из них любовно
Его тем ароматом обдает.

И в тишине трепещут их ресницы,
Исходит свист из их прилежных уст.
Когда ж их взор добычей насладится,
Под острыми ногтями слышен хруст.

Он чувствует вино сладчайшей лени,
Под ласками сестер не плачет он,
Овеян негой медленных движений
И словно погружаясь в тихий сон.

Жан Мореас

(1856—1910)

САТИРЫ И ОСЕНЬ

Вчера, блуждая по редеющему лесу,
Я встретил трех сатиров за кустом.
Один, как будто подражая Геркулесу,
Махал большим оливковым стволом,
Другой тащил свой козий мех. Сгущались тени,
И вечер гас в прозрачной вышине,
А третий, сидя на замшевом пне,
Дул нежно в дудочку, и в тишине осенней
Протяжный звук дрожал едва-едва,
И два сатира, прыгая, вокруг пня плясали,
Шуршала под копытами трава,
И листья мертвые испуганно взлетали.

СТАНСЫ

■

Когда тебя гнетет судьба земная,
Над ней смеешься ты,
На лире ты играешь, сам не зная,
К чему твои мечты.
Осудит, может быть, старик ученый
Твой бесполезный дар,

Не верь ему — у муз и Аполлона
Так много дивных чар.
Оставь людей! Раствут и крепнут дети,
Сменяют стариков,
Но для тебя их жизнь, как все на свете,
Лишь средство для стихов.

||

Когда, рыдая, точно над могилой,
В златые листья облачен
Промчался над долинами унылый
Печальный Аквилон,

Что рассказал он ветке, сохранившей
Последний жалкий цвет,
Заре ноябрьской и душе, таившей
Еще былого след?

|||

О море, когда я приду к тебе снова
И сяду один над тобой,
Чтоб скучные жалобы сердца земного
Покрыл твой растущий прибой,

Не только кидай в меня пеной соленой,
Хлестни меня острой волной,
Чтоб в горечи спал я, навек утоленный
Твоей золотой глубиной.

IV

Мне внемлют только мертвцы, и я живу
в могилах,

Я ненавижу сам свою игру,
Кидаю горстью семена для воронов унылых,
И пышной жатвы я не соберу.

Я не ропщу на жизнъ... Что сердцу буйства
Аквилона,
И клевета, и боль, и горечь дней,
Когда касаюсь я тебя, о лира Аполлона,
И ты звучишь все чище и сильней?

V

Внезапно прорывая муть небес тяжелых,
На воды, на сады и на печаль мою
Сквозь ветки праздные каштанов полуоголых
Ты, солнце осени, льешь теплую струю.

Но для чего? Оставь осенней непогоды
И холод злой, и ветер, и ночей печаль,
Которые срывают листья, мутят воды
И душу делают упорной, точно сталь.

Поль Руанар

(1856—?)

СТАРИК

Отрывок

Они сказали мне: «Молись, нисходит мрак полночный.
Пора! Ты слышишь ли зимы растущий шаг,
Назавтра — смерть, Ему молись, и в час урочный
Сойдет огонь в твой гаснущий очаг».
Я видел, на глазах бродяги слезы бешенства застыли,
Как волк, он брел по голубой долине,
Собаки встречных сел уныло выли...
Приди! Покой без снов и радость без уныний,
Я вижу, ныне на рябинах белый иней.
Я чист от злобы, и душа моя закрыта для надежды;
Кидал я слушаю минутные мечты...
И вот я вижу жизнь мою, раскрыв широко вежды.
Бесцельный миг, теперь приходишь ты!
Как пастырь перед ночью на лугу высоком
Сбирает и считает зябнущих овец,
Я вижу путь пройденный вещим оком
И в одиночестве приемлю свой конец
И все, что было позади, и все, что впереди...

Голос бедняка:

О смерть, от сердца моего и от тебя самой меня
освободи!

ПОДРУГА ПОЭТА

Восторг пред ним замолк вокруг,
Но я его величье возрождаю.
Пусть тело бренное переживет нетленный дух.
О смерть, владычица слепая,
Ведешь ты страшную игру.
Ты свежий пепел сеешь, стоя на ветру.
Но ныне я хочу с тобой сразиться,
Я, для его Творений торговавшая собой,
Тебя зову на этот бой,
Незрелых нив бессмысленная Жница!
Я бронзой отолью его былое вдохновенье,
У ног холодных сяду я,
И пусть сольется с статуи спокойной тенью
И тень печальная моя.

Альбер Самен

(1858—1900)

МОЯ ДУША

Моя душа, инфанта в пышном облаченьи,
Ее унынье отражается устало,
В пустынных пыльных зеркалах Эскуриала,
Как в тихой гавани галера без движенья.

Она сидит, у ног охотничья собака,
Которая в густых лесах очарованья
Охотится за странной и волшебной ланью,
Послушная инфанты роковому знаку.

Ея любимого пажа зовут Былое.
Он ей вполголоса стихи читает,
Их тайне умирающей она внимает
С тюльпаном золотым в молчаньи и в покое.

Она обречена, она покорна, зная,
Что больше удивляться ничему не надо,
Когда обманчиво встает пред ней Армада,
Она становится еще грустней, рыдая.

Она рыдает, темной гордостьюю объята,
Когда на темном золоте стены рядами

Вандиковы портреты с тонкими руками
Глядят в последний миг багрового заката.

И иногда мираж поблекший и старинный,
Какой-то тусклый отблеск пышного былого,
Ее как будто к жизни пробуждает снова
И зажигает скрытой гордости рубины.

Но, быстро отстраняя этот пыл случайный,
Она покою предается вскоре,
И жизнь доходит к ней издалека, как море,
И на уста ея ложится глубже тайна.

Вода ее очей как будто неживая,
Стоячая, подобная пустым каналам,
Она идет по темным и заглохшим залам,
Себя волшебными словами усыпляя.

Звенит вода дворцов задумчивым фонтаном,
В былого зеркала роняя отраженье.
Она мечтает грустно, с золотым тюльпаном,
Как в тихой гавани галера без движенья.

Моя душа — инфанта в пышном облаченъи.

ВЕЧЕР

Бледнеет небо, точно золотое море.
Равнина думает о чем-то не дыша...
В таком огромном, темном и пустом просторе
Восходит ночи величавая душа.

Последний луч еще блуждает, слаб и тонок,
И на ночлег бредут послушные быки.
Усевшись на пороге маленьких избенок,
Прохладу вечера вдыхают старики.
Земля под легкий звон колоколов
Проста, как на картинах старых мастеров,
Где Добрый Пастырь на лугу пасет ягненка.
Уж звезды сыплют белый снег, а ночь тиха,
И только где-то вдалеке у ивы тонкой
Чернеет силуэт печальный пастуха.

ВЕРСАЛЬ

О Версаль, в это время осенних томлений
Отчего твое прошлое давит меня?
Приближаясь, ложатся печальные тени,
И далеко дыханье горячего дня.

Красоту твою чище и лучше храня,
Нежит золотом вечер больной и осенний,
Рыжий лист, под ногами уныло звеня,
Улетает на пруд, на пустые ступени.

Вот бассейны твои, острова, и дельфины,
И сады, где теперь не гуляют дофины,
И былое величье плюмажей больших.

Ты, как лилия, горд, умирая безмолвно
И средь ночи фонтанов замшенных
Твоих
Только плачут последние слабые волны.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Вечера апреля! Неба свод лазурный.
Ангел с наклонившейся случайно урной.
О, какой восторг в сердцах встает опять
И кладет на женщин томную печать.
Гаснут золотые розовые зори,
Город в этот миг вдали поет, как море.
Приоткрыта кем-то дверь в весенний сад,
И в пыли зеленои тополя дрожат.
Из ворот идут толпой мастеровые,
И звенят о камень каблуки большие...
Кажется, святая Вероника ждет,
Чтобы снять с их лиц усталых гарь и пот.
Кончена работа, завтра — завтра пасха,
Колокол поет с какой-то грустной лаской,
Пробуждая в сердце все, что спит в пыли,
Все, что мы из детской веры сберегли.
Но уж ночь языческая тихо встала,
Скрыв улыбку строгой складкой покрывала.
И омытый ночи голубой водой,
Ясно выступает месяц молодой.
Чьи-то женские невидимые руки
Опускаются, рассеивая звуки.
Гаснут краски, кратко тонут голоса,
И синеют голубые небеса.
Миг, когда душа толпы, одним объята,
Умирает вместе с заревом заката.
Вечера апреля! Шепоты вокруг,
Томность губ и потаенный трепет рук.

И Амур рукой невинной, но умелой
Из колчана золотого вынул стрелы.
Сходит медленно весенней ночи мгла,
И в руке его жестокая стрела...

Реми де Гурмон

(1858—1916)

В ЦЕРКВИ

Симон, покорный, мы пойдем с тобою,
Навстречу крестьянам, идущим с серпами.
Я калитку пред тобой открою,
И собака поглядит на нас грустными глазами.
Пока ты будешь молиться, я помечтаю о трудной ноше
Строивших эти стены, колокольню с крестами,
О сводах, похожих на ломовую лошадь,
Нагруженную нашими смертными грехами.
Я буду мечтать о людях, которые моши святого Рока
В тысяча двести двенадцатом году закопали,
О тех, что звонили с башни высокой,
О тех, что покрывала церковные ткали.
О людях, точивших камень терпеливо,
О тех, что колокол украсили резьбою тонкой,
Нарисовали на стеклах королей благочестивых
И спящего в маленьких яслях ребенка.
Я буду мечтать о тех, что ковали крест старинный,
Петуха, зверей и двери с замками,
О тех, что из дерева выточили святую Екатерину,
Которая покоится со сложенными на груди руками.
О тех, что служили длинные литургии,
О руках, которые другие руки благословляли,
Я буду мечтать о кольцах, о свечах, об агонии,

О слезах женщин, об их печали.
Я буду мечтать о кладбище, где лежит, отдохшая,
Столько ушедших, далеких, забытых,
От которых осталась лишь трава густая
Да имена на старых замшенных плитах.
Когда мы выйдем, будет темно на дороге,
Мы будем как белые призраки во мраке,
Мы вспомним о жизни, о смерти, о Боге.
Об оставленной дома собаке.

* * *

Да будут руки грешные твои благословенны
За скрытые грехи, за потаенные измени.
Большие лилии твоих ногтей, рождая страх,
Напоминают о похищенных Святых Дарах.
И умирающий в кольце твоем опал —
Последний вздох Того, Кто на кресте страдал.

Да будут груди богохульные благословенны,
Цветок, для взоров обнаженный откровенно,
Собравший жатву всех ласкавших рук и уст,
Рукам прохожего доступный придорожный куст.
На нем печальный гиацинт, мечтая, задремал —
Последняя любовь Того, Кто на кресте страдал.

Да будут сладострастные уста благословенны,
Таящие какой-то вкус весенних роз и тлена,
Впитавшие сладчайший сок таинственных цветов,
Их нежный лепет, точно робкий трепет тростников.
Рубин холодный уст жесток, уныл и ал —
Последняя из ран Того, Кто на кресте страдал.

Да будет извращенная душа благословенна,
На шумной улице забытый изумруд надменный.
Он, гордый, грязью уличной придавлен и обвит,
И камень мостовой его, как Крестный Путь томит.
В грязи ликующей ногой я растоптал
Последний сон Того, Кто на кресте страдал.

ВОЛОСЫ

Симон, какая тайна
В лесах твоих волос?

Ты пахнешь розой чайной
Среди звенящих ос.
Ты пахнешь тмином, мятой,
Ты пахнешь рожью сжатой,
Орехом, мягким мхом
И вьющимся плющом.
Ты пахнешь воском, хлебом,
Когда его пекут,
Ты пахнешь знайным небом
И так, как пахнет пруд.
Ты пахнешь липой, ивой,
Когда она цветет.
Ты пахнешь спелой сливой
И медом сладких сот.
Ты пахнешь белой кашкой
И вереском сухим,
Анисом и ромашкой
И молоком парным.
Ты пахнешь жизнью, сном,

Любовью и огнем
И радостью случайной
Необычайных грез.

Симон, какая тайна
В лесах твоих волос?

СНЕГ

Симон, печальный снег в саду лежит, белея,
Симон, как снег, белы твои плечо и шея.

Твоя рука холодная, как снег, застыла.
Твоя душа холодная, как снег, застыла.

Снег тает только от горячего лобзанья,
Твоя душа от поцелуя расставанья.

Печален снег на ветках елей, легкий, белый,
Как под каштановыми волосами тело.

Симон, гляди, белеет снег равнины дальней,
Симон, ты — снег, ты — снег холодный и печальный,

Гюстав Кан

(1859—1936)

* * *

Девушки Багдада уезжают в море
На корабле с веслами белыми.
Грустные странники плачут горько
Над кустами с розами белыми.

«За то, что мы дали грустным странникам
Заглянуть в наши очи черные,
Мы, девы и вдовы печальные,
Упłyvаем в дали черные».

Девушки, вы приходили весело
К фонтану сладкому,
При тихой улыбке вечера,
При свете золотого факела.

«Издалека пришедшие странники,
Заглянувшие в наши черные очи,
Скажут: «Девы нежные и неверные
Нас покидают для черной ночи».

Корабль украсят белыми розами
И весла украсят на корабле,

Черные негры будут матросами,
И самый мудрый
Поведет корабль к белой земле.

Усталый корабль без руля и без весел
Уйдет и утонет где-то далеко,
И странники не узнают, куда нас забросил
Быстрый ветер черного Рока».

* * *

Что мне, если она любила больше музыканта с флейтой,
Или певца с гитарой,
Или игравшего на цимбалах во время бала,
Что мне, если она любила музыканта с флейтой
Или певца с гитарой?
Я упал на перекрестке
Под саблей верной и острой,
Чьей — музыканта с флейтой или певца?

Не знаю, ночь такая длинная, и долго до конца...

Жюль Лафорг

(1860—1887)

ВОСКРЕСЕНЬЯ

Пастушка, небо над рекой пустынной
Бесцельно плачет беспричинно.

Сегодня воскресенье, и сегодня
Реке без лодок легче и свободней.

Над городом к вечерне прозвонили,
И берега пустынны без идиллий.

Проходят институтки. Мех на шее,
И в муфте зябнущим рукам теплее.

Но у одной нет муфты; ежась хмуро,
Она идет. Печальная фигура!

Она внезапно выбилась из ряда,
Бежит... О господи, чего ей надо?

Она кидается с разбега в воду.
И нет ни лодочки, ни парохода...

Уж сумерки... В порту и у парома
Зажгли огни. (Эффект давно знакомый!)

А небо плачет над рекой пустынной,
Бесцельно плачет, плачет беспричинно.

ЖАЛОБА О ЗАБВЕНИИ МЕРТВЫХ

Милостивые государи и милостивые государыни,
Ваша мать умерла теперь,
Добрый могильщик пальцами старыми
Скребет вашу дверь.

Покойники?
Бог с тобой!
Они спят спокойно
Под своей землей.

Вы курите, за кружкой пива
Мечтаете полегоньку,
Где-то прокричал петух шаловливый...
Покойники спят в сторонке.

Дедушка что-то вспоминает,
Скоро спать ляжет;
Мать над столом лампу оправляет,
Сестра вяжет.

Покойники
Нуждаются в отдыхе.
Они спят спокойно
На свежем воздухе.

Вы справляете ваши дела за contadorками,
Потом обедаете плотно.
Бедные младенцы мертвые
Молчат охотно.

Звените одинаковым почерком
В приходно-расходной книге,
Меж балами и расходами прочими
Похороны и две панихиды.

Маленькая песенка,
Ничуть не унылая:
Жить так весело,
Моя милая!

Милостивые государи и милостивые государыни,
Ваша сестра умерла теперь.
Пустите могильщика старого,
Он стучит в вашу дверь.

Не будьте упрямыми!
Он захочет —
И вас вытащит за ноги
Лунной ночью.

О ветер беспокойный,
Буйный, бешеный!
Покойники?
Но они путешествуют...

ВОСКРЕСЕНИЯ

О эта рояль, милая, дорогая,
Она плачет и плачет, не зная стыда,
Над моей головой упрямо рыдая,
Она не кончит рыдать никогда.

Это несколько вальсов, очень старых,
Упражнений деликатный рой,
Нежные романы для швейцаров,
И «Молитва девы молодой».

Убежать... Но куда — неизвестно.
(Прочитанные книги на столе!)
Нечего делать на улице воскресной,
Нечего делать на этой земле!

Воскресное небо тупо застыло,
Что мне сделать из длинного дня?
Каждый хрип шарманки унылой
Теребит и тревожит меня.

Слушайте, девушка за роялью!
Нет, не могу я высказать вам,
Как растут мои воскресные печали
Под жалобы ваших гамм.

Я схожу с ума от сомнений,
Будь у меня жена, я бы раздавил
Ее милый рот и, став на колени,
Ей бы с подлой улыбкой твердил:

«У тебя только плоть — это так убого,
Ах, мое сердце, мое сердце важнее всего,
Ты, конечно, поймешь, что немного
Должна пострадать для него!..»

Луи Ле Кардоннель

(1862—1936)

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

О господи, как Ты хитер, любя,
Ты просишь сдаться нас, и сердце радо,
Но, радуясь, уходит от Тебя.

Ища овец, отбившихся от стада,
И розыскам не ведая конца,
Ты настигаешь нас у двери ада.

Ты любишь богомольные сердца,
Но к грешникам любовь Твоя безмерней,
И отдохнет Заблудшая Овца.

Как в Эммаусе, в тишине вечерней,
Мы страстно припадем к груди Твоей
Челом, увенчанным следами терний.

Сердца усталые вздохнут светлей,
И, не погибшие в ночи без следа,
Мы, свергнув иго смерти и страстей,
Дадим Тебе последнюю победу.

ЭПИЛОГ

Отрывок

И Сена перед ним уныло закачала
Огни, исколотые крикам небеса.
Он чует, как звучат в душе пустой и вялой
Тоски и нищеты глухие голоса.
Он сдастся ль сам, прельщеный искушеньем,
Забыв Того, Кому душа обречена.
Отдастся ль жалким и ничтожным наслажденьям
Левит, возжаждавший не этого вина?
Он станет ли шутом людского балагана,
Спеша на гул толпы, на рампы яркий свет
Молиться красоте — земному истукану,
Искусству, возомнившему, что Бога нет?
Унылый, он бредет по улице пустынной,
И только церкви ночью нравятся ему,
Он просит окон аметисты и рубины
Старинным отблеском на миг рассеять тьму.
И голос, отвечая на признанья эти,
По-старому звуча, в глубокой тишине
Твердит жрецу, еще сокрытому в поэте:
«Тебя отметил Я, и ты придешь ко Мне!..»

КИПАРИСЫ

Осеняя миром и глубокой тенью
Виллы, скрытые застенчивой сиренью,
Виллы, где в садах белеют, как когда-то,
Несколько разбитых и замшенных статуй,
И бросая знак печали и покоя

На поля, на нивы, буйные от зноя,
Возвышаясь, как монахи, над холмами
И беседуя с какими-то тенями,
Сторожа высокие тосканской дали
Со стволами, полными печали,
Одиноки, погребальны и унылы,
Вы струите ночь на важные могилы.

Адольф Ретте

(1863—1930)

A Henry Degron

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

С подругами дама работает в башне,
Веселая прялка стучит и поет,
Поет о сеньорах бесстрашных,
Уехавших в дальний поход.

Веселые прялки смеются над снегом,
Веселые прялки прядут и стучат:
«Сеньоры одержат победу
И скоро вернутся назад!»

О дамы, напрасно, напрасно вы пели,
Глядите, проходят унылые дни.
За днями проходят недели,
Назад не вернутся они!

Уж дама дрожит одинокая в зале,
Подруги ея на кладбище давно,
Ей волосы саван соткали,
И в зале пустынной темно.

Послушай, послушай, как ветер заплакал,
Над башней твоей он опять закричал,

Задул на лету этот факел
И, точно больное дитя, застонал...

О ветер! Он стонет, он гасит огни,
В крестовом походе погибли они!

ХВАЛА ВЕТРУ

Ветра голоса послушай!
Вздохом грозным он склоняет травы ниц,
Вздохом плавным он перегоняет птиц,
Вздохом дряхлым убаюкивает душу,
Вздохом юным гонит прочь печаль
И зовет куда-то вдаль,
Ветра голоса послушай!

В октябре он, пьяный молодым вином,
Обагренный виноградным соком,
С мельницами пляшет на лугу пустом
И хохочет на холму высоком.

В декабре он злобен и отважен,
Дует из замочных скважин,
По его приказу пляшут флюгера,
Ставни щелкают, как кастаньеты; ветер злится,
Чтобы проникнуть в дом, срывает черепицы,
Покрывает реки слоем серебра,
На поля холодные, блестящие и синие
Он наносит снега и густого инея.
А в апреле нежный и весенний,
Он играет ветками сирени.

Под его дыханьем речки еле-еле
Рябью покрываются в апреле.
И когда он тополь на лету зацепит,
Раздается веток тихий лепет.

Он в июле тяжело над нивами ползет,
Пахнет пылью и грозой, собирает облака,
И когда крестьяне едут с полевых работ,
Ветер сушит лошадей вспотевшие бока.

В нем радость, в нем жизнь, в нем движенье,
От ветра становится чище
Тяжелое тленье
Кладбища.

Франсис Вьеле-Гриффен

(1863—1937)

* * *

Нежные вечера завяли, как цветы осенние...
Что мы скажем иве, лодке, рощам юным?
Душа моя полна тишины и забвенья.
Что мы скажем дюнам?

Ветер набегает шаловливый,
Ячуя на щеке его свежий поцелуй.
Ночь утешает и шепчет, как мать, стыдливо:
«Милый, спи, не тоскуй!»
Что мы скажем ивам?

Вы были моим королем,
И давно ли?
Мы смеялись, не зная о том,
Что играем старые роли?

Знала ли я, знали ли вы об этом?
Не зная печали,
С нашим нежным и лживым смехом
Что мы знали?

Вы, наверно, о старой поэме,
А я о сказке доброго счастья:
— Ты любишь? — Люблю. — Я тоже...

О боже,
Неужели мы стали стариками
И ныне в нашей власти
Смеяться над всеми,
Даже над своими снами?

Что мы скажем дюнам,
Иве, лодке и рощам юным?
Тихо выходит луна, и мы знаем оба,
Что сейчас сердце умрет, без жалоб, без злобы...

* * *

Сказочный вечер был с нами,
Лучшего из твоих годов
Вечер нежных благоуханий,
Встающих с лиловых лугов.

Ты сказала, эхо моей души,
Под шелков печальный лепет,
Мерно звучавший в тиши:
«Отчего так грустна наша радость,
Какой траур лежит на свете
И делает грустной каждую радость?»

И я тебе ответил
В этот вечер ласковый и смутный:
«Ты слышишь запах лета, он тяжел и светел,
И в нем минута за минутой
Осипается лучший из твоих годов,
Траур любви лежит на свете,
Траур пробивших вдали часов».

ОСЕНЬ

Подлая, как дождь или холод,
Как ветер, жестокая и глухая,
Лживая, как небосвод тяжелый,
Осень плачет, блуждая.
Я слышу — ее посох в окно стучит.
Гляди! Она здесь стоит.

Открой дверь! Пристыди ее!
Она за собой плащ унылый тащит.
Ее ноги в грязи и в горечи!
Кидай камнями в нее!
Не бойся, когда она плачет,
Не верь ей — она притворщица.

Я знаю, она приходит с нежным взглядом,
С свежими улыбками, с темным виноградом.
Шепчет милые слова
О теплом летнем воздухе,
О ветре, что листья колышет едва-едва,
И о желанном отдыхе

Я ее знаю давно,
Она как-то ужинала с нами,
Пила молодое вино
И осталась в хлеву на ночь.
Она спала с коровой и кобылой.
Ты ей, хитрой, не верь —
На утро изморозь рошу покрыла,
Закрой дверь!

Пусть она идет дальше своим путем,
Пусть она клянчит под чужим окном,
Пусть ее пустят в чужой дом!

С волосами, в которых треплются листья завялые,
С взглядом нежным и пустым,
С голосом хитрым и жалобным
Пусть идет к другим!
Ты растопи камин; придвинувшись к нему,
Я буду ждать суровую и честную зиму.

* * *

На заре солнце под лучами колкими
Истекает кровью в серую амфору облака.
Скажи мне, сон его теплый и бражный —
Утолит ли он нашу жажду?

На закате солнце сыплет золото.
Скажи мне, поздно вечером
Соберем ли мы его руками тяжелыми,
Чтоб украсить деву беспечную?

Весна изумруды разбросала сегодня,
Отыщу ли я камни будущим маем,
И всегда ли зима приходит,
Темная, злая?

Анри де Ренье

(1864—1936)

ОСЕНЬ

Люблю тебя, осень, твой пышный венец.
И золото листьев, и их багрянец —
Апрель развернул их в сияющий день,
И август под ними искал себе тень,
В осенние полдни, ноябрь, это ты
То медью, то золотом кроешь листы.
Идешь ты по комьям изрытой земли,
И шаг твой стихает то здесь, то вдали.
Средь скучных туманов, тревог и забот
В тебе неостывшее лето живет.
Под дымкой осенней твоей тишины
Я чую уснувшее сердце весны.

ОДА

Часы жизни поют и проходят
Одинокие или парами,
Часы радости или горя,
Юные или старые.
Их руки сплетаются
В вереницу дней.

Иногда один из них, улыбаясь или рыдая,
К губам подносит
Цветок экстаза или цветок каприза,
Который вянет после.
И все они поют и проходят...

Это часы жизни.
Часы прошлого думают о чем-то,
Всеми брошенные,
На них платья из тяжелого шелка,
Они сидят в тени,
Они держат тусклое зеркало,
И глядят в него подолгу,
И не могут себя найти.
Иногда они говорят, и тогда их слова
Шуршат глухо, как мертвая листва.
У них ключи, которыми не открыть ни одной двери,
Ни один из них больше ни во что не верит.
Холодно им и страшно,
И самый старый дрожащей губой
Пьет из треснувшей чаши,
Тонкой и светлой,
Воду слез и пепла.

Часы любви прекрасны и молоды,
Вот они.
Поглядите!
Что им солнце над рекой или блеск холода,
Звездное небо или дождь сердитый,
Розы прошлого или шипов уколы,
Что им зеркало, ключ от двери, или вечер в тени,
Или платье из шелка тяжелого?

Вот они!
Вот они дремлют лежа,
Неподвижные, слепые, покорные,
Но Любовь стоит над их ложем.
Иногда раздаются легкие шорохи
Ее таинственных крыльев.
Обнаженная, она поет над ними,
И они слушают,
Как Любовь говорит с их слепыми душами.

ЖЕЛТАЯ ЛУНА

Унылый день закончился луною желтой,
Которая встает меж тонких тополей.
И в воздухе струится аромат тяжелый
Пруда, уснувшего меж мокрых камышей.

Когда под солнцем раскаленным, горько плача,
Мы в топкой глине замедляли слабый шаг,
Когда вы оставляли на песке горячем
Своих израненных ступней кровавый знак,

Когда огонь любви пылал, жесток и светел,
И после, в блеске погасавшего огня,
Не знали мы, что сердцу будет сладок пепел,
Что на закате нашего большого дня

К нам донесется запах сладкий и тяжелый
Пруда, уснувшего меж мокрых камышей.
Что долгий день окончится луною желтой,
Которая растет меж тонких тополей.

ГОЛОС

Я не хочу, чтоб кто-нибудь приник к моей печали.
Уйди, сегодня мне не надо никого.
И ни шагов, которые б знакомо зазвучали,
Ни взгляда, дорогого взгляда твоего.

Оставь меня, и дверь мою плотней прикрой сегодня,
И ветру свежему не открывай окна.
Сегодня как-то все скучней и безысходней
Душа, которая уныла и темна.

Моя печаль ко мне издалека проникнуть хочет,
Ее не знаю я. Но к каждому из нас,
Кто весело поет, кто плачет иль хохочет,
Она приходит тихо в свой урочный час.

Тогда встает в душе так много жалоб и сомнений
И что-то плачет, а она издалека
Твердит — и голос тот уныл, — что жизни цвет весенний
Дает плоды, в которых пепел и тоска.

Поль Фор

(1872—1960)

МОЯ РАДОСТЬ В ТРАВУ УПАЛА...

Моя радость в траву упала, добрые люди, подойдите,
принесите светильник алый, ее найти помогите.

Моя милая уехала с всадником белым, они скакали
прочь от меня, я метко направил стрелы, и милая упа-
ла с коня. Когда же стемнело, уехал куда-то всадник
белый...

Принесите светильник алый, добрые люди, подойди-
те — моя радость в траву упала, ее найти помогите.

«Не в нее бы метить надо верной стрелой, ты б нашел
живой свою радость, и она бы помирилась с тобой». —
Увы! я в него не посмел метить верной стрелой — он
был слишком высок и бел с своей золотою косой.

Моя радость в траву упала, добрые люди, подойдите,
принесите светильник алый, ее найти помогите.

«Если белый всадник исчез, поставь на могиле крест!
Ты можешь искать целый век, ты найдешь землю, и
весной траву, и зимой снег и кресты, и кресты на моги-
лах. Ты можешь искать целый век, но тебе не найти
твоей милой!»

Принесите светильник алый, добрые люди, подойди-
те — моя радость в траву упала, ее найти помогите.

МОЙ ПОРТРЕТ

Мои глаза — как два черных бриллианта, их блеск волнует и жжет. На мне черная шляпа Рембрандта, черен мой редингот.

Лживая улыбка, взгляд наивный и неуверенный (о природа, ты и это позволила!), и я как будто жую дерево, когда говорю с моим братом невольным.

Перед Сен-Жермен Д'Оксерруа я гляжу на Лувр в часы заката, моя тень дрожит тогда меж теней готических статуй.

Я хотел бы быть королем, каким-нибудь Людовиком XIII, но поэт в сердце моем хочет всему улыбаться.

О Господь! Он дал сердце мне, у меня сердце как у всех — и Он, Всесильный, тешится, бросая пламя в снег.

Я заставлю дрожать все лиры, я верую в жизнь и в любовь, в моих думах сливаются золото и кровь с белыми розами и с Шекспиром.

Шарль Герен

(1873—1907)

* * *

Печаль — вино, но терпкий вкус его томит и ранит.
Душа, которая была сильна,
Его изведав, слишком хрупкой станет
И не захочет сладкого вина.

Моя душа — она познала яд печали слишком рано,
И ныне только от него
Еще дрожат, как незалеченные раны,
Останки сердца моего.

* * *

Старуха та похожа на столбы дорог,
Согбенная средь белой, теплой пыли.
Гроши прохожих пляшут у застывших ног,
И четки на морщинистых руках застыли.

Ее глаза подобны трепету лампад
Над серым камнем брошенной давно гробницы,
И губы мертвые испуганно дрожат,
Как будто шорох мертвых листьев в них таится.

Я иногда усталый на закате дня,
Свой шаг пред городом немного замедляя,
На перекресток прихожу, где ждет меня
Под тоненьким крестом она, слепая.

Я думаю — вот зеркало моей души,
И ей, старухе, тихо говорю: «Послушай,
Прими ты и мои несчастные гроши
И помяни, молясь, мою слепую душу!»

Сен-Жорж де Буалье

(1876—1947)

БРОДЯГА-ГОРЕ

На дороге, опоясанной рядами скал,
Я Бродягу-Горе увидал.
Он, унылый, захотел войти в мой тихий дом,
Знаки делал мне сухим листом.
Но, покоен, я смеялся в горнице моей
Над игрой его сухих костей.
А тогда он крикнул мне, и голосом таким,
Что я пал покорно перед ним.
Он вошел ко мне, и, робко подойдя к нему,
Взял я посох и его суму.
Я хотел бежать тогда, но приподнять не мог
Злую тяжесть ослабевших ног.
Я почуял, что теперь нельзя уйти назад,
Что органы дальние гремят.
Он мне руку подал, и я сам себе сказал:
«Твой последний, смертный час настал».
Колокол рыдал вдали, и серый херувим
Пролетал над вереском сухим.
Но уныл и бледен, точно призрачная ночь,
Страшный гость ушел куда-то прочь.
И остался я один, а вдалеке, играя и горя,
Жемчугами капала заря.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Солнце умирает, точно огненный циклон,
Точно желтых труб широкий и протяжный стон.
Поезд с грустным свистом пробежал куда-то мимо
И обвеял наши души легкой тенью дыма.
За собой влача благоуханье жарких стран,
Солнце медленно уходит, и встает туман.
В кабаке хрипит шарманка, этот голос кроткий —
Голос вечной нищеты, нужды и горькой водки.
Люди тянутся домой, болтают у дверей.
Раздается чей-то смех, но неизвестно чей.
И за миром красных стекол тихо и устало
Тени, неуверенно скользя, проносят в залы
Лампочки, похожие на алый цвет гвоздик.
Все сливаются и тонет в этот беглый миг.
Странное слиянье смерти и забот о жизни...
Очертанья дальние дрожат еще капризней.
Вдалеке маячит на пригорке часовoy.
И я думаю один о радости былой...
Я гляжу сквозь свод листвы, засохшей и унылой,
На последний слабый отблеск пышного светила,
Если б, как оно, уйти легко и просто прочь
И не знать тоски, что дико гонит в мглу и в ночь.

Андре Спир

(1868—1966)

* * *

Что делать в этом мире?
Я иду, все глухо и тревожно,
Я кричу, но уши внимавших мне
Еще трусливей, еще грубей, еще презреннее,
Чем руки нищих, от которых я убегаю.

О Музей, о тихое чудовище,
Открой твое молчание, твой сумрак
Моим безнадежным шагам.
И вы, картины, статуи, геммы,
Дайте мир моей душе,
Вы счастливые,
Никому не причиняющие зла.

«Дитя, дитя,— они отвечают,—
Смотри лучше, подойди ближе.
Вот наша правда:
Полотно, доски, винты,
Масло и пыль,
Старое железо и камни,
Неподвижные, серые, мертвые...»

НЕПОСТОЯНСТВО

Земля легкая, рыхлая и свежая,
Я видел тебя,
Когда ехал из моей страны соли и железа,
Где река отравлена селитрой,
Сжата камнями, грязная и жалкая,
Меж серых пыльных ив.

Я видел твои тополя и вязы,
Я плыл по твоей реке,
На ее берегах я варил свой суп бродяги,
Я спал на лесистых островах.
Теперь я думаю только о тебе, Земля,
И ты меня тянешь к себе.

Довольно блужданий! Я остаюсь здесь,
Я хочу понять твои поместья,
Очертанья лесов
И скрытую гордость твоих темных вод;
Я не хочу больше, как прохожий,
Облокотившись, любоваться минуту и дальше идти.
Я хочу быть твоим хозяином и говорить о деревьях,
О плодах и о корнях, о семенах и о травах
И даже о тонкой паутине,
Что блестит под тяжестью утра:
«Это мое!»

Но тысячи голосов раздаются в ответ:
«Погляди на эти пугливые дома, столпившиеся, как стадо,
На согбенные плечи этих покорных людей.
Можешь ли ты мне служить, как они?»

Хочешь ли ты думать о том, как проводить межи,
Ставить изгороди и трамбовать дороги?
Хочешь ли ты, чтоб разделить свои мелкие заботы,
Взять жадную жену, которая будет жить надеждой
Раздвинуть шире крышу твоего дома?
Хочешь ли ты сыновей, мечтающих об урожае соседа,
Слуг, которых ты презираешь и которые тебя ненавидят,
Гостей, приживалок и родных?
Я люблю прикреплять людей,
Но мне страшно упреков твоей бродячей души.
Иди! Блуждай, греби и пой!
Погляди другие поля, другие сады и другие страны,
Уходи скорее от той, что полюбишь,
И блуждай, и блуждай... пока,
Одним вечером ты не умрешь в гостинице,
Не оплаканный даже для виду
Ни хозяйкой, ни доброй служанкой!»

ФРАНЦИИ

О прелестная страна,
Поглотившая столько народов,
Неужели ты хочешь поглотить меня?
Твой язык — он меняет мою душу;
Ты делаешь мои мысли ясными.
Ты слагаешь уста в улыбку.
И твои выхоленные поля,
И оберегаемые леса,
Леса, в которых больше никому не страшно,
И нежность твоих очертаний,
И плавные реки, и дома, и виноградники...

Я уже почти твой!..
Полюблю ли я скоро твои словесные бои,
Безделушки и ленты,
Кафе и маленькие театры,
Изысканные салоны?
Стану ли я размеренным, как твои огороды?
Томным и расслабленным,
Как стриженые дубы твоих изгородей?
Приникну ли я к земле,
Как твои послушные яблони?
Начну ли я слагать рифмованные стишкы
Для милых дам, покрытых кружевами?

Вежливость, ты и меня хочешь сделать пресным!
Шутка, ты хочешь и мою душу сделать удобной!
О скорбь, о гнев, о безумье,
Чем я буду без вас?
Придите, спасите меня
От рассудка этой счастливой страны!

Гийом Аполлинер

(1880—1918)

ОТРЫВОК

Много погибло прекрасных грез
Это над ними плачут ивы
Сладкий Пап любовь и Христос
Умерли Кошки мяучат тоскливо
И я не в силах сдержать своих слез

Я знающий лэ для шателен
И рабов страшные гимны
Для огромных мурен
И злые хвалы для любимой
И романсы для грустных сирен

Я верен как хозяину собака
Как побеги плюща стволам
Как верны запорожские казаки
Набожные в грабеже и в драке
Вере родной и степям

Султан им писал «придите
Склонитесь скорей предо мной
О казаки я ваш повелитель
И мой полумесяц златой
Вы как иго на шее влечите

Станьте моими верными слугами
Покоритесь приказу моему»
Они встретили смехом посланье
И ответили тотчас ему
При огарка тусклом мерцаньи

КРОКУСЫ

Долина осенью красива но страшна и ядовита
И медленно бредя по ней коровы
Вбирают темный и тягучий яд
Долины от цветущих крокусов лиловой
Как этот маленький цветок лилов твой взгляд
И в жизнь мою из глаз твоих струится
Такой же медленный и страшный яд *

Шумя проходят школьники
В передниках играя па гармонике
Срывают крокусы играющие дети
Срывают крокусы похожие по цвету на твои
большие веки
Которые дрожат под ветром злым
Пастух поет тихонько и покинутые им
Ступая медленно бросают навсегда коровы
Долину зло расцвеченнюю осенью лиловой

ОТРЫВОК

Я смело взглянул назад
На трупы моих дней
Они обозначали пройденную мной дорогу
Одни из них сгнили средь флорентийских церквей

Или в лимонных рощах
Которые во всякое время года
Цветут и дают плоды
Другие дни плакали в тавернах умирая
Где дрожали яркими лепестками
Большие зрачки мулатки
И электрические розы еще раскрываются
В садах моих воспоминаний

Шарль Крос

(1842—1888)

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Я вспоминаю девочку, маленькую и хрупкую, —
Это было в Люксембурге, в тихое утро мая,
Я сидел один и курил свою трубку,
Маленькая девочка глядела на меня, играя.

С большого каштана снег слетал.
Маленькая девочка играла послушно,
Ей хотелось, чтобы я что-нибудь сказал,
Она видела, что мне грустно, но не знала причины
И не знала, что ей сказать чужому господину.

Маленькая девочка, вы одна угадали
Тяжесть мою и мои печали,
Но нет, вы их понять не могли,
Идите дальше играть, за вами сестры пришли.

Никто не утешит, и никто не поможет!..
Маленькая девочка, вы это скоро поймете,
Когда в одно утро, такое близкое, вы тоже
Грустить в этот сад придете.

YTPQ

Мелкий, мелкий дождик падает,
И стучит он нежно, каплями слабыми...
Говорили об октябрьском утре отъезда,
Когда город нас снова зовет для занятий.
О холодном утре детства,
Когда бодро встаешь с кровати.
Но это утро, когда дождь будит, стучится
И больше спать не дает,
Когда прошлое читаешь страница за страницей,
Вот оно прошлое, вот!..
В уголке маленькие воспоминанья,
Которые днем и ночью молчат.
И только утром в желтом тумане
Молчать не хотят.
И, просыпаясь, чувствуешь во рту горечь
Не то от вина вчерашнего,
Не то от прошлого, темного и страшного
• • • • • • • • • • • • • • • • • •
Острый, острый дождик падает,
И стучит он тихо каплями слабыми...
Я жду, пока пробьет двенадцать
И надо будет встать с постели
И одеваться,
Чтоб начать этот день тяжелый,
Пустой и бесцельный.

Андре Сальмон

(1881—1969)

СОНАТА

В моей душе семь замков,
Ветер свищет из всех углов.
Нет у меня прекрасной дамы —
Выгнать из замка сов.

В моей душе семь мельниц,
Не вертятся крылья давно,
Нет у меня осла и телеги —
Привезти былое зерно.

В моей душе семь башен
Для пленных врагов моих,
Нет у меня палачей страшных —
Мучить утонченно их.

В моей душе семь часовен,
Один капеллан поет,
Нет у меня огня золотого —
Прожечь каменный свод.

ПОЭТ ПРОГУЛИВАЕТСЯ

Корректный и немного жалкий, он в толпе блуждает
одиноко,
О боже мой, как на других людей похож поэт,
Как все, одет,
И котелок приказчика на голове пророка.
Он дымом трубки небесам кадит,
Как в храме некогда левит.
И на него — по службе — женщины кокетливо глядят,
Он отвечает им послушно
И, выполняя сотни мелких дел легко и равнодушно,
Приходит к Notre Dame, глядит на каменный фасад,
Захлопнувшись за ним, зевает дверь,
И лишь теперь
Он с грустью вспоминает теплую кровать,
Где, одеяло натянув до подбородка,
Он мог бы долго спать,
Пока часы, как рой цикад,
Срезают металлические розы правильно и четко,
И срезанные розы к потолку летят...
Без удивления смотрит он на пыльные витражи —
Он знает, что в его глазах горят порой такие же
миражи.

Любовь к далеким небесам! Иное царство!
Большая чаша сладкого эфира,
Которую он должен выпить залпом, как лекарство,
Исхода нет и нет душе унылой мира!
Самоубийство, но оставим это доброму эстету...
И после пустоты бесцельных дней
Как он тяжел, господень храм, поэту,
Поэту, невзлюбившему земли, прикованному к ней.

АРТИОР РЕМБО

Сводил свои счета и только хмурил бровью.
Потом вернулся ты, чтоб умереть в Марселе,
Запрятав золото за пояс и больной ногой
Влача по знайной и жестокой мостовой.
Но тяжесть золота и раны одолели...
Тебя назвали верным сыном церкви, о бродяга
неустанный,
За то, что ты шептал им, умирая, о Земле Обетованной.

Александр Мерсеро

(1884—1945)

РАСПЯЛИ СОЛНЦЕ

Часы, как капли, падают подряд
В тишине соборов забытых;
Девушки с кадильницами тихо грустят
На серых плитах,
И часы мрачно
Плачут.

Девушки с кадильницами молятся устало,
Молятся, перебирая четки,
Оне расходятся без жалоб
И кротко.

Распяли солнце
Стеклами темными, как монах мрачный,
Как часы черные,
Которые плачут.

Солнце разорвано
Тенями святых,
Длинных, худых.

Солнце распяли,
Я его золото сочится на плиты,
Орган не зазвучит молитвами веселыми.

У него нет прежнего голоса,
Он рыдает псалом забытый,
Протяжный, как часы, которые плачут,
И как монах мрачный.

Девушки думают —
Богу, наверное, очень грустно,
Оттого-то ему нужен этот темный храм.
Эти стекла угрюмые,
Это мрачное пенье,
Чтобы выразить к земным делам
Свое презрение.

Часы, как капли, падают подряд,
В тишине соборов забытых,
И девушки с кадильницами грустят,
Плачут, полные печали,
На серых плитах.

Солнце распяли!..

Николя Бодуань

(1881—1960)

* * *

Простые вещи кругом меня
Первого теплого дня.
В стакане стеблями перепутаны
Лесные фиалки и лютики
И дремлют на пузатом комоде
Рядом с деревянным Христом,
Который сегодня
Еще печальней глядит кругом.

Двенадцать бьет, и кружат голуби белые.
Меня зовут к обеду, стол накрыт.
Блистаает он тарелками.
Блюдо дымит.

Собака дергает цепочку,
Напоминая, что она здесь
И что она хочет есть.
Я наливаю супу в миску.
Служанка входит с улицы и несет за собой
Запах весны, пряный, густой.

Тихо кругом.
И солнце сквозь тонкие ветки каштана
Скользит по окну и потом
Христа раскрытые раны
Целует тонким лучом.

Шарль Вильдрак

(Род. в 1882 году)

СОБУТЫЛЬНИКИ

Они сели за один столик, чтобы выпить,
Они облокотились на него локтями,
Они ласково глядят друг на друга
И пьют вместе,
Пьют и рассказывают друг другу
Милые, забавные вещи.

Они в эту минуту довольны всем,
Им кажется, что они друг друга любят,
А между тем...

А между тем
Они завтра встретятся у одной двери
И будут стоять оба,
Не желая уступить,
Будут глядеть злобно
С морщиной страшной на лбу.

Как собаки, которые хрипло лают и дерутся
Из-за какой-нибудь кости,
Они сойдутся завтра или сегодня вечером,
Забывши о прошлой встрече.

Да, это верно, в это всем знакомо,
Но не надо так говорить.
Надо сказать по-иному—
Эти два человека улыбаются,
Но они могут поссориться без повода,
Они могут найти тысячи поводов,
Которые позволят им поссориться.
И этих поводов много, они ждут,
Какой из них выберут, какой возьмут.

Но нет,
В глубине их дряхлых сердец
Скрыта тайная жажда близости,
И когда жизнь — Мегера —
На минуту уходит из их дряхлых сердец,
Они глядят друг на друга с детской верой,
За одним столиком пьют вместе
И рассказывают друг другу
Милые, забавные вещи.

ПОСЛЕ ПОЛНОЧИ

Смерть их в кроватях находит;
Они умирают перед рассветом,
Когда полночь проходит,
И никто не думает об этом.

Женщины и мужчины,
Вы умрете на рассвете,
Я вижу беспокойные толпы ваших рук
бессильных,
Из которых кровь уходит навеки.

Белые, измученные, вы боретесь долго,
В этот смутный час...
Заря вас заставит замолкнуть,
Глядите, я слушаю вас.

Сколько вас умирает сегодня?
Как люди могут спать спокойно
Средь ваших стонов?
Вот стук раздался в доме.
Я не один вас слушаю.
Кто-то прошел по соседней комнате,
Кто-то встал, чтоб следить за вашими
бедными душами,

Но нет! Доносится сквозь стену
Маленькая песенка... Если кто-нибудь
по комнате ходит —
Это чтоб укачать младенца,
Который родился сегодня.

ОДНА ПЕСНЯ

Ломовик домой едет,
Под тяжелый стук своей телеги.

В ста верстах от него помещик богатый
Бродит одиноко по парку.

И я знаю в городе лавочника,
Который дремлет в своей грустной лавочке.

Сейчас, пользуясь тем, что они одни,
Что стемнело, что еще не зажглись огни,

Они плачут, и каждый из них думает
О своем ребенке, который недавно умер.

На освещенной ярко улице,
Встречая прохожих,
Ломовик прячет свое лицо
Под широкую шляпу.
Помещик, избегая лужаек,
Где еще светло,
Ищет самых темных аллей.
И лавочник все еще медлит
Осветить окна лавочки и свои глаза.

* * *

Если бы сейчас пришли сюда эти три человека,
Никогда не носившие похожей одежды,
Никогда не сидевшие за похожим столом,
Не знавшие ни похожих жилищ,
Ни похожих женщин.

Если б они пришли сюда
И сели б на эту скамейку позади тебя,
И ты бы им спела
Одну песенку, ты знаешь какую, о простом человеке,
Который идет по колено в воде, через речку,
Идет, не зная дороги,
Слабый, убогий,
Но который баюкает, ступая,

Свою маленькую девочку,
И та засыпает,
Грубым плащем согретая.
Если б ты пела так, не поворачиваясь,
Стыдясь своих глаз, стыдясь своего голоса,
Ты б услыхала, быть может,
Один стон, протяжный, тяжелый...

Фернан Дивуар

(1883—?)

ОТРЫВОК

Я понял — одиночества и гнета
Вечерних снов не одолеть,
И это час покоя и работы,
Когда томит разуверений сеть
И тщетно жаждешь их окинуть, одолеть;
На небо вечная луна выходит,
Мечтатель, он, по ней вздыхая, бродит,
И лунный свет течет на плечи крыш.

Ты, вечер, узнаю тебя, ты смотришь
и молчишь,
Один я под луной враждебной,
А город тянет эликсир целебный
И засыпает, исцеленный тишиной,
Бормочет вдалеке, и чей-то свет в окошке,
моему подобный,
Еще, беседуя таинственно с луной,
С луной насмешливой и злобной
Трепещет темный и больной,
Неясный остров, средь пучин людских клочки
истертой суши,
Изгнанью преданные, одиночеством насыщенные
души.

Тебя я вижу, брат далекий и знакомый,
Ты видишь этот свет, дарованный ночами мне,
Как вижу я недремлющий огонь в твоем окне,
Работай ты, и города тупая дрема
Под нашими ногами не сомкнет твоих
неутомимых глаз.

И я, как ты, при лампе за столом
Работаю — короткий благосклонный час
Вас одарил невидимым ключом.

Тристан Дерем

(1889—1941)

* * *

Воспоминанья вечером дрожат, как мошки.
Ты помнишь девочку в забавной красной кофте,
Которая одна на маленьком лугу
Пасла стада свиней, больших и черных,
И пела — песни я припомнить не могу, —
По знаю, слушая ее, мы думали покорно,
Что свиньи прошлого, унылы и темны,
Сейчас свирепо пожирают наши сны.

* * *

Моя надежда ясная,
Как жук, упала на спину.

Ты показалась вдалеке
С забавным зонтиком в руке;

Ты жука коснулась кончиком
Тоненького зонтика.

Зажужжав внезапно, жук
Тихо закружил вокруг.

Моя надежда ясная,
Как жук, упала на спину.

* * *

Ветер, две ивы качая,
Тихонько баюкает нас;
Хотя ты молчишь — я знаю,
Что это в последний раз.

Стемнело. Луна над домом,
Листья шуршат па крыльце,
Все кругом так знакомо
И звезда, как точка в конце.

Ты смеешься горько и тихо,
Я страшного слова жду,
И в сердце темные липы
Пахнут, как в старом саду.

Альбер-Жан

(Род. в 1892 году)

НА ПЛАТФОРМЕ

Я устал, не свершив дороги...
Моя душа застыла, замлели ноги,
Как у путешественника после ночи в вагоне,
Но я не слышал, как поезд в поле стонет,
Но я не видел за окнами,
За серыми потными стеклами,
Ни деревень, летящих мимо,
Ни скользящего дыма
Несущегося локомотива,
Что прорезывает с грохотом
Поля и нивы,
Где синеют ласковые крокусы.

Я не знал радости приехать вечером
На новое место,
В город большой и неизвестный,
Исколотый огнями желтыми
И перерезанный широкой рекой,
Что качает отраженья
Своими тихими волнами.
Я не говорил себе с надеждой и с тоской:
«Что за стенами черными?
Как я буду жить здесь, в этом странном городе?»

Я не знал внезапного пробужденья
Где-то на юге, где рассвет весенний
Заливает отблеском алым
Большие белые стены вокзала.

Я этого не испытал,
А между тем я так устал,
Как будто я это все испытал.

Я сижу на скамье и гляжу
На тех, что приезжают и уезжают, не зная
отдыха;
И свистит поезд мрачный,
Виснут рыданья в сером воздухе.
Я остаюсь, я сижу
С теми, что плачут.

Ах, дайте мне силы сесть на этот поезд
черный,
И я оставлю на платформе
Отчаянье, и слабость, и жалобы эти
Моей души усталой;
Я оставлю их на скамейке,
Как забытый чемодан.
Только б уехать далеко от этого дымного
вокзала,
От жизни бедной
К солнцу иных стран.

Да, я хочу быть усталым, но после — когда
я приеду!..

Жан Дорсенюс

(1892—?)

ОКТЯБРЬ

Грязный туман деревья лижет,
Сирены кричат безысходней,
Осени лицо склоняется ниже,
И октябрь приходит.

Дождик течет по мутной раме,
Школьники грустят над белыми листами.
Октябрь, октябрь,
Ты убил солнечные каникулы,
А на школьном дворе ветер жадный
Играет листьями сухими, забытыми.

Октябрь туманный,
Пора тоски и всего тяжелого,
Жалоб шарманки
С охрипшим голосом.

Октябрь, о грустный месяц
Простуды, похоронных процессий,
Октябрь, ты жестче и грубее сентября,
И у тебя нет уюта декабря,
Его вечеров у камина.

Октябрь, дождливый, сырой и длинный,
Я люблю тебя за то, что под твоим знаком
Молодые девушки начинают грезить грустней
О далеких озерах, о печали заката
И о белых стаях новых лебедей;
И за то, что на их красные щеки ложатся
осенние тени
И лица бледнеют и тают под скукой твоих
воскресений.

Франсис Жамм

(1868—1938)

ИЗ КНИГИ «ОТ УТРЕННЕГО БЛАГОВЕСТА
ДО ВЕЧЕРНИ»

ПОЛЕЗНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В марте (знак Овна) начинают сеять
Каротель, капусту и пахучий клевер.
Боронить кончают и в садах навозом
Удобряют землю, подстригают лозы.
Для животных зимний корм окончен, в селах
Матери прилежно лижут пухлых телок.
День на час и пятьдесят минут длиннее,
И, когда по вечерам едва темнеет,
Козы пастихи, отставши на опушке,
Надувая щеки, что-то трубят в дудки,
И овчарка, стадо коз оберегая,
Машет поднятым хвостом и громко лает.

В марте вербное выходит воскресенье.
В детстве мне давали в этот день печенье.
Я к вечерне шел послушный, молчаливый...
Перед службой мать мне говорила:
«У меня на родине цветут оливы...
Под оливами Христос тогда молился...

И за Ним пришла толпа. В Иерусалиме
Люди, плача, повторяли Божье имя,
И Его осленок семенил ногами
По дороге, густо устланной ветвями.
Злые нищие кричали от восторга,
Потому что веровали в Бога,
Женщины дурные делались другими,
Оттого лишь, что Он ехал перед ними...
И Его за солнце люди принимали...
Он умерших воскрешал... Его распяли...»
Тихо плачу я, сжимая зубы,
Вспоминая о вечерней службе,
Как держал кадильницу я в сельском храме
В крестном ходе меж хоругвями, крестами,
И как тихо слушал я кюре седого,
Говорившего нам о страстях Христовых.

Будет хорошо тебе с подругой в марте,
На лугу, где вы найдете темные фиалки,
Вы в тени увидите барвинок, раньше
Цвет его любил Руссо, и одуванчик...
Курослепы, лютики, густые кашки,
Золотые или белые ромашки.
Анемон, жонкильи, снежные нарциссы
Вас заставят думать о швейцарских высях!
Плющ, полезный для страдавших астмой...

Если у подруги тонкие колени,
Для твоей любви прекрасен свет весенний.
Плечи нежные покажутся светлее,
С головы до ног ее простое тело
Будет как ручей, разлитый в бедрах, белый.

От любви уставши, можно на охоте
Несколько бекасов подстрелить в болоте.
Друг, от городской работы утомленный,
Я зову тебя в приют мой скромный.
Мы не будем спорить об искусстве, жизни,
Но, взглянув в окно на черный сад, на горы,
И на стадо коз, идущих мимо,
Ты прочтешь хорошие стихи, в которых
Мне расскажешь о своей любимой.

* * *

Он мирно на куске своей земли живет,
Стрижет кусты и собирает мед.
И в винограднике имеет уголок,
Чтобы из бочек пробовать бродящий сок.
А заяц ест его салат, забравшись в сад,
Где в дождь отяжелевшие кусты стоят.
Крестьянин с гербовым листом идет к нему,
Чтоб разузнать, как деньги получить ему.
Ружье он чистит и с служанкой спит.
Так жизнь его проходит, он доволен, сыт,
Когда-то право он учил... С эпохи той
Портрет остался, напомаженный, худой,
В дни романнической дуэли из-за дам
С газетою в руке он прямо смотрит там.
Как старики его страдали, наконец
Одно письмо от женщины нашел отец.
Однажды вечером вернулся он домой
С большой копной волос, усталый и худой.
Поплакав, он похоронил отца и мать,
Которых трогательно любит вспоминать.

Он одинок и, как болтают все,
Оставит дом свой Дюмерассам иль Кассе;
Так проживает он один вблизи дубов,
Проводит в кухне ряд осенних вечеров,
Где спит собака у его горячих ног,
А мухи пачкают беленый потолок.
А иногда, проснувшись утром, снова он
Пред свыкшейся служанкой пробует тромбон.
Так день за днем, к чему не зная, он живет,
Однажды родился он, однажды и умрет.

* * *

Кто-то тащит на убой телят,
И они на улице мычат.

Пробуют, веревку теребя,
На стене лизать струю дождя.

Боже праведный, скажи сейчас,
Что прощенье будет и для нас,

Что когда-нибудь у райских врат
Мы не станем убивать телят,

А напротив, изменившись там,
Мы цветы привесим к их рогам.

Боже, сделай, чтоб они, дрожа,
Меньше б чуяли удар ножа.

* * *

Есть здесь старинный дом, пустой
и мрачный,
Как это сердце пасмурными днями,
В нем маки под дождем, клоняясь
и плача,
Двор мокрый осыпают лепестками.
Когда-то были отперты ворота,
Камин топился, заливая светом
Экран зеленый, на котором кто-то
Изобразить хотел «Зиму и Лето».
Докладывали о приезде Парсивалей,
Приехавших из города с поклоном,
Вдруг становилось шумно в тихой зале,
И взрослые встречались церемонно.
А в это время маленькие дети
Играли в прятки или в зале длинной
Разглядывали старые портреты
И ракушки смешные на камине.
А старики вздыхали над портретом,
Какого-то из внуков вспоминая,
Что умер он в колледже ранним летом:
«Как форма шла ему», — и мать родная
Рассказывала, как он был привязан
К родителям, боясь им сделать больно,
И бедного ребенка вспомнив сразу,
Она в платочек плакала невольно.
Теперь и мать забыта, пусто, мрачно,
Как в этом сердце пасмурными днями,
Как за воротами, где маки, плача,
Двор мокрый осыпают лепестками.

* * *

Вот кто славным трудится трудом!
Тот, кто наливает молоко в кувшин,
Тот, кто стережет коров среди долин,
Тот, кто жнет усатый и прямой овес,
Тот, кто рубит тонкий ствол берез,
Тот, кто чинит старый, порванный башмак
Пред семьей счастливой и паршивым пском,
Мирно задремавшим пред огнем,
Тот, кто ткет, чай ночью низкий стук
Раздается, точно крик сверчка вокруг,
Тот, кто выжимает виноградный сок,
Тот, кто сеет в огороде лук, чеснок,
Тот, кто собирает яйца кур...

* * *

Это было вечером, оттенок гор
Был как сделанный монахами ликер.
И я чувствовал, душа моя идет
К воздуху прозрачному, к снегам высот,
К быстрым козам, к горцам, к мирным пастухам,
К грязным овцам, к лающим на стадо псам.
К звуку буксового крепкого рожка,
Что вырезывала грубая рука,
К сиплым колокольчикам бродячих стад,
К домику священника, к толпе ребят,
Что за рекрутами следуют хвостом,
К водам, к белой рыбке с красным плавником,
К храму сельскому с фонтаном перед ним,
Где я был ребенком грустным и простым...

* * *

Артуру Жассерио

В экипаже ехал я в деревню эту,
Услыхав, что в ней когда-то жили предки.
Над полями, где мы тихо проезжали,
Грустно голуби тяжелые летали.
Старая, давно уставшая кобыла
Пыльный экипаж едва-едва тащила,
И я думал о наивных предках,
Из деревни выезжавших редко,
В воскресенье в накрахмаленных рубашках
Шедших в церковь бедную меж пашней.
Ехал я, чтоб поглядеть на их могилы,
Скрытые, наверное, густой крапивой.
Я приехал, снял с моих колен собаку,
Не хотевшую с коляской расставаться.
Башня старая стояла, как когда-то,
На часах я увидал двенадцать.
Я расспрашивал, но люди, отвечая,
Удивлялись: «Это имя... мы не знаем...
От одной старушки вы б узнать сумели,
Но старуха умерла на той неделе».
Я отправился к нотариусу, который
Вместо прадеда имел в селе контору,
Пробовал расспрашивать кюре седого,
Тоже не сумевшего сказать ни слова.
На меня глядели домики, в которых
Не живет никто, и ветхие заборы,
Двери с пылью старой, навсегда нависшей,
Точно двери тихих склепов на кладбищах.

Я прошел задумавшись, не замечая
Новых флагов на торжественной мэрии,
Разных глупостей и новостей в
селеньи,
Надписи «республика» и объявлений.
Наконец я подошел к большим воротам;
В доме за обвитой розами решеткой,
Жило старое и доброе семейство.
Старый господин и дама вышли вместе;
Очень милая и сгорбленная дама
Мне ответила: «Ах, вы один из Жаммов,
Да, они когда-то жили в этом месте,
Сын нотариуса уехал в путешествие,
Мы разрушенным и сгнившим дом купили,
Старый дом, в котором ваши предки

жили», —

И, доставши ржавый ключ из кухни,
Повели они меня к большой и прочной
Заржавелой двери с ржавым молоточком;
Окна грустные навек закрыты были
Смертью, временем и многолетней пылью.
Я пошел по лестницам червивым, сгнившим
В комнаты забытые, где жили мыши,
С штукатуркой обветшалой и с сырыми,
Низкими перегородками меж ними.
Двери в старых комнатах носили траур,
Почерневшие, как будто от пожара.
Мне показывали комнаты, в которых
Жили умершие, «здесь была контора».

Я, простившись с милою семьею,
Сел в коляску, посеревшую от зноя,

Чтоб успеть добраться в городок далекий.
И мы ехали на солнечном припеке.
Лошадь бедная печально побежала,
И собака маленькая задремала,
Грустно голуби тяжелые летали
Над полями, где мы тихо проезжали.

* * *

Собака в снег пугается идти, и ей
Ребята со двора кричат: «Пошла скорей...»
На снежной улице не слышно никого.
Молочница, идя, трясется для того,
Чтоб не упасть. А дома в низком камельке
Огонь трещит, свистит и пахнет на руке...

* * *

Я читал романы, сборники стихов,
Писанные умными людьми в Париже.
Ах, они не жили у моих ручьев,
Где бекас, купаясь, шелестит и брызжет.
Пусть они приедут поглядеть дроздов,
На пруду опавшие сухие листья,
Маленькие двери брошенных домов,
Ласковых крестьян и уток серебристых
И тогда, с улыбкой трубку закурив,
От тоски своей излечатся, наверно,
Слушая глухой пронзительный призыв
Ястреба, повисшего над ближней фермой.

* * *

Вьеле-Гриффену

Вот уж с дождями осень подошла,
И милые кричат перепела,
И пигалицы, путаясь, снуют,
И в небе точно кружево плетут.
А утки, образуя полукруг,
Летят и в небе исчезают вдруг.
И треугольником летят вдали,
Покривая ржаво, журавли.
Вьеле-Гриффен, так говорит поэт,
А все же для души покоя нет.
И есть Базиль, он режет порослят,
И под ножом они пронзительно визжат.
Но есть еще любимая — она
Грустна, как день дождливый, и нежна,
Ступая ласково, она идет меж роз.
Есть также в огороде дряхлый пес,
Он на траве лежит и кротко ждет
Загадку-смерть, которой не поймет.

Все светлое и грустное кругом
Мы, люди, странным словом «жизнь» зовем.

* * *

Ты с грязным стадом и с лохматым псом,
С одеждой, пропахшей творогом,
Идешь на горы мимо дымных сел,
С тобой идет навьюченный осел.

Минуя кузницы, ты наконец
Достигнешь пастбищ, где стада овец
Рассыпятся, как белые кусты.
Там в небе ястреба увидишь ты...
И там над всем ты сможешь увидать
Сияющую божью благодать.

ИЗ КНИГИ «ТРАУР ВЕСЕНЬ» ЭЛЕГИЯ

Исцелюсь ли навек
От печали, что в сердце таится?

Друг мой, может ли снег
От своей белизны исцелиться?

О Мамора моя,
Что ответишь ты доброму богу?

Я скажу, что земля
Перед небом темна и убога.

О Мамора, каков
Будет радостный рай, расскажи мне?

Много арф и цветов
И в лазури небесные гимны.

А еще, что еще
Я увижу средь райского хора?

Будет сердце твое,
Будут наша любовь и Мамора.

МОЛИТВА, ЧТОБ РЕБЕНОК НЕ УМЕР

Боже, сбереги ты маленькую детскую,
Как от ветра нежно бережешь ты ветку.
Сохранить ребенка для Тебя что значит,
Если мать измученная горько плачет,
Господи, не Ты кладешь рукой жестокой
Голубую смерть на розовые щеки,
Если Ты оставил жить ее, то в храме
Твой алтарь она украсит васильками.
Боже, сбереги ты маленькую детскую,
Как от ветра нежно бережешь ты ветку.

МОЛИТВА, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ЗВЕЗДУ

Боже, дай мне одну золотую звезду,
Может, в ней для души я спасенье найду.
Если ты не захочешь отдать ее мне,
Без обиды, без жалобы все янесу.
Если гибель в звезде — подари ее мне,
Как дают бедняку золоченое су.
Я плетусь, как осел... Вспоминаешь ли ты,
Как ребенком я клал остролистов кусты
Перед яслями в храме, где мать моя
встарь
Убирала розетками нищий алтарь?
Если в этой звезде я спасенье найду,
Подари мне одну золотую звезду,
Потому что мне надо сегодня ее
Положить на замерзшее сердце мое.

МОЛИТВА, ЧТОБ ВОЙТИ В РАЙ С ОСЛАМИ

Когда ты, Господи, прикажешь мне идти,
Позволь мне выбрать самому пути;
Я выйду вечером в воскресный день
Дорогой пыльной, мимо деревень,
И, встретивши ослов, скажу: «Я Жамм,
И в рай иду. — И я скажу о слам: —
Пойдемте вместе, нежные друзья,
Что, длинными ушами шевеля,
Отмахивались от ударов мух,
Назойливо кружившихся вокруг».

Позволь к Тебе прийти среди ослов —
Средь тех, что возят фуры паяцев,
Средь тех, что тащат на спине тюки
Иль в маленьких повозочках горшки.
Среди ослиц, что ноги ставят так,
Что трогает вас их разбитый шаг,
Что, пчелами ужалены, должны
На ножках раненых носить штаны.
Позволь прийти мне с ними в райский сад,
Где над ручьями яблони дрожат,
И сделай, Господи, чтоб я в него вошел,
Как много поработавший осел,
Который бедность кроткую несет
К прозрачной чистоте небесных вод.

Из книги „Торжество жизни“

ЖАН НУАРРЬО

Отрывок из поэмы

Когда вернется осень снова,
Я счастья не хочу иного,
Как леса бледно-золотого,
Как песни жалобной слепого,
Как колокольчика коровы...

Когда придет зима с дождями,
Хочу я, чтобы в печке пламя
Шумело красными углями,
Чтоб свет виднелся вечерами
В лавочонке с горькими хлебами...

Весной мне ничего не надо,
Как ветра острого прохлады,
Расцветшего без листьев сада,
Тропинки мокрой у ограды
И ландышей, что утру рады.

ИЗ КНИГИ «ПРОГАЛИНЫ В НЕБЕ»

* * *

Уж завтра будет год, как я в Одо печальный
Срывал цветы на мокрой от дождя опушке.
Сегодня самый лучший день из дней пасхальных,
А я поехал мимо дальней деревушки
И мимо рощ, лугов, покрытых вешней влагой.
Как, сердце, ты не перестало биться за год?..
Я мучаю тебя, вернувшись к той долине,
Где в прошлый год я столько муки вынес.
Увидев розы в садике убогой церкви
И белую сирень, нависшую над дверцей,
Я вспомнил о своей прошедшей боли
И удивляюсь, как я не упал невольно,
Никем не сдержаный, в отчаяньи, в бессильи
На узкую тропинку, желтую от пыли.
Нет никого — и все, и все на свете пусто...
Зачем я родился, зачем теперь живу я.
О, если бы сложить к твоим коленям душу,
Что валится как нищенка на мостовую.
Уснуть, забыться бы, суметь уснуть надолго
Под синим ливнем, под грозой, под тучей желтой.
Не видеть ни холмов и ни лазури синей,
Повисшей тяжело над синею долиной.
Мне кажется, что кто-то плачет в сердце этом,
Кого на самом деле в этом сердце нету.
Деревня засыпает, наступает вечер,
И радостно трещит в густой траве кузнечик;
И в домике, спокойно задремавшем к ночи,
Меж сит белеют шляпы круглые рабочих.

* * *

Висит на белой стенке у кровати
Похожая на негритянку-богоматерь.
И я ее люблю слегка по-итальянски.
Вирго Лауретана, в золотом уборе
Ты мне напоминаешь городок у моря,
Где продают, крича, на набережных длинных
Полипов, всякие плоды и апельсины.
Вирго Лауретана, в эти дни печали,
Когда она моей любви не принимает,
Меня один твой строгий образ утешает.

* * *

Молитвы, как цветы, восходят к богу;
Никто не знает как... Одни богаты
И с запахом тяжелым туберозы,
Другие бледные, без аромата,
Как чахлый одуванчик у дороги,
Они идут к небесному владыке,
И только он один судить умеет,
Что бедность кроткая вербены дикой
Перед творцом богаче иль беднее
Какой-нибудь изысканной гвоздики...

* * *

В это утро наша церковь весело звонила,
Оттого что дочь соседа замуж выходила.
И она звонила в славу пышной кукурузы...
И она звонила над гумнами, над сараем.

Где скрипели цепи заржавелые, стихая.
И она звонила над амбарами, над кладовыми
И над девушками темными и золотыми,
Что пришли толпой на свадьбу их подруги милой.
И она звонила... о любви она звонила.
И волы, ступая важно, изумленно словно,
Поворачивали бледные рога к решетке,
Где краснел меж изгороди выющийся шиповник.
И она звонила... Голуби, топорщась, кротко
Ворковали на блестящих черепицах крыши.
Дочь соседа, как цветок, задумчиво качалась
На своем крыльце меж курами и петухами.
Церковь весело звонила... Каждый звук, казалось,
Расплывался широко над дальними полями.
Пары выстроились у начала огорода,
И подруги подошли к застенчивой невесте.
Музыка наивная играла перед шествием.
А поэт, молившись богу, говорил: «Когда-то
Так вступала в Ханаан невеста Исаака,
Скромная Ревекка из столь доблестного рода,
Времена не изменились к тем, кто верит в бога...
Может, вот колодец, где Рахиль, ступая босой,
Смуглыми руками робко оправляла косы,
Между тем как Яков ждал ее в тени оливы,
Точно крепкую, созревшую на солнце сливу».

* * *

В городке, где показалась богоматерь,
Тихие ручьи меж зелени струятся.
Камни, стертые водой, блестят сильнее,
И печально голубеют Пиренеи.

На холмистых склонах много трав лечебных,
И звучит, как вздох, торжественное пенье
Всех пришедших, чтоб просить об исцелении.
В гроте темном пресвятая богоматерь,
Облаченная, решила показаться
Пред ребенком, мудро ставшим на колени,
Бедным и печальным, как ее младенец.
Божьи гроты в Гефсимане, в Вифлееме,
Ныне снова явлены вы пред всеми.
В дымном гроте, преклонив колени,
В сладком для моей души смиренны,
Уподобившись безграмотным крестьянам,
Я молюсь. Кругом морщинистые лица,
Руки грубые перебирают четки,
И Господь, как в яслях, глубоко гнездится
В этой вере бедной, сладостной и кроткой.

СЛАВА МАРИИ

А г о н и я

Деткой умирающей пред матерью своей
Меж других играющих, как каждый день, детей,
Птицей раненой, не знающей, зачем крыло
Кровью обливается и никнет тяжело,
Славлю я тебя, Мария!

Б и ч е в а н и е

Бедными ребятами, избитыми отцом,
И ослом, которого бьют в сердце сапогом,
Девушкой, которую раздели, чтоб продать,
Сыном, пред которым грубо оскорбили мать,
Славлю я тебя, Мария!

Венчание терниями

Нищим, не державшим в жизни царского жезла,
Кроме палки от собак прохожего села,
И поэтом, раненным навек шипами дум,
Дум, которых выполнить не может ум,
Славлю я тебя, Мария!

Крестная ноша

Бедною старухою с вязанкой дров большой,
Что кому-то тихо жалуется: «Боже мой», —
Старой лошадью, упавшей на заезженном пути,
Не имея сил, чтоб дальше экипаж везти,
Славлю я тебя, Мария!

* * *

Перед зимой на телеграфных проводах
Замученные ласточки сидят рядами.
Они грустят об африканских небесах,
Которых никогда пред этим не видали...

«Которых никогда пред этим не видали...»
Как мы, когда тоскуем о далеком рае.
Они, застывшие, пронзенные, висят;
Они летали кругом, падая, взлетая,
И после возвращались все-таки назад.

Проститься с милой крышей церкви — трудно это.
О, как им грустно, бедным... Отчего орешник,
Их обманув, осыпался, застыл перед зимой...
Как страшно им, что быстро пролетело лето...

Гнездо их больше не узнало... Безутешны,
Они теперь дрожат на проволке стальной...

Так и душа, страдавшая при жизни много,
Пред тем как перейти навек в Небесный Сад,
Пускаясь в океан воздушный, пред дорогой
Колеблется и возвращается назад.

Шарль Пеги

(1873—1914)

...Блаженны погибшие в великих боях.
За четыре угла родной земли
Они к богу лицом легли...
Они познали смертную дрожь —
Созревший колос, дожатая рожь...

* * *

Они разрушают дома. Мы будем строить дома.
Дом разрушен — дом построен.
Мы вечно будем строить бренные дома.
Но есть один дом, его они не разрушат никогда.
Но есть один дом, не наш — Отца!

Робер Деснос

(1900—1945)

* * *

Я так мечтал о тебе,
Я столько шел, столько говорил,
Я так любил твою тень,
Что у меня ничего не осталось от тебя,
Я теперь тень,
Тень среди теней,
Во сто крат больше
Тень всех теней,
Только тень,
Тень будет ходить,
Тень будет приходить
В твой солнечный день...

* * *

Улица Сен-Мартен у меня была,
Улица Сен-Мартен мне теперь не мила.
Улица Сен-Мартен даже днем темна,
Не хочу от нее и глотка вина.
У меня был друг Платар Андре,
Платара Андре увезли на заре.
Крышу и хлеб мы делили года.

Увезли на заре, кто знает куда.
Улица Сен-Мартен, много крыш и стен.
Но Платар Андре не на Сен-Мартен...

* * *

Взгляни — у бездны на краю трава,
Послушай песнь — она тебе знакома,
Ее ты пела на пороге дома,
Взгляни на розу. Ты еще жива.
Прохожий, ты пройдешь. Умрут слова,
Глава уйдет разрозненного тома.
Ни голоса, ни жатв, ни водоема.
Не жди возврата. Ты блеснешь едва.
Падучая звезда, ты не вернешься,
Подобно всем, исчезнешь, распадешься,
Забудешь, что звала собой себя.
Материя в тебе себя познала.
И все ушло, и эхо замолчало,
Что повторяло: «Я люблю тебя».

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Гонсало из Берсео

(XIII век)

ЯВЛЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ, ЗАПИСАННЫЕ МОНАХОМ ГОНСАЛО ИЗ БЕРСЕО

Явление седьмое

Близ Толедо жил священник, верил в бога,
Божьи заповеди соблюдал он строго.
По ночам молился Деве пресвятой,
Звал Христа он солнцем, Мать его — звездой.
Но один порок имел священник рьяный:
Он вино любил и часто шлялся пьяный,
Потеряв рассудок, в кабаках лежал,
Речи безрассудные пастве держал.
Раз зашел священник в кабачок соседний,
И кувшин вина он выпил пред обедней.
На ногах едва стоял, услышав звон,
Тщетно в божий дом идти пытался он.
Черт решил прикончить пастыря дурного,
Стал быком — рогатый и весьма здоровый,
Кинулся на пьяницу издалека,
И священник вскрикнул, увидав быка:
«Матерь божия, всех грешников жалея,
Пожалей меня, плохого иеря!»
Богородица сошла на этот крик,
Как ягненок, замер перед нею бык.

Дьявол, обозлившись, гордый и унылый,
Обратился в пса с клыками страшной силы,
На священника он прянул, разъярен.
Иерей издал тогда великий стон:
«Матерь божия, ты панцирь наш от века!
Пожалей меня, дурного человека!»
Богородица сошла, и пес пред ней
Лег смущенный, малого щенка смиреней.
Дьявол обратился в льва, ревя, как трубы,
На священника пошел, оскалив зубы.
И когда приблизился ужасный лев,
Завопил священник, чудище узрев:
«Матерь божия, звезда и луч единый,
Пожалей, жалея всех, дурного сына!»
Богородица сошла, и грозный лев
Кроток, точно кот, забыл вражду и гнев.
Богоматерь иерею путь казала,
Увела его, свое накинув покрывало,
Пьяного покрыла, уложила спать,
Как ребенка всепрощающая мать.
Молвила ему, исполнена любови:
«Помни — мать печалит каждый грех сыновий,
Не покину я вовек твоей души,
Ради матери опомнись, не греши!»
Плакал иерей: «О свет, из тьмы влекущий!
Дева! Искупленье всякой твари сущей!
Нестыдящая наставница сердец!
О не знающая, где любви конец!»

Хуан Руис

(ум. в 1350 г.)

ИЗ «КНИГИ О ДОБРОЙ ЛЮБВИ»

О НАРУЖНОСТИ ПРОТОИЕРЕЯ И О ВСТРЕЧЕ С ДОНЬЕЙ ГАРОСОЙ

«О Госпожа,—старуха ей сказала.—
Таких красавцев в наше время мало;
Высокий, крепкий, ходит он степенно,
Ступает важно, как павлин надменный,
Большая голова на низкой шее,
Крутые волосы угля чернее,
Нос маленький, а рот большой и алый,
Две алые губы, как два коралла.
Глаза, признаться надо, небольшие,
Но грудь навыкат, ноги молодые,
Широкоплечий, крепконогий, статный,
Всегда любезный и всегда приятный,
Играет на гитаре, знает песни,
Он шутками всех шутников известней.
Кругом мужчин видала я немало,
Но равного ему я не видала.
Люби ж, люби скорей протоиерея!»
Гароса слушала ее, краснея,
И после молвила неосторожно:
«Но где ж его самой увидеть можно?»
Старуха засмеялась: «Как я рада!

Бегу! Ему все передать мне надо!
Любовь не терпит долгих ожиданий,
Он будет завтра здесь на мессе ранней».
Гароса молвила: «Но ради бога
Пусть будет скромен он, я буду строгой.
О господи, спаси от хитрой лести!
Я буду завтра здесь, на этом месте».

• • • • •

Во имя господа, как подобало,
Я был на мессе ранней, и она стояла!
Монахиня молилась, розовея.
О, цвет граната! Дикой серны шея!
О, в грубой рясе нежная черница!
На белой розе эта власяница!
Увы, неотразимо искушенье —
Я согрешил и каялся в смущеньи.
Она взглянула, очи — точно свечи.
А сердце плакало от жданной встречи.
Я говорил, она мне говорила,
Я уж любил, она уже любила.
Любовь ее была чиста пред богом,
Она меня вела и помогла во многом.
Своим постом она меня спасала,
Меня своей молитвой ограждала.
Два месяца спустя моя подруга
Скончалась от тяжелого недуга.
Но слаще смерть сей суэты постылой,
О боже, душу грешную помилуй!

Хорхе Манрике

(1440—1478)

НА СМЕРТЬ ДОНА РОДРИГО, РЫЦАРЯ ОРДЕНА СВ. ИАКОВА, ЕГО ОТЦА

Годы проходят, годы уходят,
Меняется высь, колеблется твердь.
Зри кругом,
Как жизнь проходит,
Как приходит смерть
Тайком,
Как мало мы радости знаем,
Как быстро приходит расплата,
Гляди—
Как мнится нам раем
Все, что было когда-то
Позади.

* * *

Наша жизнь — лишь реки,
А. смерть берет, точно море,
Столько рек,
Туда уходят навеки
Наша радость и горе —
Чем жил человек *.
Туда уходит богатый,

И нищий уходит тоже.
Средь этих вод
Они, что были иными когда-то,
Как капли друг с другом схожи,
И кто разберет?

* * *

Сей мир — лишь дорога
К иному, где нет тревоги
И нет забав.
Тщись же пройти его мудро и строго,
Не спутав дороги
И не упав.
Рождаясь, мы путь начинаем,
Мы идем в годы жизни,
Мы кончаем путь
Лишь тогда, когда умираем,
Умирая, приходим к некой отчизне,
Чтоб уснуть.

* * *

Все, что мы жаждем, все, что мы ищем,
Мгновенно и тленно,
Все это прах.
И мы подобны безумным нищим,
Которые ищут струи сокровенной
В песках.
Вот старец! Где его гибкость стана,
Легкий смех и забавы,
Юные года?

Они увяли слишком рано,
Как вянут малые травы
В холода.

* * *

Все утех и радости плоти,
Все, что надо
Для сердец —
Что это, если не стая гончих на охоте,
А впереди засада
И конец.
Мы несемся, друг друга обгоняем,
Спешим напрасно
Жить.
Когда же ловушку мы замечаем,
То места нет, чтоб сей бег ужасный
Остановить.

* * *

Были короли великой власти,
О которых мы знаем по изображениям
Былым.
Были судьбы их полны страсти.
Они исчезли, как над селеньем
Дым.
Были императоры и папы Рима.
Смерть вошла, когда надо,
В дворец
И увела их от власти мнимой,
Как будто пасли они только стадо
Овец.

* * *

Где столь прославленные герои?
Рыцари в сечи? Короли на троне?
Где их стан?
Где победители Трои?
Где инфанты Арагонии?
Где дон Хуан?
Где высокие песни и лиры?
Где певцы, что бродили, храбрых прославляя,
По всей стране?
Где пиры? И где турниры?
Что они, как не зелень сухая
На гумне?
Дам великолепные наряды,
Пена кружев и горностая
Снега,
Дворцов порфировых фасады,
Короны, что горели, золотом блестая,
И жемчуга,
Камни цены небывалой,
Кони, взращенные в холе,
Садов краса —
Что с этим ныне стало?
Что это, если не в поле
Роса?

* * *

Столько именитых баронов,
Графов, полных отваги,
Князей —

Как смерть не побоялась стражи и
заслонов,
Их богатства, их славы, их верной
шпаги,
Их друзей?
Заключавшие мир, начинавшие войны,
Сеявшие грозы
И страх
Столь прославлены, столь достойны.
Что они, если не высохшие слезы
На очах?

* * *

Вот храбрый рыцарь дон Родриго,
Он горел великой любовью
И враждой.
Свергая мавров проклятое иго,
Он кропил поле своей кровью.
Жизнь его — бой.
Пусть недруги вспомнят в испуге,
Как он Крест прославил
Огнем побед,
И мы да вспомним про его заслуги
Теперь, когда он навеки оставил
Сей свет.

* * *

Какой друг друзьям верным,
Какой глава семье обширной
И слугам,

Какой враг неверным,
Какой защитник обители мирной
И дам,
Какая мудрость для молчаливых,
Для коварных, честь потерявших,
Какой гнев,
Какой язык для болтливых,
Для храбрых и все испытавших —
Лев!

* * *

Не богатство сплело ему лавры,
Он золота не искал на чужбине,
Был пуст его дом.
Но пред ним трепетали мавры,
Ибо он брал города и твердыни
Мечом.
Кому не известна его отвага?
Он смело кидался навстречу неверным,
Не сгоряча,
Но зная, что в этом высшее благо,
Ибо он был рыцарем верным
Меча.

* * *

Итак, столько пешек передвинув
На шахматном поле
И страсть утоля,
Итак, низвергнув столько властелинов,
Сражался по доброй воле

За короля,
Итак, изведав разные испытания,
Которых перечислить нет сил
Теперь,
Он заперся в своем замке Оканье,
И смерть тогда его посетила,
Стукнув в дверь *.

СМЕРТЬ

Сказала: — Рыцарь смелый,
Ты сражался храбро и исступленно,
Ты побеждал,
Ныне ты кончил земные дела,
Гляди, как путь тобой завершенный,
Жалок и мал.
Оставь сей мир и его утехи,
Как жалкие бредни,
Как сон ночной.
Откинь свой меч, сними доспехи
И полон веры последней
Иди за мной!

РЫЦАРЬ ОТВЕЧАЕТ:

Я в этой жизни знал немного,
Брел, как ночью черной,
Слепцом.
Но крепко верил я в бога,
И воля моя была ему покорна
Во всем.
Я умираю с верой чудной,
Ибо человеку безумно
Хотелось жить,

Когда господь его хочет от жизни скучной,
Трудной и шумной
Освободить.

МОЛИТВА

Ты ради нашего спасенья
Принял человеческое имя,
Чтоб смерть обороть,
Ты принял земное успенье
И сам слился с делами людскими
И познал плоть.
Ты выдержал все мученья
Без единого крика,
Не стена.
Не за дела мои или моленья,
Но по твоей милости великой
Прости меня!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так, при полном сознанье
Он после тяжелого недуга
Собрал всех вокруг.
И были при последнем прощанье
Его сыновья, его супруга
И много слуг.
Тогда мудро и покойно
Он тому отдал душу обратно,
Кто ее дал
И кто, если она достойна,
Для жизни, ныне незакатной,
Ее взял.

ИЗ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Пабло Неруда

(Род. в 1904 году)

ИЗ КНИГИ «ДВАДЦАТЬ ПЕСЕН О ЛЮБВИ»

Утро, полное бурь,
в разгаре лета.

Облака, как белые платочки расставания,
ими размахивает путник-ветер,
и сердце ветра колотится
над нашим молчаньем любви.

Тревога лоцмана, ярость ослепшего водолаза,
угрюмый восторг любви,
все в тебе затонуло.

Время идти. Это час холодный и жесткий,
ночь его вписывает в любое расписанье.
Я брошен, как причал на рассвете.
Я брошен тобою.

КНИГА «ИСПАНИЯ В СЕРДЦЕ»

ОБРАЩЕНИЕ

Чтобы начать, как о раскрытой розе,
как о начале неба, воздуха, земли, —
тоска по песне, по металлу боя,

который обнажает кровь.
Испания — хрусталь и битый камень,
взволнованная тишина пшеницы,
мех и горячий зверь.
Сегодня, завтра ты идешь —
ни шороха, ни слова,
испуг надежды, как высокий воздух.
Стертая луна —
из рук в руки,
от колокольни к колокольне.

Мать-родина, овес, кулак,
сухая и горячая земля героев!

БОМБАРДИРОВКА

Кто на дороге, кто?
Кто это, кто?
Кто в темноте, кто в крови?
Пепел, железо, камень,
смерть, пламя, плач.
Кто это, мать, кто?
Кто? И куда?

ПРОКЛЯТИЕ

Родина, клянусь, ты прорастешь из пепла,
цветок неистощимых вод.
Из твоего рта, измученного жаждой,
вылетят лепестки хлеба.

Проклятье пришедшим на твою землю
с топором и жалом,
выжидавшим часа, чтобы открыть двери
наемникам и марокканцам.
Дайте лампу, глядите:
земля пропитана кровью,
кости обглоданы огнем,
это — одежда Испании.

Проклятье невидящим,
слепым,
принесшим родине
вместо хлеба слезы.

ИСПАНИЯ, БЕДНАЯ ПО ВИНЕ БОГАТЫХ

Бедность была для Испании, как чадные подмостки:
камни, навороченные ручьем беды,
нераспаханная целина,
запретные кладовые
с оловом и лазурью,
утробы и ворота, запечатанные наглухо.
Их сторожили:
люди в треуголках с ружьями,
священники, похожие на печальных крыс,
толстозадые прислужники короля.
Суровая Испания, край сосен и яблонь,
твои господа запрещали тебе
сеять хлеб, тревожить руду, покрывать коров.
Ты должна была жить могилами,
ходить на паломничество к святому Христофору

и приветствовать американских макак
из «приличного общества».

Не стройте школ, не скребите плугом кору земли,
не собираите зерен счастья,
молитесь, скоты, молитесь!

Вас поджидает толстозадый бог:
«Хлебай похлебку, брат во Христе!»

МАДРИД

(1936)

Мадрид, одинокий и гордый,
июль напал на твоё веселье
бедного улья,
на твои светлые улицы,
на твой светлый сон.

Черная икота военщины,
прибой яростных ряс,
грязные воды
ударились о твои колени.
Раненый,
еще полный сна,
охотничьими ружьями, камнями
ты защищался,
ты бежал,
роняя кровь, как след от корабля,
с ревом прибоя,
с лицом, навеки изменившимся
от цвета крови,
подобный звезде из свистящих ножей.

Когда в полутемные казармы, когда
в ризницы измени
вошел твой клинок,
ничего не было, кроме тишины рассвета,
кроме шагов с флагами,
кроме кровинки в твоей улыбке.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Вы спросите: где же сирень,
где метафизика, усыпанная маками,
где дождь, что выступивал слова,
полные пауз и птиц?

Я вам расскажу, что со мною случилось.

Я жил в Мадриде, в квартале, где много колоколен,
много башенных часов и деревьев.

Оттуда я видел
сухое лицо Кастилии:
океан из кожи.

Мой дом называли «домом цветов»:
повсюду цвела герань.
Это был веселый дом
с собаками и с детьми.

Помнишь, Рауль?
Помнишь, Рафаэль?
Федерико¹ — под землей, — помнишь балкон?
Июнь метал цветы в твой рот.

¹ Поэты: Рауль Гонсалес-Туньон, Рафаэль Альберти, Федерико Гарсия Лорка.

Все окрест было громким:
горы взволнованных хлебов,
базар Аргузльес и памятник,
как чернильница, среди рыбин.

Оливковое масло текло в жбаны.
Сердцебиение ног заполняло улицы.
Метры, литры. Острый настой жизни.
Груды судаков. Крыши
и усталая стрелка на холодном солнце.
Слоновая кость картошки,
а помидоры до самого моря.

В одно утро все загорелось.
Из-под земли вышел огонь,
он пожирал живых.
С тех пор — огонь,
с тех пор — порох,
с тех пор — кровь.

Разбойники с марокканцами и бомбовозами,
разбойники с перстнями и с герцогинями,
разбойники с монахами, благословлявшими
убийц,
пришли,
и по улицам кровь детей
текла просто, как кровь детей.

Шакалы, от которых отступятся шакалы,
гадюки — их возненавидят гадюки,
камни — их выплюнет репейник.

Я видел, как в ответ поднялась кровь
Испании,
чтобы потопить вас
в одной волне
гордости и ножей.

ПРЕДАТЕЛИ ГЕНЕРАЛЫ

Предатели генералы,
посмотрите на мой мертвый дом,
на разломанную Испанию.
Но из каждого мертвого дома
вместо цветов
вылетает сталь.
Но из каждого пустыря Испании
встает Испания.
Но из каждого убитого ребенка
прорастает ружье с глазами.
Но из каждого преступления
рождаются пули,
они заменят вам сердце.

Вы спрашиваете, почему я не говорю
о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей земли?

Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь
на улице!

МАТЕРЯМ УБИТЫХ ДРУЖИННИКОВ

Они не умерли,
стоят в разгаре боя,
на фитили.

Их светлые тени
сливаются с полями цвета меди,
с железной завесой ветра,
с парапетом гнева,
с грудью небес.

Они стоят среди пшеницы,
высокие, как полдень
над равниной.
Из мертвых тел
колокола
звонят победу.

Сестры, горсть пыли на земле,
разрушенное сердце,
верьте в ваших мертвых!
Они не только корни
под камнем, одетым в кровь, —
их рты кусают порох,
идут на приступ,
и поднятые кулаки не уступают смерти.
Из тел поверженных выходит жизнь.
Матери, знамена, сыновья!
Лицо с разбитыми глазами на страже.
Оружье полно земных надежд.
Сбросьте траур,

Чтобы слезы стали металлом,
чтобы точили день и ночь,
чтобы долбили день и ночь,
пока не рухнут двери злобы.

Я знал наших детей,
я гордился их жизнью,
как горжусь их смертью.
Их шаги в метро
звенели по утрам рядом с моими.
Их смех врезался, как гроза,
в глухие мастерские.
Среди плодов Леванта, сетей рыбацких
Юга,

цемента, типографской краски
я видел их горячие сердца.
Матери! Мое, как ваши,
полно горем — лес, омытый кровью,
с хищным туманом бессонницы
и с одиночеством любого дня.

Но сильнее, чем проклятье мерзким
гиенам,
сильнее, чем ярость, презренье, плач
матери,
сквозь скорбь, сквозь смерть, смотрите —
сердце дня,
который занялся.
И мертвые приветствуют его из-под
земли,
сжав кулаки над золотом пшеницы.

КАКОЙ БЫЛА ИСПАНИЯ

Испания была сухой и напряженной:
бубен дня со смутным звуком,
равнина и орлиное гнездо,
тишина, исхлестанная непогодой.
Как я люблю — до слез —
твою черствую землю,
твой бедный хлеб,
твой бедный люд,
и в самой глуби моего сердца
потерянный цвет твоих ветхих деревень,
твоих равнин,
в веках, под луной,
пожиаемых праздным богом!

Твое звериное одиночество,
твой ум, окруженный тишиной
и камнем,
твое терпкое вино,
твое сладкое вино,
твои бешеные и нежные лозы.

Солнечный камень, чистый край,
кровь и металл,
голубая непобедимая поденщица,
земля лепестков и пуль,
живая и сонная,
звонкая Испания.

Уэдамо, Карраскоса
Альпедрете, Буитраго,

Валенсия, Арганде, Гальве,
Галапагар, Вильяльба.

Пеньяррубия, Сердильяс,
Алькосер, Тамурехо,
Агуадульсе, Педрера,
Фуэнте Пальмера, Кольменар, Сепульведа.

Каркабуэй, Фуэнкальянте,
Линарес, Солана дель Пино,
Керселен, Алатос,
Маора, Вальдеганда.

Иесте, Риопар, Сегорбе,
Ориуэла, Монтальбо,
Алькарэс, Каравака,
Альмендралехо, Кастехон де Монегрос.

Пальма дель Рио, Перальта,
Гранаделья, Кинтана де ла Серена,
Атиенса, Барабона,
Навальмораль, Опореса.

Альбореа, Моновар,
Альманса, Сан Бенито,
Мораталья, Монтеса,
Торре Баха, Альдемус,

Севико Наверо, Севико де ла Торре,
Альбалате де лас Ногерас,
Хабалойся, Теруэль,
Кампорроблес, ла Альберка.

Посо Амарго, Канделеда,
Пендроньерас, Кампильо де Альтобуэй,
Лоранке де Тахунья, Пуэбла де ла Мухер Муэрта,
Торре ла Карсель, Хатива, Алькой.

Пуэбла де Обандо, Вильяр дель Рей,
Бэлората, Бриуэга,
Сетина, Вильяканьяс, Паломас,
Навалькан, Энарехос, Альбатана.

Торредонхимено, Траспарга,
Аграмон, Кревильенте,
Поведа де ла Сьерра, Педерносо,
Альколеа де Синка, Матальянос.

Вентоса дель Рио, Альбад де Тормес,
Оркахо Медианеро, Пьедраита,
Минганилья, Наваморкуэнде, Навальпераль,
Навалькарнеро, Навальморалес, Хоркера,

Аргора, Торремоча, Аргесилья,
Охос Негрос, Сальваканьете, Утиель,
Лагуна Сека, Каньямарес, Салорино,
Альдеа Кемада, Пескера де Дуэро.

Фуэнтеовехуна, Альпадете,
Торрехон, Бенагусиль,
Вальверде, де Хукар, Вальянка,
Иендалаэнсина, Робледо, де Чавела.

Миньогалиндо, Осса де Монтиель,
Ментрида, Вальдепеньяс, Титагуас.
Альмодовар, Хестальгар, Вальдеморо,
Альмуродиель, Оргас.

ПРИБЫТИЕ В МАДРИД ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ БРИГАДЫ

Утром в холодный месяц,
в месяц ненастя, замаранный грязью и дымом,
в грустный месяц осады,
когда, щерясь, выли шакалы Марокко,
когда мы ни на что больше не надеялись,
когда мир казался добычей чудовищ,
ломая легкий лед холодного утра,
в раннем тумане Мадрида
я увидел вот этими глазами,
этим сердцем, что видит,—
шли вы:
нежная и зрелая, светлая, крепкая
бригада камня.

Это было время тоски, и разлука
жгла женщин, как уголь.
Испанская смерть,
что острее и терпче смерти,
бродила по полю, дотоле гордому хлебом.
На улице кровь раздавленных людей
смешивалась с водой,
которая вытекала
из сердца разрушенного дома.
Невыносимое молчание матерей,
глаза детей, закрытые навеки,
все было грустью, ущербом, утратой —
убитым садом, вытоптанной верой.
Товарищи, тогда я вас увидел,
и мои глаза еще полны гордостью.

Я увидел в туманное утро:
стойкие и спокойные,
с винтовками,
с голубыми глазами
вы подымались на фронт Кастилии,
пришедшие издалека,
из ваших потерянных родин, из ваших снов,
чтобы отстоять испанский город,
где раненая свобода
не знала, прятанет ли день.

Братья,
пусть ребенок и муж, женщины, старцы
узнают вашу высокую повесть,
пусть она дойдет до сердец без надежды,
пусть пронесется по шахтам, полным удушья,
пусть спустится вниз по бесчеловечной лестнице
рабства.
Пусть все звезды, все колосья Кастилии и мира
запишут ваши имена, вашу суровую борьбу,
вашу победу, тяжелую и земную, как ветви дуба,
ибо вашей жертвой вы возродили доверье к земле,
вашей щедростью и вашей смертью.
Вы река среди кровавых скал,
стальные голуби, надежда.

БИТВА НА РЕКЕ ХАРАМА

Между землей и плотиной олив
и мертвыми испанцами —
Харама, как кинжал,
остановила орды.

Люди Мадрида
с сердцами, позолоченными боем,
как хлеб из пепла,
пришли сюда.

Харама, между дымом и железом
ты — сломанная ветка хрустала,
лента медалей
для победителей.

Ни взрывы, ни подкопы,
ни ярость натиска,
ни минометы ночи
не покорили этих вод.

Жаждавшие крови,
хлебнув твоей воды —
воды оливы и забвенья, —
лежат — ртом к небу.

За глоток воды —
и кровь предателей сверкает,
как крохотные рыбы
горького ключа.

Хлеб народа
замешан на железе и костях,
высокий, как земля
сопротивленья.

Харама, небо боли,
кильватер крови,
здесь мертвые твои,
Харама.

АЛЬМЕРИЯ

Блюдо для епископа, блюдо растертое, горькое,
блюдо с кусками железа, с золой, со слезами,
блюдо падающих стен,
блюдо для епископа, блюдо крови Альмерии.

Блюдо для банкира, блюдо, где лица, и щеки, и ямочки
детей счастливого Юга,
блюдо яростных вод, развалин и страха,
блюдо истоптанных лиц, хрящей позвонков,
черное блюдо, блюдо крови Альмерии.

Каждое утро, каждое мутное утро вашей жизни
оно будет дымиться, горячее, на вашем столе.
Вы его слегка отодвинете холеными руками,
между хлебом и виноградом,
вы его слегка отодвинете, чтобы не видеть.
Но это блюдо тихой крови
будет каждое утро перед вами,
каждое утро.

Блюдо для полковника и для супруги полковника,
на полковом празднике,
блюдо для вас, богатые,
для послов, для министров, для нахлебников,
блюдо для дам в покойных креслах,
блюдо рубленого, жидкого, блюдо через край,
блюдо ницей крови,
на каждое утро, на каждый день,
блюдо крови Альмерии —
навсегда, навеки.

ОСКОРБЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Края, затопленные мукой,
молчание без края,
труд муравья, расщепленные скалы,
а вместо клевера или пшеницы
кровь.

Привольная Галисия, светлая, как ливень,
теперь соленая от слез.
Эстремадура — кровь вокруг раны,
небо и свинец.
Бадахос средь мертвых в забытьи.
Малага, распаханная смертью,
в горах, над пропастью,
где, обезумев, матери
кидали новорожденных — о камень.
Ярость, гнев,
скорбь, слезы, беспамятство, безумье —
кости на дороге
и камень, похороненный под пылью.
Столько горя, столько смерти,
так страшен бег зверя по звезде,
что и победа не сотрет крови,
ничто — ни море, ни поступь времени,
ни жаркая герань могилы.

РАЗВАЛИНЫ

Все, что было создано, покорено,
увлажнено, усвоено,
чем любовался глаз —

платочек
в хляби земли.

Как почка, как душа, как вырастает
из косточки расщепленной цветок,
показывались формы мира:
веко, колонна, лестница.

О существо вещей, простых и сложных!
Сколько нужно, чтобы стань часами, медью,
босм,—
алюминий лазоревых пропорций,
цемент, скрепляющий мечты.

Пыль сгущается, комочек глины, клей —
так создаются вещи,
так прорастают стены,
ползучая лоза вокруг человека.

Средь меди, средь огня и запустенья —
клок бумаги.

Как-то ночью
Больной с сухим виском
нес рецепт в аптеку.
Дверь, построенная человеком
и никогда им не открытая.

Все распалось.
Раненая утварь,
простыни, моча, стекло, подушки, щетки,
крути из кожи, нитки, камфора:
бессвязный сон металлов,
лишенный запаха и ворожбы.

Гляди, как умирает дерево
до глуби сердца.
Для человека больше нет корней,
но только горький отдых
под тонкой сеткою дождя.

В руке красавицы гниет гитара.
Слова, что создавали, изгнаны,
а между известью и мрамором
след слез, уже замшелый.

ПОБЕДА НАРОДНОЙ АРМИИ

Больше, чем память о земле,
чем совершенство камня и молчанье,
твоя победа,
родина, народ!

Простреленное знамя впереди,
как грудь с рубцами
земли и времени.

ЦЕХА НА ФРОНТЕ

Где горняки, где люди, которые вили веревки,
тачали сапоги, ставили сети?
Где они?

Где каменщики, которые высоко в небесах
ругались и пели?

Где машинисты, которые вели поезда,
эти полуночники и упрямцы?
Где сословье пекарей?

С ружьем, с ружьем.
Среди угрюмого сердцебиения земли,
среди развалин.

Бьют пулей жестокого врага.
Так рвут колючий кустарник,
так топчут змей.

С утра до ночи,
средь золы печального рассвета,
под совершенством полдня.

Прекрасно торжество народа.
Когда идет победа,
сверкают
слепой картофель и небесный виноград.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Огрызок земли. Измолотые роты
среди пшеницы. Сломанные подковы,
иней, камни.
Острыя луна.

Луна, как раненая кобылица
в шипах железа и костей.
Грустное сукно
и дым могильщиков.

А позади, за нимбами селитры,
все, что осталось:
нищенское жниво,
сожженное и сокранное.

Ободрана случайная кора.
Развеяна щепотка пепла.
И только звонкий холод
да ткань забытого дождя.

Колени, войдите глубже в землю!
Глаза, ловите все, чтобы назвать
и ранить,
чтобы запомнить привкус смерти,
чтобы не знать забвенья!

ГРАНАТОМЕТЧИКИ

Ветки классического перламутра,
ветер лавра,
пожар зари и моря —
все для вас, герои-гранатометчики.
Вы вышли из ночного рта войны,
духи огня.

Прежде вы сеяли пшеницу,
безвестные, как брошенное семя.
В грудь яростных чудовищ
вы кинули не только динамит,
но и дымящееся сердце,
нищие дети земли и славы.

Вы знали лишь оливы,
невод с пеной и серебром,
дерево, стога, цемент.
Вы держали напильник иль рубанок.
В ваших руках цвели пурпуровый
гранат
и утренняя луковица.
С грузом молний,
преследуя победу,
спокойные и стойкие,
вы вышли против танков.

Свобода вас нашла в глубоких
рудниках,
свобода разлучила ваши руки
с плугом,
свобода звала на выручку —
в домах, в полях,
в пыли дороги,
средь апельсиновых садов и ветра.
Свобода собирала спелые сердца,
и вы пришли,
дети победы.
Вы падали не раз — растерты
руки,
хрящи измолоты, рот запечатан,
но в разгаре боя
вставали снова вы,
и новые вставали,
обугленные,
неистребимые,
люди сердца и корней.

МАДРИД

(1937)

Сейчас я вспоминаю все и всех,
в самых глубинах,
хоть за землей, но все же на земле.
Вторая зима.

В этом городе, где все, что я люблю,
нет больше ни хлеба, ни света.
Над сухой геранью хрустальный холод.
Ночью в стены, пробитые снарядом, как быком,
входят горестные сны.
На рассвете средь укреплений — никого,
только брошенная телега.
В горевшем доме с дверью в небо
вместо ласточек заплесневелый камень
и тишина веков.
Базар. Немного нищей зелени.
Сюда провозят каждый день
дорогой крови
рыбу, апельсины —
сестре или вдове.
Город горя, раненый, расщепленный, подточенный.
осколки стекла и кровь,
город, лишенный ночи, город ночи,
город тишины и канонады,
город героев.
Новая зима, вторая,
голая — ни хлеба, ни шагов.
Солдатская луна и город.

Все и всем.
Нищая земля, и жилы настежь —
кровь, большое сердце,
а слезы падают, как пули,
на истерзанную землю,
на голубей, звения.
Кровь что ни час, кровь что ни день.
Я не говорю о вас, уснувшие герои:
перед вашей волей дрогнула земля.

Я слушаю: на улице
зима идет.
Дом, где я жил, дома и город,
все оцеплено огнем.

Уж больше года, как предатели с разбегу
ударились об этот берег.
Ток твоей крови их поразил.
Ни огонь, ни смерть не срыли этих стен.

Теперь убийцы караулят:
епископ с низким лбом,
золотая рота бездельников,
генерал и тридцать серебреников.
Вокруг тебя центурии слезливых богомольцев,
эскадроны протухших послов,
вся свора в мундирах.

Хвала тебе, хвала в тумане, в свете,
колыбель грозы,
воздух крови,
в котором рождается пчела!

Сейчас, Хуан, ты дышишь,
Педро, ты смотришь, думаешь, ты спишишь.
Сейчас в ночи без света, без сна, без отдыха
одни, среди бетона
и проволоки,
на юге, в сердце, на каждом повороте
люди без неба и без тайн
обороняют город
Мадрид
в высокой тишине победы,
потрясенный, как сломанная роза,
и окруженный лавром.

ОДА НАРОДНОЙ АРМИИ

Оружье народа! Угроза, осада
смешали смерть с землей.
Армия народа,
тебя приветствуют все матери мира,
все школы,
все старые плотники.
Тебя приветствуют колосьями, картошкой,
молоком, лимоном, лавром,
всем, что дает земля.

Все тебе: ожерелье рук
и упрямство грома.
День железа,
укрепленная лазурь!

Братья, вперед,
по распаханной земле,

по пустырям,
среди сухой ночи без сна!
Бойцы, острее, чем голос зимы, проворней, чем веко,
точнее, чем алмаз шлифовщика,
вы пришли из недр,
как цветы или вино, как корни всех листьев,
как душистое добро земли.

Привет тебе, распаханная целина,
клевер и деревни, замершие в свете молний!
Вперед, вперед
по шахтам, по кладбищам,
против смерти!
Народ, теперь ты — сердце и винтовка.
Вперед!
Фотографы, шахтеры, машинисты,
братья угля и камня,
друзья серпа,
на праздник ружей
вперед!
Бойцы, майоры, взводные и комиссары,
летчики и партизаны,
солдаты ночи и солдаты моря,
вперед!
Пред вами гниль, болота с кровавым гноем, ничто.
Испания, край яблонь, знамена злаков,
надпись огнем, вперед!
В бою, в волне,
средь гор, средь сумерек, средь терпких запахов земли,
что не порвется.
Из тишины выходят корни и гирлянды,
ожидая победу, твердую, как камень.

Все жаждут, армия народа,
уйти с тобой:
любой топор или пила,
любой кусок руды, любая капля крови.
Твоя звезда лучами пригвоздила смерть,
установив глаза надежды.

Николас Гильен

(Род. в 1902 году)

* * *

Полковники из терракоты,
политиков темный лай,
булочка с маслом и кофе.
Гитара моя, играй!

Чиновники все на месте,
берут охотно на чай
двести долларов в месяц.
Гитара моя, играй!

Янки дают нам кредиты,
они купили наш край —
родина всего превыше.
Гитара моя, играй!

Болтают вовсю депутаты,
сулят горемыке рай,
а за всем этим сахар и сахар...
Гитара моя, играй!

* * *

Чтоб заработать на хлеб,
трудись до седьмого пота,

чтоб заработать на хлеб,
трудись до седьмого пота.
Хочешь того или нет —
работай, работай, работай.
Сахар из тростника,
чтоб кофе послаше было,
сахар из тростника,
чтоб кофе послаше было.
Горче желчи тоска
жизнь мою подсластила.

Ни дома нет, ни жены —
куда идти, я не знаю,
ни дома нет, ни жены —
куда идти, я не знаю.
Никто мне не скажет «вы»,
собак на меня спускают.

Говорят: «У тебя есть нож,
мужчина ты, не чечетка».
Говорят: «У тебя есть нож,
мужчина ты, не чечетка».
Я был мужчиной — и что ж?
Сижу теперь за решеткой.

За решеткой теперь умирай.
Что тут дни или годы?
Это и есть мой рай,
это и есть мой рай —
свобода, свобода, свобода.

* * *

Они убивают, когда я работаю,
и когда я не работаю, они убивают;
работаю я или не работаю —
все равно они убивают.

Вчера я видел человека —
он глядел, как солнце всходило,
он глядел на солнце уныло,
своими заботами полный,
он глядел, как солнце всходило,
но он не видел солнца.

Вчера я видел, играли дети —
один убивал другого;
вчера я видел, играли дети —
один убивал другого.

Когда они вырастут, кто им скажет,
что взрослые — это не дети?
Когда они вырастут, кто им скажет,
что солнце для каждого светит?

Они убивают, когда я не работаю,
и когда работаю, они убивают;
работаю я или не работаю —
все равно они убивают.

ХОСЕ РАМОН ПОЕТ В БАРЕ

Я пел исправно,
но песен хватит,
скажу им правду,

пуской не платят.
Пришли незваны,
а ты, хоть тресни,
тащи стаканы
и пой им песни.
У них весь свет,
а у меня и крыши нет,
и крыши нет.

Рыжие янки
вы здесь как дома,
в каждом кармане
бутылка рома.
Вы здесь в почете,
vas развлекают,
едите, пьете,
вы здесь живете —
я умираю.
Вас ждет обед,
а у меня и хлеба нет,
и хлеба нет.

У вас загадки,
вам негр ответит:
не все в порядке
на белом свете,
но есть механик,
он все поправит,
он все расставит
на белом свете —
и вас не станет
на белом свете.

Вы здесь в почете,
вы песен ждете —
вы их не ждите.
Идите к черту!
Сюда пришлите
всю голь Нью-Йорка,
всех без жилья,
таких, как я,
таких, как я.

Я дам им руку,
споем мы вместе
про ту же муку
все ту же песню.

МОЯ РОДИНА КАЖЕТСЯ САХАРНОЙ

Моя родина кажется сахарной,
но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной,
она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над ней.
А небо над ней — как чудо:
ни грома, ни туч, ни бурь.
Ах, Куба, скажи мне, откуда,
ах, Куба, скажи мне, откуда
взяла ты эту лазурь?

Птица прилетела неживая,
прилетела с песенкой печальной.
Ах, Куба, тебя я знаю!

На крови растут твои пальмы,
слезы — вода голубая.

За твоей улыбкой рая —
ах, Куба, тебя я знаю —
за твоей улыбкой рая
вижу я слезы и кровь,
за твоей улыбкой рая —
слезы и кровь.

Люди, что работают в поле,
похоронены в темной могиле,
они умерли до того, как
жили,
люди, что работают в поле.
А те, что живут в городах,
бродят вечно голодные,
просят: «Подайте грош», —
без гроша и в раю умрешь.
Они бродят вечно голодные,
те, что живут в городах,
даже если носят шляпы модные
и танцуют на светских балах.

Была испанской,
стала — янки.
Да, сударь, да.
Была испанской,
стала — янки.
Для бедных — беда,
земля родная и голая,
земля чужая и голодная.

Если протягивают руку
робко или смело,
на радость или на муку,
черный или белый,
индеец или китаец —
рука руку знает,
рука руке отвечает.

Американский моряк —
хорошо! —
в харчевне порта —
хорошо! —
показал мне кулак —
хорошо!
Но вот он валяется мертвый —
американский моряк,
тот, что в харчевне порта
показал мне кулак.
Хорошо!

КОГДА Я ПРИШЕЛ НА ЭТУ ЗЕМЛЮ

Когда я пришел на эту землю,
никто меня не ожидал.
Я пошел по дороге со всеми
и этим себя утешал,
потому что, когда я пришел
на эту землю,
никто меня не ожидал.

Я гляжу, как люди приходят,
как люди уходят

в славе и в обиде.
Я иду по дороге.
Нужно глядеть, чтобы видеть,
нужно идти по дороге.

Некоторые плачут от обид,
а я смеюсь смело:
это мой щит,
мои стрелы —
я смеюсь смело.

Я иду вперед,
нет у меня посоха.
Кто идет — поет.
Я иду вперед,
я пою досыта,
я иду вперед,
нет у меня посоха.
Гордые меня не любят:
я простой, а они — знать,
но они умрут, эти гордые
люди,
и я приду их отпевать,
они меня потому и не любят,
что я приду их отпевать.

Я гляжу, как люди приходят,
как люди уходят
в славе или в обиде.
Я иду по дороге,
нужно жить, чтобы видеть,
нужно идти по дороге.

Когда я пришел на эту землю,
никто меня не ожидал.
Я пошел по дороге со всеми
и этим себя утешал,
потому что, когда я пришел
на эту землю,
никто меня не ожидал.

ЭЛЕГИЯ

Дорогой моря,
добыче рад,
дорогой моря
пришел пират;
он улыбался
чужой тоске,
держал он палку
в сухой руке.
Забыть не может моя тоска
о том, что помнят и облака.
Он ствол надрезал,
он смял луга,
он вез железо
и жемчуга.
Дорогой моря
и черных слез
на запад горя
он негров вез.
О том, что помнят и облака,
забыть не может моя тоска.

Увез он негров,
чтоб негры шли,
чтоб рыли недра
чужой земли,
и хлыст, чтоб щедро
рабов хлестать,
и смерть, чтоб негру,
уснув, не встать.

Дорогой моря
идем одни;
здесь я и горе
моей родни.
Ты не забудешь, моя тоска,
о том, что помнят и облака.

ВЕНЕСУЭЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Пой, Хуан Бимба, пой!
Гитара моя с тобой.
— На Кубе гитара — трес,
в Венесуэле — куатра.
О том, как горька моя нефть,
знает кубинский сахар.
Пой, Хуан Бимба, пой!
Гитара моя с тобой.
— Я видел твой флаг на Кубе,
флаги мои я знаю,
их держат чужие люди,
нами они управляют.

Британцы и янки всюду
делают темное дело,
взяли зеленую Кубу,
взяли и Венесуэлу.

Пой, Хуан Бимба, пой!
Гитара моя с тобой.

— Нет у меня жилища,
нет у меня покоя,
они меня всюду ищут,
следом идут за мною.
Ночью темен мой голос,
ночью пою я тихо,
но только выглядят солнце,
я петь не буду — я крикну.

Встань, Хуан Бимба, идем,
будем кричать вдвоем.

ВЕНЕСУЭЛА

Она — как сало,
белее мела,
луна большая
Венесуэлы.
И тот же голос
поет усердно
про тот же голод
того же негра
и про рубашку —
она из пепла,
про печь без углей —
она ослепла.

Земля — и койка
и одеяло.
Как это грустно!
Начнем сначала:
она устала
и побледнела,
луна большая
Венесуэлы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илья Эренбург

СТИХИ О СМЕРТИ

Раздумья о тщете и мимолетности жизни в средние века были присущи всем. Страх смерти неизбежной, неумолимой вел людей либо к отречению от жизни, либо к упоению легкими радостями бытия. В Германии и на севере Франции слагались «пляски смерти», и часто охваченные безумием люди разыгрывали их на кладбищах. Художники изображали и на монастырских стенах и на фасадах домов торжество смерти, и на мрачных фресках Кампо-Санто в Пизе она до сих пор страшит посетителя. Величайший поэт Франции — «Бедный школьяр» Франсуа Вийон — с грустью спрашивал о прекрасных дамах былых времен — где они?

Но нигде этот «культ смерти» не мог получить такой глубины и подлинности, как в Испании. Аскетизм и сурость кастильца, больше чем ясная печаль француза, способствовали «искусству кладбищ».

Уже в XIII веке мы находим испанское переложение «пляски смерти», где среди танцоров фигурируют не только принцы, кардиналы, епископы, но и чисто иберийские типы — факиры, раввины.

Поэт XIV столетия вопрошаet:

О, где богач, его поместья,
Его дома, луга, шелка..?
Ушли, промчались, как река!

С еще большей настойчивостью ставит подобные вопросы другой поэт — Фернан Галавера, — оплакивая погибшего рыцаря:

О, где мечи и где доспехи?
Где слава, замки, города?
Где пляски, песни? Где утехи?
Где невозвратные года?

В XV веке достойный поэт Гомэз Манрике пишет:

Вся жизнь проходит, точно тени,
Скорее, чем река,
И облетает, точно цвет весенний
От ветерка.

Племянник этого поэта Хорхе Манрике с исключительной силой выявил мрачные думы своего века, оживив их подлинной личной скорбью. Его «Стихи на смерть отца» пережили все смены вкусов, все капризы времени. Они теперь так же волнуют нас, как волновали некогда друзей усопшего дона Родриго Манрике.

Хорхе Манрике родился в 1440 году. Его детство и юность прошли среди неослабевавших гражданских войн. Рано пришлось молодому рыцарю взять меч в руки. Он пережил плenение, смерть своих соратников и друзей. В 1478 году, сражаясь за королеву против мятежного маркиза Виена и в схватке врезавшись отважно во вражеский стан, он был убит. Последние, не законченные им стихи называются «Против мира».

Накануне смертного часа Хорхе Манрике писал:

О мир, сколь от твоих тягот
Мне будет радостен уход!
От жизни злой, от муки этой,
Где горек каждый шаг,
Где нет ни радости, ни света,
Но только мрак...

Стихи «Против мира» друзья положили в гроб на грудь поэта. Столь кратка и печальна была жизнь Манрике.

Свои знаменитые стихи он написал после смерти отца, Родриго Манрике, славного рыцаря, победителя 22 битв, чье одно имя рождало страх в Гренаде. До и после этого он писал другие стихи — любовные, светские, аллегорические, — неплохие, но и ничем не примечательные, стихи одного из поэтов XV века.

В «Стихах на смерть отца» все удивительно и совершенно. Это не общие рассуждения о смерти, это сдержанный стон, страстная молитва. Христианский аскетизм, стойкость в смирении порождают не ужас перед смертью, но достойную человека скорбь.

Сам стих с короткими заключительными строками, падающими резко, то как лязг мечей, то как похоронный звон, то как стук земли о гроб, выявляет содержание. Хорхе убеждает, с каждой строфой все более гипнотизирует.

Я уже упомянул, что этому произведению суждена была редкая слава. В века, когда к искусству средневековья относились пренебрежительно, «Стихи на смерть отца» всеми признавались. Они переведены на другие европейские языки (на английский — Лонгфелло). Им подражали многие.

Что может быть банальнее и скучнее общих фраз о равенстве людей перед смертью? Но сказанные голосом поэта, они приобрели таинственную силу, показывая еще раз, что только в выражении самого привычного, общего, «банального» искусство достигает редких высот.

Илья Эренбург

СТАРАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕСНЯ

В Вене много магазинов музыкальных инструментов. В Париже чуть ли не на каждой улице торгуют красками и кистями. Выставок живописи в Париже больше, чем концертов. Говорят, что каждый народ полнее всего выражает себя в том искусстве, которое наиболее отвечает его душевному складу, и что французам скорее свойственно зрительное восприятие мира, а не музыкальное. Говорят также, что, когда французы начинают петь хором, получается часто нескладно. Все это, может быть, и правильно, однако французы любят петь, и песни проходят через всю их жизнь.

Есть у французов даже поговорка: «Во Франции все кончается песнями», — она, видимо, должна успокаивать и безнадежно влюбленных и неисправимых консерваторов. Разумеется, и во Франции далеко не все кончается песнями. Вернее сказать, что многое начинается с песен. Девушка обычно поет о любви до замужества, а «Марсельеза» родилась накануне решающих битв революции.

На парижских улицах можно увидеть бродячих певцов: даже в холодный зимний день вокруг них толпятся прохожие и подхватывают припев. Что же поют эти безголосые певцы? Мелодия несложна, и мелодия повторяется, а слова — это рифмованные истории, печальные или шутливые. Существует особый жанр исполнения таких песенок; их исполнители — нечто среднее между певцами и куплетистами, между эстрадными актерами и менестрелями.

Конечно, песенки мюзик-холлов или кинокартин нельзя назвать народными, хотя некоторые из них облетают Францию, их поют на ярмарках, на свадьбах, под чинарами и под каштанами. Среди современных песенок имеются и милые романсы и пошлые куплеты; но есть между плохими и хорошими нечто общее — у них те же истоки.

Ив Монтан поет прелестную песенку:

Когда на войну уходит солдат,
Победу суют и розы дарят,
А если солдат приходит назад,
«Ему повезло», — о нем говорят.

Несколько веков назад на севере Франции пели:

Уходит солдат на войну,
В тоске обнимает жену,
Соседи кругом говорят:
«Он скоро вернется назад,
Вернется к любимой жене,
Прискачет на быстром коне,
Он будет одет в серебро,
На шляпе победы перо».

Когда через много лет,
Без хлеба, без песен, без слов,
Солдат возвратится с войны,
Своей не найдет он жены,
Он будет в лохмотья одет,
Его не узнает сосед.
Река не помчится назад,
С войны не вернется солдат.

Дело, конечно, не в подражании, а в живучести не только чувств, но манеры выражения, формы, интонации.

От старой русской песни путь шел к Кольцову и к Некрасову; склад и душу народной песни можно найти в стихах Есенина и Твардовского. К отдаленным временам следует отнести рождение испанского «романсера», который предопределил многое в дальнейшем развитии испанской поэзии от Гонгоры до наших современников Гарсии Лорки и Рафаэля Альберти.

Обычно под понятием «народная поэзия» подразумевают сочинения неизвестных авторов, которые люди пели или напевали, сокращали, изменяли. Для многих фольклористов народное творчество прежде всего анонимно. Однако такое определение условно. Мы не знаем имени поэта, сложившего песню о Рено, но разве нельзя отнести к народному творчеству песни блузников 1848 года, хотя нам известно, что они написаны Дюпоном, или «Марсельезу», которую сложил Руже де Лиль? Два русских этнографа написали две русские песни — «Славное море, священный Байкал» и «Из-за острова на стрежень». Никто не помнит имен Давыдова и Садовникова, а песни их живы. Во время первой мировой войны во Франции я не раз слышал горькую солдатскую песенку:

Ночь черна в окопах,
Счастье не забрезжит,
А в тылу далеком
Жизнь идет, как прежде.

Автор этой песни Вайян-Кутюрье.
Кто не слыхал в Париже любовной песенки о поре, когда поспеваю вишни:

Когда пора настанет вишен
И дрозд-насмешник засвистит,

Уж если ты любви боишься,
Скорей от девушек беги...

Но мало кто знает историю этой песни. Ее написал рабочий Жан Батист Клеман, член Парижской коммуны. Одной из последних баррикад была баррикада на Монмартре, у Фонтэн-де-Руа. Там сражался Клеман, а девушка, которую звали Луизой, перевязывала раненых. Она погибла, и ее памяти Клеман посвятил песенку, написанную им еще в 1866 году, о вишнях, о насмешливом дрозде, о любви.

До сих пор в Чили имеются народные поэты, они поют свои поэмы на праздниках, заходят в харчевни, в дома. В Чили поэзию делят на «ученую» и «народную».

У народных песен были свои авторы: песню сочинял один человек, как один человек писал балладу или сонет. Но баллады и сонеты входили в книги, книги стояли на полках, иногда переиздавались, иногда становились школьными пособиями. А песни менялись — их исправляло время.

«Ученая» французская поэзия была многоликой, формы быстро снашивались, на смену героическим или дидактическим поэмам средневековья в XV веке пришли баллады, рондо, ле; в XVI и XVII веках — сонеты, оды; в XVIII — пасторали и рифмованные философские размышления. На смену пылким и туманным романтикам пришли чересчур трезвые парнасцы. Их сменили «проклятые поэты» — Бодлер, Рембо, Верлен. Классические размеры и строгие рифмы уступили место свободному стилю, ассонансам. Так было в поэзии «ученой». Что касается «народной», то, несколько обновляя сюжеты и словарь, она в общем оставалась верной традиционным формам.

Темы народной поэзии разных стран сходны: повсюду люди пели о страданиях любви, о войне, которая несет горе, о тяжести труда земледельца, каменщика, ткача, о при-

тягательной силе свободы. Можно просмотреть сборники народных песен Италии и Швеции, Украины и Бразилии, ни в одном не найдешь песен, которые прославляли бы богатство немилого, правоту судьи, благородство палача.

Почему одни и те же темы, одни и те же образы можно найти в поэзии различных народов? О солдате, вернувшемся с войны, которого не узнает жена, пели в Бретани и в Андалузии. Может быть, песня перелетела через Пиренеи: у песни ведь крепкие крылья. А может быть, то же горе рождало те же песни: все народы знали, что такое долгие войны. В поэзии Индии и России, Норвегии и Греции влюбленный хотел бы стать то соловьем, который поет для возлюбленной, то ручейком возле ее дома, то лентой в ее коse. Может быть, чужая песня соблазнила своей красотой неизвестного автора? Вернее предположить, что мечты всех влюбленных, где бы и когда бы они ни жили, имеют между собой много общего.

Французские песни отзывались на бури, потрясавшие Францию. Многие из этих бурь давно забыты, а песни живут. Кого теперь волнует боевая слава английского герцога Джона Черчилля-Марльборо? Он командовал нидерландской армией, которая разбила французов. Во французской песне герцог Марльборт стал Мальбруком, и эту песню знают все дети Франции:

Мальбрук в поход собрался,
Мальбрук в поход собрался,
Мальбрук и сам не знает,
Когда вернется он.
• • • • . . .
Мальбурука хоронили
Четыре офицера,

Один нес тяжкий панцирь,
Другой нес пышный щит,
За ними следом третий
Нес шпагу золотую,
За ними шел четвертый
И ничего не нес.

• • • • • • • • • •
Мальброву победу
Все шумно прославляли,
Молебен отслужили,
А после спать пошли.
Поплакав о Мальбруке,
Одни легли на ложе
С супругами своими,
Другие без супруг.
Отпраздновав победу,
Пошли на боковую,
А что за этим было —
О том я не скажу.

Все французские школьники зубрят, что в VII веке при династии Меровингов был мудрый король Дагобер, но гораздо сильнее их увлекает старая песенка:

Король Дагобер
На войну идет,
Он штаны надел
Задом наперед.

Героические песни порой превращались в шутливые. Капитан Ля Палисс был убит в битве при Павии. Его солдаты сложили песню, прославляя отвагу своего капитана:

Он за час до смерти жил,
Ля Палисс отважный.

Потомкам эти строки показались смешными; они сочинили другую лесенку, которая обошла всю Францию. Никто не вспомнил о храбрости капитана. Ля Палисс стал олицетворением ходячей морали, общих мест, трюизмов:

В пятницу он опочил,
Скажем точно, без просчета —
Он на день бы дольше жил,
Если б дожил до субботы.

Одна из самых старых песен Франции, дошедших до нас, — «Пернетта» — родилась в XV веке; ее пели друзья Франсуа Вийона в кабаках и в тюрьмах.

Вийон, наверно, любил «Пернетту». Он был первым французским поэтом Возрождения, духовно чрезвычайно сложным, поэтом трагических противоречий. Вместе с тем «Бедный школляр» Сорбонны был тесно связан с жизнью народа. В своих балладах он порой ссылался на греческих богов и на философов древности, но его сердце и его словарь были сродни сердцу и словарю неизвестного нам автора «Пернетты». Разрыв между поэзией «ученой» и «народной» обозначился сто лет спустя. Сонеты Ронсара и песня о Рено, который вернулся с войны, написаны в одно время, но они нам кажутся выражением двух различных эпох, а может быть, и двух различных миров. Начиная с XVI века народная поэзия порой радовала «ученых» поэтов Франции, но не она определяла их пути.

Песни, переведенные мною, относятся к XV—XVIII векам. Конечно, можно найти чудесные образцы народной

поэзии и в последующее время, все же они мне кажутся слабее: поэтическая эсценция в них разбавлена водой литературного красноречия. «Ученая» поэзия влияла на «народную» не лучшими своими произведениями, а наиболее ходкими. В народных песнях XIX века много сентиментализма, условности, словесной фронтоватости.

Поэты XVIII века любили пасторали, им казалось, что они описывают безмятежную жизнь народа. Аристократов привлекал вымышленный рай, заселенный воображаемыми землепашцами и пастухами. Эти землепашцы и пастухи, однако, жили отнюдь не идиллически, и в своих песнях они больше говорили о своей тяжелой участи, нежели о благодатной тишине сельского вечера.

Народные песни Франции далеки от буколики, в них много трагизма: нужда, войны, разлука, тяжелый труд. Может быть, именно потому, что в жизни народа было много несносного и немилого, люди часто пели шутливые, задорные песенки; такова черта французского характера — французы говорят, что смешное убивает.

Сто лет назад в некоторых литературных кругах увлекались народным искусством, считая его наивным, ребячливым. Старые песни ценились за неуклюжесть строки, за неожиданность эпитета, за шаткость рифм.

В то время как «ученая» поэзия придерживалась строгих канонов французского силлабического стихосложения и точных рифм, народная поэзия не знала регламента. Часто в строке не хватает слога, цезура не на месте. Полные, по большей части глагольные рифмы сменяются весьма далекими ассонансами (*Renaud* и *tresors* или *amî* и *mourîg*). Однако не к таким ли вольностям пришла «ученая» поэзия в начале XX века? Что касается содержания, то народная поэзия отнюдь не отличается наивностью. Вот песня

«Гора», она посвящена сложностям любви. Между любящими — крутая гора.

Если кто-нибудь сроет гору крутую,
Мы камни притащим, построим другую.

Мне эта песня по глубине напоминает некоторые стихи Тютчева, Бодлера, Блока, Элюара.

В течение многих веков придворные поэты прославляли военные победы. Народная поэзия вдохновлялась иным: ненавистью к войне.

Прощай, трубач с трубою медной,
Прощай, бездушный генерал,
Прощайте, слезы и победы,
Чтоб больше вас я не видал!

Солдаты, маршируя по крепостным плацам, пели:

Раз и два, раз и два.
А зачем голова?
Шаг вперед, шаг назад.
Раз солдат — виноват.
Помыкает капрал,
Дует пиво капрал,
А солдату — вода,
А солдату — беда,
А солдату — шагай,
Прямо в сердце стреляй.
Погоди, помолчи,
Не кричи, не учи,
Наведу я ружье
Прямо в сердце твое!
Раз и два, раз и два,
Вот зачем голова.

В народных песнях сказался непослушливый нрав народа, его любовь к свободе. Все знают песни французской революции — «Марсельезу», «Песню похода», «Карманьолу». Под «Карманьолу» танцевали санкюлоты, повторяя слова припева:

Да здравствует пушек гром!

В 1848 году блузники любили песни, написанные Пьером Дюпоном. Потом, в дни Коммуны, родились песни Потье. В годы последней войны партизаны пели:

Свисти, свисти, товарищ!

Французы часто поют печальные песни весело: человек как будто хочет скрыть тоску не только от других, но и от самого себя. Некоторые озорные песни звучат торжественно и прискорбно, как заупокойные молитвы. Мне думается, что во всем этом много от французского характера, от душевной стыдливости, от почти обязательного сочетания растроганности с иронией.

Пожалей меня, я не искусница,
Нить бежит, за ней не поспеть.
Если трудно мне, если грустно мне,
Если мне не хочется петь,
Я спою веселую песенку,
Ты на песенку эту ответь.
Если радостно, если весело,
Нить бежит, за ней не поспеть,
Я спою печальную песенку.
Ты на песенку эту ответь.

Песни меняются, и песни остаются. Даже громкий голос радиоприемника или телевизора, врывающийся далеко

от столиц в тишину длинных зимних вечеров, не может победить в человеке жажду своей песни. Вероятно, есть в песне притягательная сила, которая заставляет человека, народ петь.

День был синий и ветреный,
Подымали корабль волны,
Корабль тот был серебряный,
Паруса — из синего шелка.
Матрос взобрался на мачту.
Прощай, я люблю другого!
А вспомню песню и плачу —
Песня сильнее слова.

Конечно, нельзя жить подделками. Нельзя перенести в современную поэзию ритм и построение старых народных песен. Хотя на всех языках слова «искусственный» и «искусство» близки, бесконечно далеки эти два понятия. Мы не раз видели в разных литературах попытки перенять формы старой народной поэзии и потрясались бесплодьем этих попыток. Бюффон некогда сказал: «Стиль — это человек». Можно добавить, что стилизация — это отсутствие человека, стилизованная поэзия прежде всего безлична и бесчеловечна. Нельзя теперь написать ни «Песни о Роланде», ни песенки о Пьере, которого любит Пернетта. Наш век вложил в понятие народной поэзии новый смысл; может быть, после многовекового разрыва мы подходим к эпохе, когда исчезнет деление между «ученой» поэзией и «народной».

А старые песни живут. Это не страницы хрестоматии, не архивы музея — это ключ к сердцу народа, народа, который не вчера родился и не завтра умрет.

Илья Эренбург

О ПОЭЗИИ ПОЛЯ ЭЛЮАРА

...В 1918 году он написал «Поэмы мира». Вот несколько строк: «Все счастливые женщины увидели снова своих мужей. Они вернулись, как солнце, столько в них тепла, они смеются, они тихо говорят «здравствуй», прежде чем обнять свою радость...» И незадолго до смерти, в 1951 году, он писал: «Люди созданы, чтобы понять друг друга, чтобы любить друг друга, у них дети, которые станут отцами, у них дети, которым холодно на свете, которые заново откроют огонь, которые заново откроют человека».

Идея открытия огня, которая со времени Древней Греции вдохновляла поэтов, жила в Элюаре. Еще юношей на фронте он писал: «Меня покинула лазурь, и я развел огонь».

Я привожу стихи Элюара в прозаическом переводе. Я знаю, конечно, сколько они при этом теряют, но я боюсь, что они потеряют еще больше, если я попытаюсь перевести их стихами. Есть поэты, которые поддаются переводу: можно передать на другом языке не только мысль или образы, но порой и стихотворные приемы. Легко перевести строки Маяковского на любой язык мира:

Бег дней пег.
Медленна лет арба.

Здесь есть образы, мысль, прием — короткие, отрывистые слова.

Но вот строки Пушкина:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Переведенные на другой язык, эти чудесные стихи станут пошлым романсом.

Много русских поэтов от Брюсова до Пастернака пытались перевести стихи Верлена: «Сердце мое плачет, как идет дождь над городом. Что это за тоска, которая заполняет мое сердце?» Дело не только в том, что по-русски нет безличных форм глаголов «плакать» или «дождить», а Верлен писал: «Плачется в моем сердце, как дождится над городом»; дело и в том, что обаяние приведенных строк относится к найденному сочетанию обычных слов, и его немыслимо воссоздать на другом языке. В прозаическом переводе читатель по меньшей мере узнает точный смысл строк Элюара и сможет себе представить, как эти скромные фразы звучат неотвязно, становясь поэзией.

Разумеется, и в оригинале человеку, не чувствительно-му к поэзии, стихи Элюара могут показаться прозой: он сделал все, чтобы лишить свою поэзию внешних примет поэтичности. В его стихах нет ни стихотворных размеров, ни рифм, ни ассонансов. Они держатся на ритме и на загадочном сплетении слов. Имеются литераторы, которые научились бойко описывать, владеть различными стихотворными приемами, подбирать незатасканные рифмы, они успешно выдают свою прозу за поэзию. Элюар в стихах труден и вместе с тем по-детски прост, откровенен, как на исповеди. Он не поучает, не рассказывает, не описывает, он признается.

Есть поэты-живописцы, они как бы придают зрительную силу мечте; их стихи изобилуют образами. К ним во французской поэзии относятся Гюго, парнасцы, Бодлер, Рембо,

а из наших современников — в известной мере Арагон. Среди русских поэтов нашего времени живописной выразительностью обладал Маяковский. Есть поэты другой душевной настроенности: они не показывают, они как бы ворожат. Их стихи неотделимы от магического сочетания слов.

Элюар в жизни любил живопись, его самыми близкими друзьями были художники. Но если мы задумаемся над творчеством художников, с которыми был связан Элюар, то увидим, что они даже в живописи зачастую ищут решений, лежащих вне данного искусства. Говоря это, я думаю не только о Максе Эрнсте или Кирико (любовь к которым Элюара я никогда не разделял), но и о Пикассо. Элюар был связан с Пикассо многолетней дружбой, они создавали вместе книги — текст писал Элюар, Пикассо рисовал. У них было много общего. Пикассо никогда не стремится изобразить зrimый мир, предметы для него иероглифы, он пишет маслом или карандашом свою книгу-мир таким, каким он его понимает. В поэзии Элюар менее всего был живописцем. Он редко прибегает к пластическим образам. Его определения порой чересчур сжаты, но всегда просты, даже, скажу, бесхитростны. Порой его стихи напоминают мне средневековую французскую поэзию — и повторением параллельных фраз и непосредственностью сравнений. Вот несколько примеров:

«Это горячий закон людей: из грозди они делают вино, из угля они делают огонь, из поцелуев они делают человека. Это суровый закон людей: выстоять, несмотря на войны, на нищету, несмотря на угрозу смерти. Это нежный закон людей: превращать воду в свет, мечту в явь, врагов в братьев».

«Мы идем вдвоем и держимся за руки. Нам кажется, что мы повсюду дома — под ласковым деревом, под черным небом, под всеми крышами, у очага, на улице, пустой от знойного солнца, когда на нас смутно глядят прохожие, среди благоразумных и среди чудаков, среди взрослых и среди детей. В любви нет ничего таинственного. Мы всем понятны, и всем влюбленным кажется, что они у нас в гостях».

«Что вы хотите — дверь была закрыта. Что вы хотите — мы были взаперти. Что вы хотите — улица была оцеплена. Что вы хотите — город был побежден. Что вы хотите — город голодал. Что вы хотите — у нас не было оружия. Что вы хотите — настала ночь. Что вы хотите — мы друг друга любили».

Элюар осознавал значимость слова. В стихотворении о расстреле гитлеровцами Габриэля Пери он пишет: «Есть слова, которые помогают жить, и это простые слова: слово «тепло» и слово «доверие», слово «правда» и слово «свобода», слово «ребенок» и слово «милый», и некоторые названия цветов и деревьев, слово «мужество» и слово «открыть», слово «брать» и слово «товарищ», и некоторые названия городов или деревень, и некоторые имена женщин или друзей. Прибавим к ним "Пери"».

Элюар чурался красноречия и, хотя часто писал на патетические темы, не выносил пафоса. Его стихотворение «Свобода», написанное в годы Сопротивления, повторяли миллионы французов. Элюар говорит, что он пишет имя Свободы «на моих разрушенных убежищах, на моих рухнувших маяках, на стенах моей тоски». Этот перечень лиричен, и он смягчается будничным, простым: «На моей собаке — ласковой и сластене, на ее настороженных ушах, на ее неуклюжей лапе — я пишу твое имя».

* * *

Сложность поэзии Элюара в ее сжатости, трудность — в простоте. Его стихи почти непереводимы — они слишком зависят от облика слова, его звучания, связанных с ним ассоциаций (Незвал, Альберти, Тувим, Назым Хикмет, Неруда читали его стихи в подлиннике, их любовь к человеку была связана с ощущимостью, реальностью его поэзии). Трудно объяснить, в чем сила стихов Элюара, — внешние приметы поэзии отсутствуют: нет ни рифмы, ни размера, ни редкостных эпитетов, ни пышности образа...

Илья Эренбург

О ПЕРЕВОДАХ НЕРУДЫ

Он любит больше всего свой родной язык; с детства повторял стихи не только Кеведо или Хорхе Манрике, но и труднейшего Гонгоры. Он прекрасно владеет французским языком, ценит Бодлера, Рембо, Аполлинера, но, будучи человеком другого материка, он смотрит на сады французской поэзии с умилением человека, выросшего в лесах тропиков. Если же говорить о генеалогии поэзии Неруды, то прежде всего следует назвать Уитмена, это ясно каждому, да и Пабло этого никогда не скрывал, он называл старого американского поэта «мудрым братом» и обращался к нему с просьбой:

Дай мне твой голос и тяжесть твоего сердца!

Современная русская поэзия куда больше связана с унаследованными формами, нежели поэзия Испании, Франции или Латинской Америки. Передать очарование лучших стихотворений Неруды в русском переводе почти невозможно. Переводчики порой прибегали к белому стилю, порой пытались ввести ассонансы, — видимо, боялись, что без привычных атрибутов стихи Неруды покажутся каталогом природы, регистром чувств, коллекцией разрозненных образов. Неруда пишет:

Мир праху мертвых
и тех...

Один переводчик дополняет:

мир праху павших за свободу...

Другой еще щедрее:

...Мира
Для пепла всех умерших там и здесь,
И здесь и там...

У Неруды:

Мир городу утром, разбуженному хлебом...

В одном переводе:

Мир городу, проснувшемуся утром,
когда пора и хлебу просыпаться...

В другом:

...Хочу я мира
Для города в час утренней прохлады,
Когда в пекарне уж проснулся хлеб...

Очарование поэзии Неруды — в органической связи слов, образов, чувствований; они не нуждаются ни в корсете стихотворного размера, ни в бубенцах рифм.

Посредственная поэзия всегда выигрывает, подчиняясь хорошо известным правилам стихосложения, которые требуют преодоления некоторых трудностей и ограничивают размеры произведения. Гранит набережной способен придать обмелевшей речушке державный облик. Даже у больших поэтов, отличавшихся лаконизмом, как Бодлер или Тютчев, можно найти пустые строки. А Неруда написал очень много, причем, кажется, почти все написанное опубликовал. При свободе избранной им формы — можно оборвать поэму на любой строке, можно дописать еще сто страниц — у него попадаются пустоты, строки, похожие впрямь на каталог. Но было бы нелепым останавливаться на неудачах, лучше еще раз напомнить, что Неруда дал язык своей эпохе, сказал многое, что до него не было сказано.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДАМ ИЛЫИ ЭРЕНБУРГА

Как известно, в декабре 1908 г. семнадцатилетний Илья Эренбург был вынужден покинуть царскую Россию, спасаясь от судебного преследования за участие в революционной деятельности, и до июля 1917 г. жил в эмиграции в Париже. Там он стал посетителем «Ротонды» — приюта артистической богемы, из среды которой вышли многие знаменитые впоследствии художники, поэты, прозаики.

Первые годы пребывания в Париже были для И. Эренбурга годами становления и мучительных идеиных поисков. Не обходилось и без резких кризисов. В «Книге для взрослых» (1936) он вспоминает об этих «годах растерянности», о своих попытках разобраться в мире, найти справедливость: «Я хотел во что-нибудь верить: я не знал утром, как прожить день... Я годами бился над тем, откуда приходит зло». Любимые им французские и испанские поэты были спутниками его размышлений, у них он искал ответа на мучившие его вопросы: «В стихах Жамма оправдывался не только голубь, но и коршун... Франсуа Вийона я полюбил за то, что он возвысил человеческую слабость». Любовь к поэзии, естественно, рождала желание перевести, передать другим «слезы Верлена, опьяняенного иным миром, улыбку отчаяния Лафорга или детские молитвы Жамма». Переводы И. Эренбурга, выражаясь словами С. Я. Маршака, были «плодом любви, а не брака по расчету». Эти годы становления были наиболее напряженным периодом в его переводческой деятельности, хотя переводчиком-профессионалом И. Эренбург никогда не стал. В книге «Люди, годы, жизнь» он вспоминает: «Я много переводил, но переводил стихи, а их чрезвычайно редко печатали. Переводил я и современных французских поэтов, и фаблио XIII века, бал-

лады Франсуа Вийона, сонеты Ронсара, проклятья д'Обинье; научился читать по-испански, перевел отрывки из «романсера», произведения протоиерея из Иты, Хорхе Манрике, святого Хуана Кеведо. Это было страстью, а не профессией». Многие из переводимых поэтов оказали значительное влияние на неокрепший «голос» молодого И. Эренбурга. Одни увлечения быстро проходили (как это было о Франсисом Жаммом), другие остались на всю жизнь. Уже при первом контакте с французской культурой поэт понял, что Франсуа Вийон, несмотря на то что он «жил в XV веке, был вором и разбойником», был ему гораздо ближе, чем автор стихотворения «Полдень фавна». («Послеполуденный отдых «фавна»). Баллады Вийона, сонеты Ронсара и Дю Белле, стихи о смерти Хорхе Манрике сопровождали писателя в течение всей жизни.

В 1912 г. И. Эренбург перевел рассказ «Тайна графини Варвары», принадлежавший перу французского поэта-символиста и прозаика Анри де Ренье. Так началась переводческая деятельность И. Эренбурга, особенно напряженная в первые годы его пребывания в Париже. В 1912—1916 гг. он публикует большую часть своих переводов из испанских поэтов, переводы из Франсиса Жамма (1913), антологию «Поэты Франции» (1914), переводы из Франсуа Вийона (1916). Начиная с 1938 г. И. Эренбург много переводил чилийца Пабло Неруду, с пятидесятых годов — кубинца Николаса Гилььена. Тогда же, в пятидесятые годы, он заново шлифует свои переводы из Вийона, заканчивает серию переводов из Иоахима Дю Белле (по крайней мере некоторые из этих последних были сделаны еще в 1916 г., а то и раньше). В книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург вспоминает, как он в «Ротонде» бился над переводом сонета Дю Белле «Зову, кричу...»). Как видим, в зрелый период

своей жизни И. Г. Эренбург как переводчик больше обращался к латиноамериканской поэзии. Из своих французских современников и друзей он перевел немного — всего несколько стихотворений и отрывков из Поля Элюара и Робера Десноса. Это связано, конечно, с особенностями биографии писателя, с его личным участием в борьбе испанских демократов против фашизма, с поездками по Латинской Америке.

Каковы теоретические взгляды И. Эренбурга на поэтический перевод и каковы его практические принципы перевода? Прежде всего он отличал, конечно, перевод прозаический от поэтического, считая поэзию совершенно специфической областью. В статье «О поэзии Поля Элюара» он писал, что «есть такие прозрения, такие ощущения гармонии или разлада, которые не выразить ни в новелле, ни в статье».

Судя по многим высказываниям И. Эренбурга, его не привлекала описательная поэзия (типа Теофиля Готье и «парнасцев») или поэзия, занятая метафизическими вопросами (как поэзия Малларме). Он тяготел к поэзии простых и обнаженных эмоций («небольшие песенки, детские жалобы и сомнения» Верлена), часто сопряженных с логической ясностью и остротой мысли (как у Дю Белле). Он высоко ценил иронию, почти неизбежную у критически мыслящего поэта (Лафорг). Чтобы передать на другом языке ощущение «гармонии или разлада», «слезы Верлена... улыбку отчаяния Лафорга или детские молитвы Жамма», переводчик должен прежде всего постигнуть духовный мир, духовное состояние поэта, перевоплотиться. «Я полагаю, что для совершенного перевода стихотворений необходимо, чтобы переводчик перестал быть самим собой, перевоплотился, стал автором», — писал И. Эренбург в предисловии к книге переводов из Франсиса Жамма. Своей неспособно-

стью перевоплотиться объясняет автор то, что ему «не удалось» перевести последние стихи Франсиса Жамма, написанные после того, как поэт декларировал свое обращение в католичество. Отсутствие таких поэтов, как Рене Гиль, Жюль Ромен, Жорж Дюамель и др., в антологии «Поэты Франции» переводчик объясняет «полной невозможностью найти в их творчестве доступные и близкие ему элементы». Не случайно поэтому, что наибольшие переводческие удачи И. Эренбурга приходятся на стихи поэтов, внутренне ему наиболее близких, несмотря на отдаленность во времени: Хорхе Манрике, Франсуа Вийона, Дю Белле, Верлена.

И. Эренбург не раз писал о значении самой формы стиха, слов и образов для передачи специфических для поэзии ощущений «гармонии или разлада». Трудность перевода поэзии Элюара И. Эренбург видел в том, что его стихи «держатся на ритме и загадочном сплетении слов», и относил Элюара к поэтам, которые не показывают, а «ворожат», чьи стихи «неотделимы от магического сочетания слов». Переводчик жалел, что он часто по необходимости «обескрашивал образы, сглаживал обороты» Франсиса Жамма. Неоднократно И. Эренбург писал, что он стремился по возможности передать форму стихотворения, особенности рифмовки, образности, отступления от классического стиха, свободный и «освобожденный» стих и т. п., меняя размеры, делая пропуски слогов. Однако эти заявления порой оставались декларативными.

В предисловии к переводам из Франсуа Вийона И. Эренбург сам писал об этом: «Переводя баллады, составленные из отдельных образов или выражений («Баллада примет», «Баллада противоречий» и т. п.), я, сохраняя, мне кажется, общий дух и форму, был принужден часто заменять выражения, картины другими, более или менее им соответ-

ствующими. Что это означает? Приведем такой пример. Начало «Баллады истин наизнанку» можно перевести примерно так: «Нет лучше ухода, чем морить голодом, лучше услуги, чем от врага, нет лучше еды, чем охапка сена, лучше сторожа, чем спящий, только обманщик милосерден, только трус надежен, только вероломный человек верен слову, только влюбленный — хороший советчик». И. Эренбург, сохранив сам принцип противопоставления, часто меняет противопоставляемые понятия:

*Мы вкус находим только в сене
И отдыхаем средь забот.
Смеемся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво,
Красоткам нравится урод,
И лишь влюбленный мыслит здраво.*

Порядок противопоставлений, конечно, полностью изменен. Во второй строфе перевода встречаем строки из первой строфы баллады Вийона: «На помощь только враг придет... Кто крепко спит, тот стережет» и т. д. Все эти изменения, видимо, оправданы, поскольку суть стихотворения не в отдельных понятиях, а в их остроумном противопоставлении. Но есть у И. Эренбурга и такие переводы, как, например, «Противоположения Фран-Гонтье». Здесь при великолепной передаче духа, интонации стихотворения Вийона сохранена и почти буквальная точность. В принципе И. Эренбург, видимо, считал фактическую точность совсем не обязательной в поэтическом переводе. Вместе с тем он был, конечно, против того, чтобы, по выражению М. Лозинского, «переливать чужое вино в свои при-

вычные мехи». Судя по всему, его идеалом было стремление воссоздать подлинник во всем своеобразии его содержания и формы. И. Эренбург считал, например, принципиально важным передачу особенностей свободного стиха Пабло Неруды, критикуя при этом переводчиков, которые добавляют от себя отдельные слова, целые выражения и строки, заменяя тем самым простоту и обнаженность языка поэта условными поэтическими штампами. В предисловии К переводу книги Пабло Неруды «Испания в сердце» (1939) И. Эренбург отмечал: «Перевод его стихов труден. Я старался не отступать от подлинника».

В заключение необходимо сказать о высокой требовательности И. Эренбурга к своим переводам. Видимо, одной из причин того, что он так мало перевел из Поля Элюара, было его убеждение в непереводимости его стихов на другой язык, поскольку обаяние многих элюаровских строк, как и многих стихов Верлена, «относится к найденному сочетанию обычных слов и его немыслимо воссоздать на другом языке». В статье «О поэзии Поля Элюара» И. Эренбург даже предпочел дать прозаический подстрочник, а не стихотворный перевод цитируемых стихов.

В настоящее издание вошло большинство опубликованных И. Эренбургом переводов из французской поэзии. Не перепечатываются лишь некоторые отрывки из произведений Франсуа Вийона, Ронсара, Дю Белле, Лафонтена, Блеза Сандрара, Аполлинара, а также старые варианты заново переработанных автором переводов (последнее относится к отдельным стихотворениям Франсуа Вийона). Менее полно представлена испаноязычная поэзия. Так, в книгу не включены отрывки из песен испанских республиканцев (Рафаэля Альберти, Мануэля Альтолагире и др.), неоднократно пе-

реиздававшиеся переводы из Пабло Неруды («Всеобщая песнь», «Пусть проснется лесоруб» и ряд других его произведений). Немногочисленные переводы из народных песен И поэзии славянских народов также не включены в сборник.

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Жак де Бэзье (XIII в.) *O трех рыцарях и о рубахе.* Печатается по тексту первой публикации: «Французские повести XIII в.», М., 1916. Жак де Бэзье — трубер XIII века.

Песни крестовых походов. Перевод песен впервые был опубликован в журнале «Русская мысль», М., 1918, № 3—6. Приводим комментарии переводчика:

Рыцари, вас зову на борьбу

Автор песни неизвестен. Это самая старая из всех сохранившихся песен крестовых походов. Она сложена перед вторым походом, около 1146 г. Рифмы в песне часто заменены ассонансами.

Я вам пою, вы долго спали...

Эта песня принадлежит мэтру Рено. Она сложена перед третьим крестовым походом в 1189—1190 гг. Сильный тон проповедника, простота стихосложения, чуждая более изысканных форм трубадуров, говорит за то, что эта песнь была сложена для народа и пелась на площадях жонглерами.

Братья, новый день встает...

Автор песни неизвестен. Она сложена около 1189 г. Начало ее взято из любовной песни «Chanson d'éveil».

Я сложу эту песнь, изнывай...

Автор этой песни — Гуйо из Дижона. Она сложена во время третьего похода, т. е. около 1189 г. Рифмы перемешаны с ассонансами. Возглас «outre», «outré», «oult-ga» для нас остается непонятным. «Outré» кричали, идя в бой, участники первого похода, этот возглас также входил в песни пилигримов, совершивших богоомолье в Кампостело св. Иакова.

Ликуйте, радуйтесь отныне...

Автор этой песни неизвестен. Сложена она в 1224 г. Жувавиль, описывая болезнь короля Людовика IX и как он принял крест, подтверждает верность рассказа нашей песни.

Дама нежная, скрестивши руки...

Автор этой песни и время, когда она была сложена, неизвестны. По характеру стиха можно отнести ее к первой половине XIII в. Это единственная из песен крестовых походов в форме диалога.

Народные песни XV—XVIII веков. Все песни печатаются по тексту публикации в журнале «Москва», 1957, № 3.

Франсуа Вийон (1431—1465). Вначале помещены новые, переработанные И. Эренбургом переводы: *Баллада поэтического состязания в Блуа*, Я знаю, что вельможа и бродяга... (Из «Большого завещания»), *Баллада и молитва*, Где крепкие, тугие груди?.. (Из «Жалоб прекрасной оружейницы»), *Баллада прекрасной оружейницы девушкам легкого поведения*, *Баллада, в которой Вийон просит у всех пощады*, Я душу смутную мою... (Из «Большого завещания»), *Послание к друзьям*, *Баллада истин наизнанку*, *Спор между*

ду Вийоном и его душию, Рондо, Эпитафия, написанная Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы, Баллада примет. Все они опубликованы в журнале «Иностранная литература», 1956, № 7. К старым переводам относятся: *О юности могу грустить я...* (Из «Большого завещания»), *Противоположения Фран-Гонтье, Вийон своей подруге Баллада, (Заключительная), Эпитафия, Баллада о домах былых времен, Баллада Вийона к толстой Марго, Для матери молитва скреплена...* (Из «Большого завещания»), *Баллада, которую Вийон написал своей матери, чтобы она прославляла Богородицу, Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он был приговорен к смерти.* Старые переводы печатаются по книге: Франсуа Вийон. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения, М., изд-во «Зерна», 1916.

В предисловии к этой книге И. Эренбург писал: «Я перевел несколько отрывков из «Большого завещания», большую часть баллад, как включенных в него, так и написанных Вийоном в другое время. В ряде стихотворений («Баллада к толстой Марго», «Жалобы кабатчицы» и др.) по внешним причинам пришлось сделать выпуски. Переводя баллады, составленные из отдельных образов или определений («Баллада примет», «Баллада противоречий» и т. п.), я, сохраняя, мне кажется, общий дух и форму, был принужден часто заменять выражения, картины другими, более или менее им соответствующими».

Видимо, «выпуски» и отдельные неточности послужили причиной переработки И. Эренбургом большинства переводов из Вийона. Новые переводы часто значительно отличаются от старых. Для сравнения приведем прежний вариант «Баллады, в которой Вийон просит у всех пощады» («Ballade de merci») под ее первоначальным заглавием:

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ВИЙОН БЛАГОДАРИТ КАЖДОГО

*Бенедиктинцам, всем отцам,
Прохвосту, жулику и вору,
Служанкам, паре пышных дам,
Замысловаты чыи уборы,
Фигляру с сусликом, актеру,
Таверне и монастырю,
Ночных кутил хмельному хору
Я всем кричу — благодарю!*

*Ребятам и большим глупцам,
Чыи мне приелись разговоры.
И девкам, что за гроши юнцам
Все оголяют без зазора.
Безбожнику и бабке хворой,
Забавнику и звонарю,
И прощелыге — в эту пору
Я всем кричу — благодарю!*

• • • • •
*Но не предателям, не псам
• • • • •
Эх, чтоб теперь оставить споры,
Я всем кричу — благодарю!*

П о с л а н и е

*Им ребра сосчитывают скоро
Дубинкой, тут я посмотрю,
Как их поучат у забора.
Я всем кричу — благодарю!*

В статье «Поэзия Франсуа Вийона», опубликованной в журнале «Иностранная литература», 1956, № 1, а затем вошедшей во «Французские тетради» (М., 1968), И. Эренбург приводит для иллюстрации несколько отрывков из произведений Франсуа Вийона, которые составители не включили в настоящее издание: «Я беден, беден был я с детства...», «Она печалится о сыне...» (из «Большого завещания»), «Я женщина убогая, простая...», (из «Баллады, которую Вийон написал своей матери, чтобы она прославляла Богородицу»), «Что ветер, снег? Мне хлеб всегда готовый...», «Встречать — встречал, любить — любили...», «Огромные на блюдах рыбы...», «А в чем повинен я? В насилии?...», «Сгниют под каменным крестом...».

Противоположения Фран-Гонтье. Эта баллада была ответом Вийона на пасторальную поэму епископа Филиппа де Витри, прославлявшую радости сельской жизни дровосека Фран-Гонтье и его жены Елены.

Баллада Вийона к толстой Марго. Предпоследняя строчка первой строфы исправлена И. Эренбургом:

Как захотите, приходите снова.

Вторая и третья строки второй строфы также исправлены:

*Коль без гроша Марго придет домой.
Я видеть не могу ее! Она ужасна!*

Для матери молитва скреплена... (из «Большого завещания»). Исправлены последние четыре строфи:

*Убежище ты (нрзб) твердыни!
Чтоб тело и чтоб душу ограждать
От всех печалей и от всех уныний.
Старуха бедная, родная мать!*

Баллада, которую Вийон написал своей матери, чтоб она прославляла Богородицу. Исправлены третья и четвертая строки второй строфы.

*Ведь Магдалину он простил, я знаю,
Да и монаха, что грешил стократ.*

В последнюю строфиу и первую строчку «Послания» внесены многочисленные исправления:

.
*Я женщина убогая, простая.
Читать я не могу, меня страшат
На монастырских стенах (нрзб) рая,
Где лиры, арфы, а под раем ад,
Там черти нечестивцев кипятят.
Как радостно в раю, как страшно ада,
Среди костров и холода и глада!
И на тебя мне бедной (нрзб)
Ты для меня надежда и ограда.
Хочу в сей вере жить и умереть.*

Послание

Ты, мать божия, — моя ограда!

.

В статье «Поэзия Франсуа Вийона» И. Эренбург приводит иной вариант того же отрывка: «Для матери он написал молитву и в ней вспомнил фрески церкви святого Бенедикта:

*Я — женщина убогая, простая.
И букв не знаю я. Но на стене
Я вижу голубые курицы рая
И грешников на медленном огне,*

*И слезы лью, и помолиться рада —
Как хорошо в раю, как страшно ада!»*

Ронсар (1524—1585). Сонет «Старухой после медленного дня...» печатается по тексту статьи «Поэзия Иоахима Дю Белле», вошедшей в книгу «Французские тетради» (М., 1958). В статье И. Эренбург пишет: «Сорок лет назад я зачитывался Ронсаром и перевел тогда один из его сонетов, обращенный к Елене». Там же приведен перевод отрывка из Ронсара «Когда сложить я должен словословье...». В пятой книге «Люди, годы, жизнь» автор приводит отрывок из Ронсара, который ранее он вставил в роман «Падение Парижа»:

*Признает даже смерть твои владенья,
Любви не выдержит земля,
Увидим вместе мы корабль забвенья
И Елисейские поля...*

Иоахим Дю Белле (1622—1560). Подборка сонетов Дю Белле из книги «Французские тетради» (М., 1958) печатается здесь полностью. В настоящее издание не вошли отрывки из стихотворений Дю Белле, включенные И. Эренбургом в текст статьи «Поэзия Иоахима Дю Белле»: «Слова возвышенны и ярки...», «Хочу любить я без оглядки...», «Ростовщикам я раздаю улыбки...».

Интерес И. Эренбурга к творчеству Дю Белле имеет давнюю историю. Уже в 1916 г. в газете «Биржевые ведомости» от 18 сентября И. Эренбург помещает следующий сонет Дю Белле:

СОНЕТ

*Коль есть скиталец, детище уныний,
Что вечно чуждым воздухом дыша,*

*От пристани до пристани спеша
И открывая новые святыни —
Не вспоминал о брошенной долине,
О речке, о затонах камыша,
Чья жадная не плакала душа,
Скорбя, не изнывала на чужбине —
То это сын скалы, волчихи злой,
Сосавший грудь подстреленной тигрицы.
Но нет! И дикое зверье и птицы
Ползут, бегут, летят к земле родной.
А пойманы порой глядят с тревогой
Туда, где их гнездо, нора, берлога.*

Эжен Потье (1816—1887). *Жан-Нищета*. Это стихотворение (1880) — в других переводах «Жан-Бедняк», «Жан-Горемыка» — помещено в тексте статьи И. Эренбурга «18 марта», опубликованной в газете «Известия» от 18 марта 1935 г.

Стефан Малларме (1842—1898). *Полдень фавна*. Эта эклога, написанная в 1865—1866 гг., более известна под названием «Послеполуденный отдых фавна». Стефан Малларме — поэт, наиболее полно воплотивший в своем творчестве принципы французского символизма, теоретик и «мэтр», вокруг которого группировались молодые поэты.

Стихотворением Малларме «Полдень фавна» начинается книга «Поэты Франции. 1870—1913», изданная И. Эренбургом в издательстве «Гелиос», Париж, 1916. В настоящем издании сохранен тот же порядок расположения материала, что и в книге «Поэты Франции», за некоторыми исключениями. Опущены вступительные очерки биографо-критического характера, где переводчик характеризовал каждого из поэтов, включенных им в антологию. Стихотворения

Франсиса Жамма (*Полезный календарь, Молитва, чтобы войти в рай с ослами, Молитвы, как цветы, восходят к богу..., Перед зимой на телеграфных проводах...*) перенесены отсюда в раздел, посвященный Франсису Жамму. Отрывок из поэмы Филиппо Томмазо Маринетти (1876—1944) «Мое сердце из красного сахара...» вообще опущен. Родоначальник футуризма Маринетти, хотя писал также и по-французски, был все же итальянским поэтом. В книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург рассказывает об истории этого перевода: «В Париже меня познакомили с поэтом Маринетти; он был очень самоуверен и столь же честолюбив: дал мне свою поэму «Мое сердце из красного сахара». «Если вы ее переведете, вы откроете России поэта завтрашнего дня...» Я перевел отрывок и снабдил его маленьким предисловием: «Трудно любить стихи Маринетти. От него отталкивают внутренняя пустота, особенно дурной вкус и наклонность к декламации». (Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 106.)

В предисловии к книге «Поэты Франции» И. Эренбург писал: «В этой книге собран ряд переводов стихотворений поэтов, объединенных скорее личными пристрастиями, чем каким-либо общим планом... Все же в целом, закончив переводы, я с радостью заметил, что мне удалось (плохо или хорошо — пусть судит читатель) перевести почти всех больших поэтов последних сорока лет. (Я не включил в эту книгу переводов бельгийских поэтов, полагая, что на творениях Верхарна, Эскальмпа и др. лежит глубоко национальная печать, выделяющая их из ряда «поэтов Франции».) Что касается выбора стихотворений, то и он отнесен печатью личного вкуса и не всегда является характерным для цельного облика данного поэта. Так, в творчестве Верлена меня больше всего привлекли его небольшие песенки, дет-

ские жалобы и сомнения, а не поэмы, насыщенные часто глубокой мыслью (как «Мистический диалог» и др.); из Поля Фора я взял не пантеистические гимны, а маленькие «баллады», приближающие его творчество к народной поэзии, и т. п.

В переводе я, конечно, по возможности сохранял форму стихотворения. Всякое уклонение от классического стиха, т. е. не только «свободный», но и так называемый «освобожденный» стих я старался отметить в переводе, употребляя пропуск слогов, смешение различных размеров и т. п. (...)

70—80-е годы являются для французской поэзии эпохой истинного возрождения. Достаточно назвать имена Верлена, Рембо, Малларме, Самена, Лафорга, Жамма, чтобы увидеть, как велики и разнообразны были поэты этого исключительного периода. Переводить их стихи для русского поэта — высокое наслаждение. Думать, что, быть может, за неловкими и бледными строками читатель почтет слезы Верлена, опьяненного иным миром, улыбку отчаяния Лафорга или детские молитвы Жамма, пусть искаженные, пусть обесцвеченные неумелой рукой переводчика, — как это радостно! (...))

Французских поэтов, включенных И. Эренбургом в свою антологию, можно в основном отнести к двум большим группам. Наиболее многочисленная из них — группа поэтов, так или иначе связанных с движением символизма. Это молодые поэты-символисты, выступившие в 80-е годы: Жан Мореас, Гюстав Кан, Жюль Лафорг, Франсис Вьеле-Гриффен, Анри де Ренье, Альбер Самен, Шарль Герен. Среди них были и второстепенные, забытые теперь поэты: Луи Ле Кардоннель, Адольф Ретте, Поль Руанар. С движением символизма было связано также творчество Поля Верлена, Ар-

тиюра Рембо, Шарля Кроса, Поля Фора. Другая значительная группа — поэты-унанисты, выступившие впервые около 1906 г. и противопоставившие символизму новую гуманистическую программу. В первой книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург рассказывает о них: «В предместье Парижа Кретей, в помещении бывшего аббатства, поселились несколько поэтов; они писали стихи, готовили себе еду и сами печатали свои произведения на ручном станке. Так родилась литературная группа «Аббатство»; многие из ее участников впоследствии стали знаменитыми: Дюамель, Жюль Ромен, Вильдрак. Всех этих поэтов объединяло стремление уйти от узкого индивидуализма, вдохновляться мыслями и чувствами, которые присущи всем. Были в «Аббатстве» и поэты, подававшие мало надежд, среди них Мерсеро...» (Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 107.) Этот «поэтический фаланстер» просуществовал немногим более года, но на его основе возникла группа унанистов, к ней были близки вошедшие в антологию поэты Николя Бодуан и Фернан Дивуар.

В целом, хотя антологии И. Эренбурга присуща некоторая односторонность и случайность в выборе поэтов и произведений (много второстепенных и недостает некоторых очень значительных поэтов), она довольно верно отражает состояние французской поэзии в период 1870—1918 гг.

Поль Верлен (1844—1896). Стихотворение *Сентиментальная прогулка* взято из первой книги поэта «Сатурновские стихотворения» (1866); стихотворения *Сентиментальный разговор* и *Амур на земле* — из книги «Галантные празднества» (1869); *Свет луны туманной...* — из «Песни чистой любви» (1870); стихотворения *Тень деревьев...*, *Рука печальная ласкает пианино...*, *Сердце тихо плачет...*, взяты

из книги «Романсы без слов» (1874); *Бедные добрые помыслы...* — из книги «Мудрость» (1881).

Артур Рембо (1854—1891). Стихотворения *Сон на зиму* и *«Les chercheuses de poix»* («Искательницы вшей») написаны в 1870 г. Последнее стихотворение ранее переводилось Валерием Брюсовым.

Жан Мореас (1856—1910). Один из поэтов французского символизма, в 1891 г. порвал с этим движением и основал «романсскую школу», призывая вернуться к классическим формам. Книга стихов «Стансы» написана в 1899—1901 гг.

Поль Руанар (1856—?). Поэт, близкий к символистам, автор ряда злободневных политических стихотворений.

Альбер Самен (1858—1900). Поэт-символист, его манера отличается мастерской передачей тонких душевных настроений.

Реми де Гурмон (1858—1915). Поэт, близкий к символистам, прозаик и литературный критик, автор известной работы «Книга масок», посвященной французским поэтам конца XIX в. Некролог о нем, опубликованный в газете «Утро России» 28 ноября 1915 г., И. Эренбург назвал «Великий книжник. (К смерти Реми де Гурмона)». В тексте статьи — отрывок из стихотворения «Волосы».

Гюстав Кан (1859—1936). Французский поэт-символист. Ему и Жюлю Лафоргу обычно приписывают приоритет в открытии в середине 80-х годов верлибра, французского «свободного стиха».

Жюль Лафорг (1860—1887). Один из самых искренних я оригинальных поэтов-символистов, сочетающий глубокую меланхолию с иронией и юмором.

Луи Ле Кардоннель (1862—1936). Поэт-символист, сильное влияние на его поэзию окказал католицизм. Стихотворение *Кипарисы* впервые опубликовано в тексте статьи И. Эренбурга «Заметки о французской поэзии» (журнал «Хмель», М., 1913, № 7—9).

Адольф Ретте (1863—1930). Поэт-символист.

Франсис Вьеле-Гриффен (1863—1937). Поэт-символист, американец по происхождению, признанный мастер «свободного стиха».

Анри де Ренье (1864—1936). Один из самых артистичных поэтов и прозаиков символизма, сохранивший в своем стиле живописность парнасцев.

Поль Фор (1872—1960). В молодости был близок к символистам, известен как создатель записанных прозой «Французских баллад» (около сорока сборников), навеянных народным творчеством. В 1912 г. Полю Фору был присвоен титул «князя поэтов».

Шарль Герен (1873—1907). Поэт-символист.

Сен Жорж де Буалье (правильнее Бузелье, но в этом случае, как и в некоторых других, мы сохраняем написание переводчика) (1876—1947). Поэт, драматург и прозаик. В середине 90-х годов — вождь группы поэтов-натуристов, противопоставлявших условности символистской тематики обращение к повседневной реальности.

Андре Спир (1868—1966). Один из первых поэтов и теоретиков верлибра. Его поэзию высоко ценил Ромен Роллан.

Гийом Аполлинер (псевд., настоящее имя Аполлинарий Костровицкий) (1880—1918). Крупнейший французский лирик начала XX в.; пропагандировал современное искусство, в частности живопись кубистов, оказал большое влияние на последующее развитие поэзии. *Отрывок* Аполлинара «Много погибло прекрасных грез...» (из сюиты «Песнь несчастного в любви»), *Крокусы*, *Отрывок* «Я смело взглянул назад» взяты из книги «Алкоголи» (1912). В тексте воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» перевод первой строфы стихотворения «Крокусы» дан в новой редакции:

*Долина осенью пышна, но ядовита,
И медленно бредут по ней коровы,
Вбирая темный и тягучий яд.
От крокусов долины той лиловой,
Как крокус, пышен и лилов твой взгляд,
И в жизнь мою из глаз твоих струится
Такой же медленный и страшный яд.*

Аполлинер один из первых поэтов, переставших в своих стихах употреблять знаки препинания.

Шарль Крос (встречается и иная транскрипция: Кро) (1842—1888) — поэт, предшественник символизма.

Андре Сальмон (1881—1969). Поэт, в молодости принадлежавший к тому же поэтическому поколению, что и Аполлинер и унанисты. В своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург вспоминал: «Поэт Андре Сальмон прочитал мне свою поэму, озаглавленную русским словом

«Приказ», в ней он прославлял подвиг русского народа». (Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 386). Перевод отрывка из этой поэмы, явившейся откликом на Октябрьскую революцию, приведен в книге И. Эренбурга «А все-таки она вертится», в главе «Революция в искусстве и революция вообще», Москва — Берлин, 1922.

Александр Мерсеро (1884—1945). Французский поэт, входил в группу «Аббатство». И. Эренбург встречался с ним в Париже в десятилетие годы, когда работал над антологией «Поэты Франции». В книге «Люди, годы, жизнь» он пишет, что Мерсеро «был поэтом малопримечательным, но обходительным человеком: он приносил мне книги и знакомил со своими более прославленными товарищами».

(Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 107.)

Николя Бодуань (правильнее Бодюэн) (1881—1960). Поэт и романист, был близок к группе унанистов.

Шарль Вильдрак (род. в 1882 г.). В молодости — поэт группы унанистов, писал сильные своей простотой и искренностью стихи о человеческой солидарности. Впоследствии также драматург, автор пьесы «Пароход „Тенесити“» (1920), сыгравшей большую роль в возрождении французской реалистической драмы. Имя Шарля Вильдрака, члена Ассоциации революционных писателей и художников Франции, сторонника Народного фронта, участника Сопротивления, прогрессивного деятеля культуры, часто встречается на страницах воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Фернан Дивуар (1883—?). Поэт, близкий к унанистам, затем основатель литературной группы симультанистов.

Тристан Дерем (1889—1941). Интимный лирик, для его манеры характерен импрессионизм в передаче душевых переживаний.

Альбер-Жан (род. в 1892 г.). Поэт, позднее романист и драматург.

Жан Дорсенюс (1892—?). Поэт, выпустивший, судя по примечаниям И. Эренбурга, два сборника стихов, но теперь совершенно забытый. Стихами Дорсенюса заканчивается книга «Поэты Франции».

Франсис Жамм (1868—1938). Его поэзия отличается обнаженной простотой, разговорностью языка, подлинным чувством природы. Большинство переведенных И. Г. Эренбургом стихотворений создано до того, как поэт декларировал свое «обращение» в католичество (1905). В настоящем издании полностью перепечатываются переводы (И. Эренбурга из книги Франсиса Жамма «Стихи и проза» (Стихи в переводе И. Эренбурга, проза — Е. Шмидт), М., 1913).

Стихотворения Франсиса Жамма взяты переводчиком из следующих книг:

«От утреннего благовеста до вечерни» (1888—1897): *Полезный календарь, Он мирно на куске своей земли живет..., Кто-то тащит на убой телят..., Есть здесь старинный дом..., Вот кто славным трудится трудом!..., Это было вечером, оттенок гор..., В экипаже ехал я в деревню эту..., Собака в снег пугается идти, и ей..., Я читал романы, сборники стихов..., Вот уж с дождями осень подошла..., Ты с грязным стадом и с лохматым псом....* Стихотворение Я читал романы... ранее приводилось И. Эренбургом в его статье «Заметки о французской поэзии», помещенной в журнале «Хмель», М., 1913, № 7—9.

«Траур весен» (1899—1900): Элегия, Молитва, чтобы ребенок не умер, Молитва, чтобы получить звезду, Молитва, чтобы войти в рай с ослами.

Поэма *Жан Нуаррьо*, из которой И. Эренбургом переведен отрывок, входит в книгу «Горжество жизни» (1900—1901).

«Прогалины в небе» (1902—1906): Уж завтра будет год, как я в Одо печальный..., Висит на белой стенке у кровати..., Молитвы, как цветы, восходят к богу..., В это утро наша церковь весело звонила..., В городке, где показалась Богоматерь..., цикл Слава Марии: Агония, Бичевание, Венчание терниями, Крестная ноша, и стихотворение Перед зимой на телеграфных проводах...

В предисловии к книге Франсиса Жамма «Стихи и проза» И. Эренбург писал:

«Я полагаю, что для совершенного перевода стихотворений необходимо, чтобы переводчик перестал быть самим собой, перевоплотился, стал автором. Этого сделать мне не удалось. Простота, детская наивность, уклад жизни, наконец вера в бога и в церковь Жамма почти всегда являлись для меня лишь недостижимым идеалом. Вот почему, не говоря уж о силе, читатель никогда не найдет в этой книге того подлинного, своеобразного, что составляет главную прелесть стихов Жамма. Я чувствую, как часто я обескрашивал его образы, сглаживал его обороты и заменял его язык «общепoэтическим».

Также несвободен был я в выборе стихотворений. Мне не удалось почти перевести его последних стихов (1905—1912), написанных после «обращения» в католичество. Я переводил каждый раз не то, что любил и хотел, а то, что мог.

Форма стихотворений Жамма крайне своеобразна, и най-

ти соответствующую ей в русском стихе мне удалось лишь в слабой степени. Ближе других к оригиналу по форме стихи, переведенные мной за последнее время (*Полезный календарь, Перед зимой...* и др.).

Во всяком случае, я буду считать свою задачу выполненной, если эта книга, не давая художественного удовлетворения, все же заинтересует читателя и заставит его обратиться к подлиннику...»

Увлечение поэзией Франсиса Жамма в начале десятых годов было связано для молодого И. Эренбурга с поисками положительных идеалов. Увлечение было сильным, но недолгим. Вот что рассказывает об этом сам автор в книге «Люди, годы, жизнь»: «Я прочитал книгу поэта Франсиса Жамма; он писал о деревенской жизни, о деревьях, о маленьких пиренейских осликах, о теплоте человеческого тела. Его католицизм был свободен и от аскетизма и от ханжества: он хотел, например, войти в рай вместе с ослями. Я перевел его стихи и начал ему подражать: пантеизм показался мне выходом... На короткий срок меня прельстила философия Жамма... Меня давно мучила мысль: откуда приходит зло?.. Франсис Жамм разрешил мне приехать к нему... Он мне понравился, но я понял, что он не Франциск Ассизский и не отец Зосима, а только поэт и добрый человек; уехал я от него с пустым сердцем... Вскоре мне опротивело играть в ребячество. Я начал подражать Гийому Аполлинеру». (Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 78—70).

Шарль Пеги (1873—1914) — французский поэт, социалист, друг Ромена Роллана. В годы первой мировой войны в его творчестве усилились националистические и религиозные мотивы. Ушел на фронт добровольцем и погиб в 1914 г.

Блаженны погибшие в великих боях... (отрывок из поэмы на библейский сюжет «Ева», 1913). Перевод отрывка включен в текст статьи И. Эренбурга «Старые раны. Могила Шарля Пеги», опубликованной в газете «Биржевые ведомости», Петроград, I изд., 21 дек. 1916 г. Перевод отрывка *Они разрушают дома...* включен в текст статьи И. Эренбурга «В пустыне», опубликованной в газете «Биржевые ведомости», I изд., 16 мая 1917 г.

Робер Деснос (1900—1945). Переводы его стихотворений печатаются по книге И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». (Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 514—515). Робер Деснос — один из крупных французских поэтов, вышедших из сюрреализма. В Бухенвальде, фашистском лагере смерти, было написано стихотворение *Взгляни — у бездны на краю трава...* и его последнее стихотворение *Я так мечтал о тебе...*, посвященное жене. Стихотворение *Улица Сен-Мартен у меня была...* («Куплеты об улице Сен-Мартен») написано во время оккупации, в 1942 г.

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Гонсало из Берсео (XIII в.). *Явления богородицы, записанные монахом Гонсало из Берсео. Явление седьмое.* Перевод впервые опубликован в работе И. Эренбурга «Из переводов испанских поэтов». Киев, 1919, сборник I. «Гермес». Апрель. (Ежегодник искусства и гуманитарных знаний.) «Первый испанский поэт в начале XIII века Гонсало де Берсео... писал, как все его современники, о чудесах, но те чудеса, которые у французов выглядели изложением догматов церкви, в стихах де Берсео — изображения действительности: богоматерь становится повитухой, чтобы по-

мочь монахине, нарушившей обет целомудрия» (из статьи И. Эренбурга «О некоторых испанских писателях». Собр. соч. в 9 томах, т. 6, стр. 668.).

Хуан Руис (умер в 1350 г.) Стихи *О наружности протоиерея и о встрече с доньей Гаросой* взяты из «Книги о добре любви» Хуана Руиса (протоиерея из Ита). Впервые опубликовано в работе И. Эренбурга «Из переводов испанских поэтов», Киев, 1919 г., сборник I, «Гермес». Апрель. (Ежегодник искусства и гуманитарных знаний). В статье «О некоторых испанских писателях» (1964) И. Эренбург писал: «Один из моих любимых поэтов — Хуан Руис, обычно известный под служебным титулом протоиерея из Ита. Его «Книга о добре любви» написана в первой половине XIV века, то есть за сто лет до «Большого завещания» Франсуа Вийона. Хуан Руис описывает и нравы общества, и себя, и свою запретную любовь к монахине, с которой его познакомила старая сводня; его ирония жестока и поэтична, он сложен, свободен от догм и часто, издеваясь над цензурой-дурой, которая не вчера родилась, говорит, что показывает свои грехи для того, чтобы прославить добродетель». (Собр. соч. в 9 томах, т. 6., стр. 670.)

Хорхе Манрике (1440—1478). *На смерть дона Родриго, рыцаря ордена св. Иакова, его отца.* Перевод и статья «Стихи о смерти» (см. Приложение) впервые опубликованы в газете «Понедельник», М., 16/29 апр. 1918, № 9. Перевод строфы «Не богатство сплело ему лавры...» впервые опубликован в тексте статьи И. Эренбурга «Тени. В испанском кафе», помещенной в газете «Утро России», М., 16 янв. 1916 г., № 15. Стrophe «Наша жизнь лишь реки...» вставлена И. Эренбургом в текст его статьи «Умер Мачадо», опубликованной в газете «Известия» от 24 февраля 1939 г. Та

же строфа в книге «Люди, годы, жизнь» дана в новой редакции:

*Наша жизнь — это реки,
А смерть — это море,
Берет оно столько рек,
Туда уходят навеки
Наша радость и горе,
Все, чем жил человек...*

Перевод строфы «Итак, столько пешек передвинув...» в книге «Люди, годы, жизнь» (Собр. соч. в 9 томах, т. 8, стр. 569—670) дан в новой редакции:

*Итак, столько пешек передвинув
На шахматном поле
И страсть утоля,
Итак, низвергнув столько властелинов,
Сражаясь по доброй воле
За короля,
Итак, изведав различные испытания,
Которых перечислить нет силы теперь,
Он заперся в своем замке Оканья,
И смерть постучала в дверь.*

ИЗ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Пабло Неруда (род. в 1904 г.). Перевод стихотворения «Утро, полное бурь...» из книги «Двадцать песен о любви» (1924) печатается по тексту статьи И. Эренбурга «Пабло Неруда». (Собр. соч. в 9 томах, т. 6, стр. 632.). Перевод книги стихов «Испания в сердце» (20 стихотворений) печатается полностью по изданию: Пабло Неруда. «Испания в сердце. Стихи». М., Гослитиздат, 1939.

И. Эренбург познакомился с чилийским поэтом весной 1936 г. в Мадриде. Стихотворения из книги «Испания в сердце» он перевел в 1968 г. Книга «Испания в сердце» вышла в Чили (1936), затем Военный комиссариат Восточной армии переиздал ее в Испании (1938). Об этом редком издании И. Эренбург рассказал в статье «Пабло Неруда»: «Солдаты Арагонского фронта изготовили тряпичную бумагу, набрали и напечатали книгу. Неруда рассказывал, что в парламентской библиотеке Вашингтона он увидел «Испанию в сердце» среди редчайших изданий. Я сохранил экземпляр этой книги с дарственной надписью Пабло — «Книга горя и надежд». (Собр. соч. в 9 томах, т. 6, стр. 636.)

Николас Гильен (род. в 1902 г.). Все стихотворения печатаются по сборнику: Н. Гильен. «Стихи». М., 1952. (Предисловие И. Г. Эренбурга.) Перевод стихотворения *Моя родина кажется сахарной...* впервые был опубликован в сб. «В борьбе за мир» М.—Л., 1949 и затем неоднократно перепечатывался. *Хосе Рамон поет в баре, Когда я пришел на эту землю..., Элегия, Венесуэльская песнь, Венесуэла* вошли в цикл «Песни Кубы», опубликованный в журнале «Знамя», 1949, № 8.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Эренбург не написал специальной работы, где бы он в систематическом виде изложил свои взгляды на искусство перевода. Частично он их высказал в ряде предисловий переводчика, цитируемых нами в примечаниях. Он их высказал также в ряде статей, которые — целиком или в отрывках — публикуются в Приложении к настоящему изданию.

«Стихи о смерти» — см. примечание к Хорхе Манрике.

«Старая французская песня». Статья печатается по книге «Французские тетради», М., 1958.

«О поэзии Поля Элюара» — отрывок из статьи И. Эренбурга того же названия. Печатается по тексту: Собр. соч. в 9 томах, т. 6, стр. 505. Полль Элюар (1895—1952) — один из крупнейших французских лириков, участник движения сюрреалистов. В годы Сопротивления произошел перелом в его творчестве. В 1942 г. Полль Элюар стал коммунистом. «От горизонта одного — к горизонту всех» — так резюмировал свой творческий путь сам поэт. Как ясно из статьи, И. Эренбург был горячим поклонником его поэзии, но считал ее слишком связанный с нюансами французского языка, чтобы быть адекватно переведенной на другой язык. Поэтому он предпочел дать прозаический подстрочник. Однако в воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург дает некоторые переводы из Элюара свободным стихом и в несколько измененной редакции, а именно: отрывок «Есть слова, которые помогают жить...» из стихотворения «Габриэль Перси», вошедшего в сборник «Лицом к лицу с немцами» (1945) и стихотворение «Мы идем вдвоем, взявшись за руки...» — одно из последних стихотворений поэта, вошедшее в книгу «Феникс» (1951). Приводим перевод последнего стихотворения:

Мы идем вдвоем, взявшись за руки,
Нам кажется, что мы повсюду дома —
Под ласковым деревом, под черным небом,
Под всеми крышами, у всех каминов,
На пустой улице, на ярком солнце,
В смутных взглядах толпы,

*Среди мудрых и безумных,
Среди детей и среди взрослых.
В любви нет ничего таинственного,
Мы здесь, все нас видят.
И влюбленным кажется,
Что они у нас в гостях.*

«О переводах Неруды» — отрывок из статьи «Пабло Неруда». Печатается по тексту: Собр. соч. в 9 томах, т. 6, стр. 637—638.

H. Полянский

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ	
ЖАК ДЕ БЕЗЬЕ	
О трех рыцарях и о рубахе	15
ПЕСНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	
Рыцари, вас зову на борьбу	23
Я вам пою, вы долго спали	24
Братья, новый день встает	25
Я сложу эту песню, изнывая	26
Ликуйте, радуйтесь отныне	27
Дама нежная, скрестивши руки	29
НАРОДНЫЕ ПЕСНИ XV—XVIII веков.	
По дороге, по лоррэнской	30
Пернетта	31
У отца зеленая яблоня	33
Рено	34
Возвращение моряка	36
У окна сидела принцесса-красавица	37
В садике моем четыре дерева	38
Враки	39
Господин Ля Палисс	40
Гора	42
ФРАНСУА ВИЙОН	
Баллада поэтического состязания в Блуа	43
Я знаю, что вельможа и бродяга... (Из «Большого завещания»)	44

Баллада и молитва	45
Где крепкие, тугие груди? (Из «Жалоб прекрасной оружейницы»)	46
Баллада прекрасной оружейницы девушкам легкого поведения	47
Баллада, в которой Вийон просит у всех пощады Я душу смутную мою (Из «Большого завещания»)	48
Послание к друзьям	49
Баллада истин наизнанку	50
Спор между Вийоном и его душою	51
Рондо	52
Эпитафия, написанная Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы	53
Баллада примет	54
О юности могу грустить я (Из «Большого завещания»)	55
Противоположения Фран-Гонтье	56
Вийон своей подруге	57
Баллада (заключительная)	58
Эпитафия	59
Баллада о дамах былых времен	60
Баллада Вийона к толстой Марго	61
Для матери молитва скреплена (Из «Большого завещания»)	62
Баллада, которую Вийон написал своей матери, чтоб она прославляла богородицу	62
Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он был приговорен к смерти	64
РОНСАР	
Старухой после медленного дня...	65

ИОАХИМ ДЮ БЕЛЛЕ

ИЗ КНИГИ «ОЛИВА»

LIX. Голубка над кипящими валами...	66
LXXXIII. Уж ночь на небо выгоняла стадо...	66

ИЗ КНИГИ «ДРЕВНОСТИ РИМА»

III. Увидев Рим с холмами неживыми...	67
VII. Повсюду славен, повсеместно чтим...	68
XXVII. Пришельца потрясает запустенье...	68

ИЗ КНИГИ «СОЖАЛЕНИЯ»

I. Я не берусь проникнуть в суть природы...	69
V. Листцы покажут нам искусство лести...	70
IX. В лесу ягненок блеет...	70
XII. Служу — я правды от тебя не прячу...	71
XXXI. Счастлив, кто, уподобясь Одиссею...	71
XXXIX. Хочу я верить, а кругом неверье...	72
CVI. Зачем глаза им?..	73

ЭЖЕН ПОТЬЕ

Жан-Нищета	74
----------------------	----

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Полдень фавна	76
-------------------------	----

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Сентиментальная прогулка	80
Сентиментальный разговор	80
Амур на земле	81
Свет луны туманной...	82
Тень деревьев...	83

Рука печальная ласкает пианино...	83
Сердце тихо плачет...	84
Бедные добрые помыслы...	84
АРТИОР РЕМБО	
Сон на зиму	86
Les chercheuses de poux	87
ЖАН МОРЕАС	
Сатиры и осень	88
Стансы	88
ПОЛЬ РУАНАР	
Старик. Отрывок	91
Подруга поэта	92
АЛЬБЕР САМЕН	
Моя душа	93
Вечер	94
Версаль	95
Весенний вечер	96
РЕМИ ДЕ ГУРМОН	
В церкви	98
Да будут руки грешные твои благословенны...	99
Волосы	100
Снег	101
ПЮСТАВ КАН	
Девушки Багдада уезжают в море...	102
Что мне...	103

ЖЮЛЬ ЛАФОРГ

Воскресенья	104
Жалоба о забвении мертвых	105
Воскресенья	106

ЛУИ ЛЕ КАРДОННЕЛЬ

Божественное преследование	108
Эпилог. Отрывок	109
Кипарисы	109

АДОЛЬФ РЕТТЕ

Зимняя песня	111
Хвала ветру	112

ФРАНСИС ВЬЕЛЕ-ГРИФФЕН

Нежные вечера завали...	114
Сказочный вечер был с нами...	115
Осень	116
На заре солнце под лучами колкими...	117

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Осень	118
Ода	118
Желтая луна	120
Голос	121

ПОЛЬ ФОР

Моя радость в траву упала...	
Мой портрет	123

ШАРЛЬ ГЕРЕН	
Печаль-вино...	124
Старуха та похожа на столбы дорог...	124
СЕН-ЖОРЖ ДЕ БУАЛЬЕ	
Бродяга-Горе	126
Заходящее солнце	127
АНДРЕ СПИР	
Что делать в этом мире?..	128
Непостоянство	129
Франции	130
ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР	
Отрывок	132
Крокусы	133
Отрывок	133
ШАРЛЬ КРОС	
В Люксембургском саду	135
Утро	136
АНДРЕ САЛЬМОН	
Соната	137
Поэт прогуливается	138
Артур Рембо	139
АЛЕКСАНДР МЕРСЕРО	
Распяли солнце	141
НИКОЛЯ БОДУАНЬ	
Простые вещи кругом меня...	143

ШАРЛЬ ВИЛЬДРАК	
Собутыльники	145
После полночи	146
Одна песня	147
Если бы сейчас...	148
ФЕРНАН ДИВУАР	
Отрывок	150
ТРИСТАН ДЕРЕМ	
Вспоминания вечером дрожат...	152
Моя надежда ясная...	152
Ветер, две ивы качая...	153
АЛЬБЕР-ЖАН	
На платформе	154
ЖАН ДОРСЕНЮС	
Октябрь	156
ФРАНСИС ЖАММ	
ИЗ КНИГИ «ОТ УТРЕННЕГО БЛАГОВЕСТА ДО ВЕЧЕРНИ»	
Полезный календарь	158
Он мирно на куске своей земли живет...	160
Кто-то тащит на убой телят...	161
Есть здесь старинный дом...	162
Вот кто славным трудится трудом!..	163
Это было вечером, оттенок гор...	163
В экипаже ехал я в деревню эту...	164
Собака в снег пугается идти, и ей...	166

Я читал романы, сборники стихов...	166
Вот уж с дождями осень подошла...	167
Ты с грязным стадом, и с лохматым псом...	167
ИЗ КНИГИ «ТРАУР ВЕСЕН»	
Элегия	168
Молитва, чтоб ребенок не умер	169
Молитва, чтобы получить звезду	169
Молитва, чтоб войти в рай с ослами	170
ИЗ КНИГИ «ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ»	
Жан Нуаррьо. Отрывок из поэмы	171
ИЗ КНИГИ «ПРОГАЛИНЫ В НЕБЕ»	
Уж завтра будет год...	172
Висит на белой стенке у кровати...	173
Молитвы, как цветы, восходят к богу...	173
В это утро...	173
В городке, где показалась богоматерь...	174
Слава Марии	175
Перед зимой на телеграфных проводах...	176
ШАРЛЬ ПЕГИ	
...Блаженны погибшие в великих боях...	178
Они разрушают дома...	178
РОБЕР ДЕСНОС	
Я так мечтал о тебе...	179
Улица Сен-Мартен у меня была...	179
Взгляни — у бездны на краю трава...	180

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ГОНСАЛО ИЗ БЕРСЕО

Явления богородицы, записанные монахом Гонсало из Берсео	183
--	-----

ХУАН РУИС

ИЗ «КНИГИ О ДОБРОЙ ЛЮБВИ»

О наружностиprotoиеря и о встрече с доньей Гаросой	185
--	-----

ХОРХЕ МАНРИКЕ

На смерть дона Родриго, рыцаря ордена св. Иакова, его отца	187
Годы проходят...	187
Наша жизнь — лишь реки...	187
Сей мир — лишь дорога...	188
Все, что мы жаждем...	188
Все утехи и радости плоти...	189
Были короли великой власти...	189
Где столь прославленные герои?..	190
Столько именитых баронов...	190
Вот храбрый рыцарь дон Родриго...	191
Какой друг друзьям верным...	191
Не богатство сплело ему лавры...	192
Итак, столько пешек передвинув...	192

ИЗ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ПАБЛО НЕРУДА

ИЗ КНИГИ «ДВАДЦАТЬ ПЕСЕН О ЛЮБВИ»

Утро, полное бурь...	197
--------------------------------	-----

КНИГА «ИСПАНИЯ В СЕРДЦЕ»

Обращение	197
Бомбардировка	198
Проклятие	198
Испания, бедная по вине богатых	199
Мадрид (1936)	200
Объяснение	201
Предатели генералы	203
Матерям убитых дружинников	204
Какой была Испания	206
Прибытие в Мадрид Интернациональной бригады	209
Битва на реке Харама	210
Альмерия	212
Оскорбленная земля	213
Развалины	213
Победа Народной армии	215
Цеха на фронте	215
После битвы	216
Гранатометчики	217
Мадрид (1937)	219
Ода Народной армии	221

НИКОЛАС ГИЛЬЕН

Полковники из терракоты...	224
Чтоб заработать на хлеб...	224
Они убивают, когда я работаю...	226
Хосе Рамон поет в баре	226
Моя родина кажется сахарной...	228
Когда я пришел на эту землю...	230
Элегия	232

Венесуэльская песня	233
Венесуэла	234

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илья Эренбург. Стихи о смерти	239
Илья Эренбург. Старая французская песня	242
Илья Эренбург. О поэзии Поля Элюара	253
Илья Эренбург. О переводах Неруды	258

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к переводам Ильи Эренбурга	263
Из французской поэзии	269
Из испанской поэзии	287
Из латиноамериканской поэзии	289
Приложение	290

ТЕНЬ ДЕРЕВЬЕВ

Редактор *Б. Шуплецов*

Художественный редактор *А. Купцов*

Технический редактор *И. Токер*

Корректоры *А. Илюхина и Э. Зельдес*

Сдано в производство 16X 1968 г. Подписано к печати 15V 1969 г.
Бумага 70Х108^½, бум. л. 4^¼ печ. л. 133 Уч.-изд. л. 10,27.
Изд. № 129707. Цена 79 коп. Зак. 344

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2